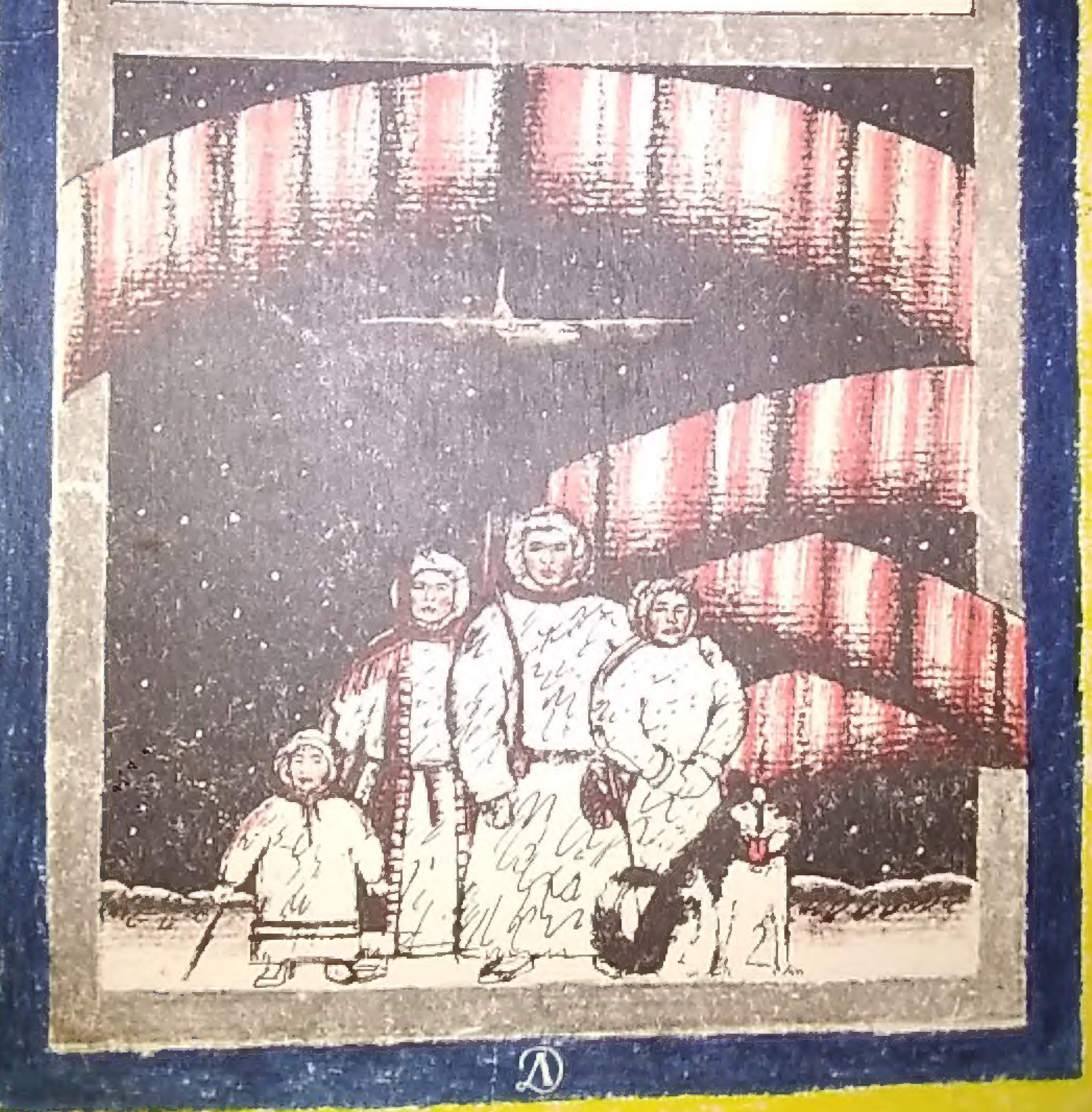
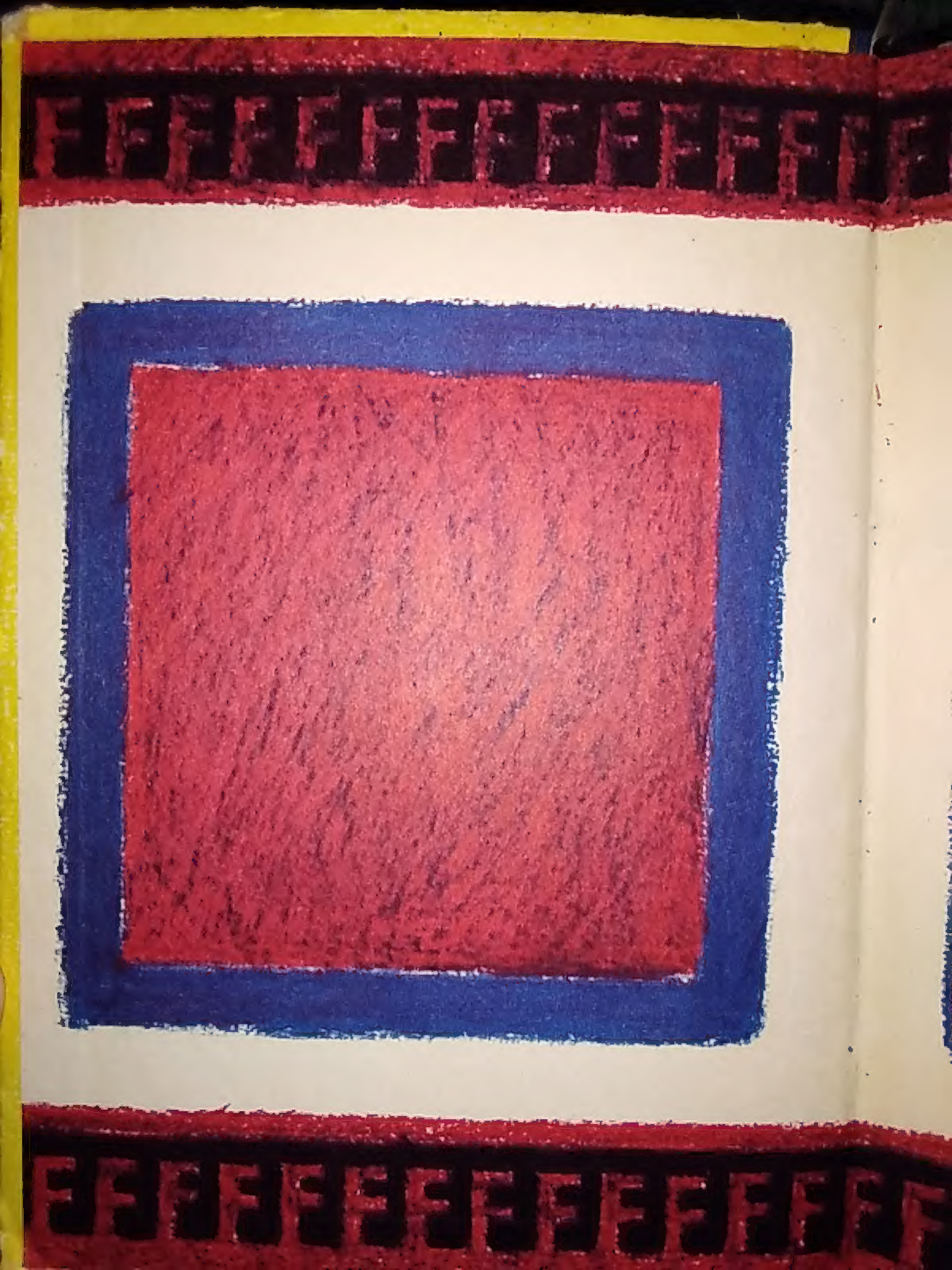
НА СЕМИ ВЕТРАХ

Д

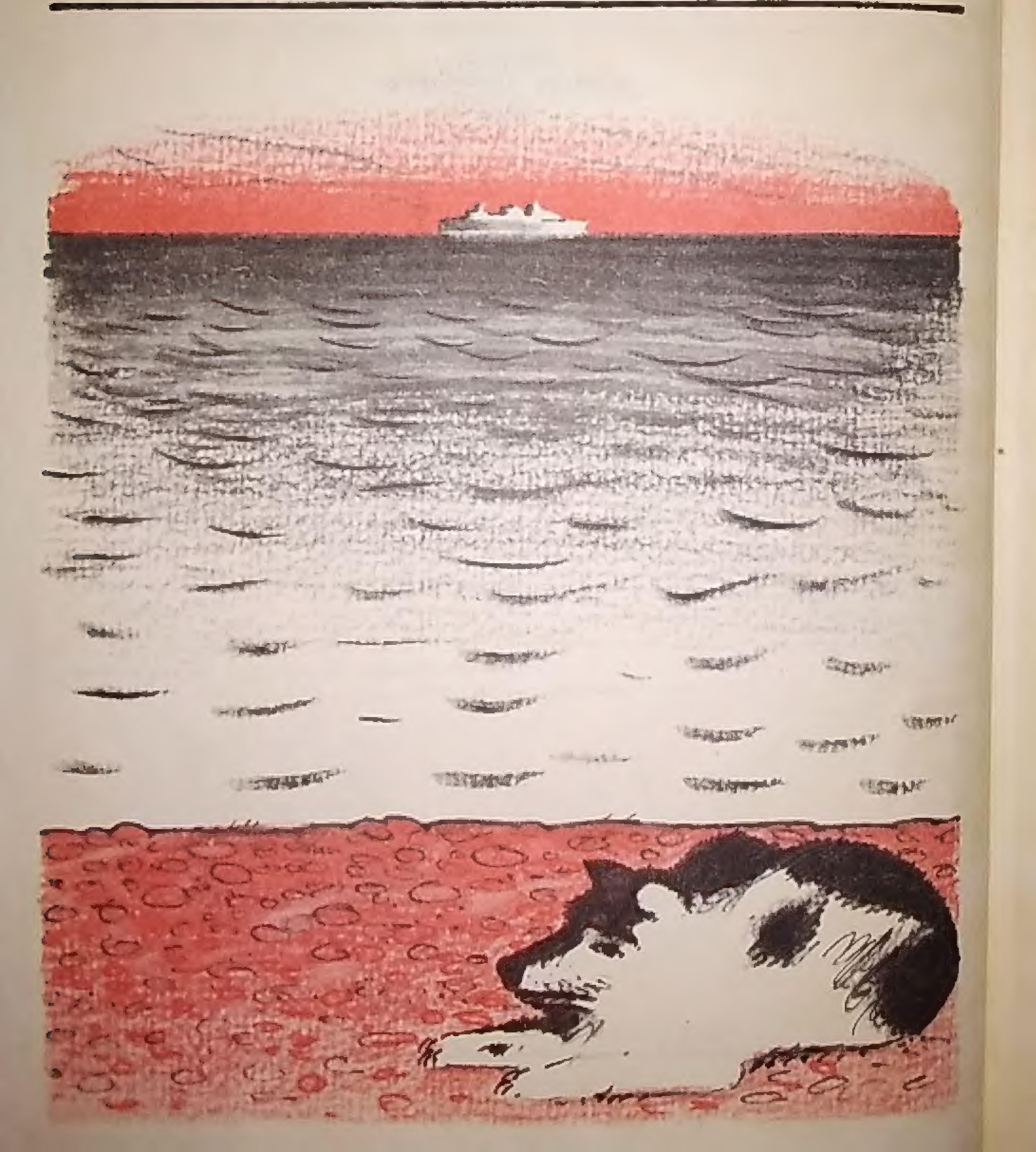

НА СЕМИ ВЕТРАХ

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1984

Переводы с языков народов Крайнего Севера и Дальнего Востока

Составитель И.Е.Буркова
Рецензент П.П.Нефёдов

НА СЕМИ ВЕТРАХ

РАССКАЗЫ, СТИХИ, СКАЗКИ ПИСАТЕЛЕЙ НАРОДОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Художник
В. А. Сальников

МОСКВА
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1984

С(Саб)
Н 12

Н $\frac{4803010200-060}{М101(03)84}$ 346—83

Дорогой наш читатель!

Эта книга расскажет тебе о Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Север, Восток, Крайний, Дальний? Сами названия говорят, что эти земли находятся далеко от центра нашей страны. Чтобы попасть, например, в чукотское селение Уэлле́н, надо лететь на самолёте много часов, несколько раз он приземляется в пути, чтобы заправиться: на всю дорогу ему не хватает горючего. День начинается в нашей стране в Уэллене, а добирается он до столицы через девять часов. Утром, когда воронежский, московский или рижский школьник только ещё просыпается и собирается в школу, в Уэллене дети уже давно отучились, приготовили домашнее задание, нагулялись, у них наступил вечер. Вот как это далеко! Край земли, Крайний Север.

Я сказала: утро, день, вечер. А представь себе, зимой на Крайнем Севере не бывает утра, дня, вечера. Одна ночь. Нет солнца, нет света. Всю зиму — долгие месяцы — темень. И трескучие морозы, до семидесяти градусов. И много снега.

И часто случается пурга. Это когда и снег идёт, и дует сильнейший ветер. Тогда опасно бывает выходить из дому — можно погибнуть. Даже взрослого ветер сбивает с ног, подхватывает, как пушинку, несёт неизвестно куда, и мороз набрасывается на свою жертву. Пурга — беда. В пургу замирает жизнь, объявляется чрезвычайное положение, как в войну,

создаётся специальная комиссия. Она предотвращает бедствия, которые может учинить пурга, устраняет аварии и несчастья, если пурге всё же удаётся их совершить. Зато потом к северянам приходит праздник. Природа преподносит им подарок, какого больше нигде никогда не получишь, — полярное сияние. Ночное небо озаряется разными красками: синей, зелёной, красной, жёлтой... Всё это колеблется, полыхает, меркнет и вспыхивает с новой силой, шелестит, тихонько гудит и звенит. Необыкновенной красоты зрелище! Его словами трудно описать, его надо видеть.

И ещё чудо. Летом на Севере нет утра, вечера, ночи. Есть один день. Он продолжается непрерывно несколько недель подряд. Солнце ни на минуту не заходит. И дети путаются, не знают, когда им бегать, играть, а когда пришла пора для сна. Полярное лето яркое, но короткое и чуть тёплое. Солнце успевает прогреть лишь тонкий слой земли, а глубже она остаётся мёрзлой, как зимой. Поэтому в Заполярье скудна растительность: мох ягель, низенькая травка, малюсенькие цветочки, карликовые берёзки. Не поверишь, дерево высотой... тебе до колена не достаёт. Много чудес на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Ты узна́ешь о них из этой книги. Она расскажет тебе о тундре и тайге. Об оленях — они очень важны на Севере: кормят человека, одевают, обувают, дают ему кров, служат вместо машины. О собаках, на которых тоже человек ездит и возит грузы. Об яра́нге — домике из оленьих шкур, в котором живёт оленевод. Яранга не стоит на месте, как положено дому. Она путешественница. С пастухом и оленями кочует по тундре.

Ты узнаешь, как огромны просторы Крайнего Севера и Дальнего Востока. И в то же время живёт там мало людей: кочующий оленевод или охотник подолгу не встречает человека, а города и посёлки редки. Народу мало, но они разных

национальностей: чу́кчи, эскимо́сы, не́нцы, нана́йцы, ха́нты, ма́нси, эве́ны, эве́нки, юкаги́ры, ни́вхи, удэге́йцы, у́льчи, коря́ки... У каждого народа свой язык, свои обычаи, нравы, привычки, свои сказки, песни и танцы. До Октябрьской революции коренные северяне были все неграмотными. Больше того, у них вообще не было письменности. А теперь они, само собой, пользуются всеми достижениями культуры, как любой гражданин Страны Советов. И понятно, что среди них открылось много талантов: писателей, художников, музыкантов, артистов, учёных...

Крайний Север и Дальний Восток необычайно богаты и полезными ископаемыми, что обнаружилось тоже только в советское время. Однако добираться до них трудно — не пускает вечная мерзлота. Сковала землю льдом покрепче цемента — попробуй пробиться. А растопишь лёд — всё поплывёт, раскиснет, развалится, ни одно строение не удержится на месте. Но учёные Якутского института мерзлотоведения (единственного в мире) постепенно подбирают ключи к вечной мерзлоте, открывают её тайны, приручают её. И вот уже появились на Севере шахты, карьеры, рудники, нефтяные вышки. Добываются уголь и нефть, медь и олово, золото и алмазы.

Строится железная дорога БАМ, Байкало-Амурская магистраль, по отдельным участкам её уже везут грузы. Уверенно идут караваны судов по Великому Ледовитому океану — путь им пробивают ледоколы, даже атомные. В небесах проложены авиационные трассы. В любую точку тундры или тайги может опуститься вертолёт, если надо даже для единственного пассажира, охотника или оленевода. Северяне забираются и выше — в космос. Учёные Якутского института космофизики и аэрономии изучают планеты и звёзды, пытаются раскрыть секреты полярного сияния. Новая жизнь пришла на древнюю, вечномёрзлую, суровую

землю Севера и таёжного Дальнего Востока. О ней пишут писатели в своих произведениях. Вспоминают и прошлое. Не забывают они старинные сказки, легенды, пословицы, поговорки, песни, используют их в своём творчестве.

И. Буркова

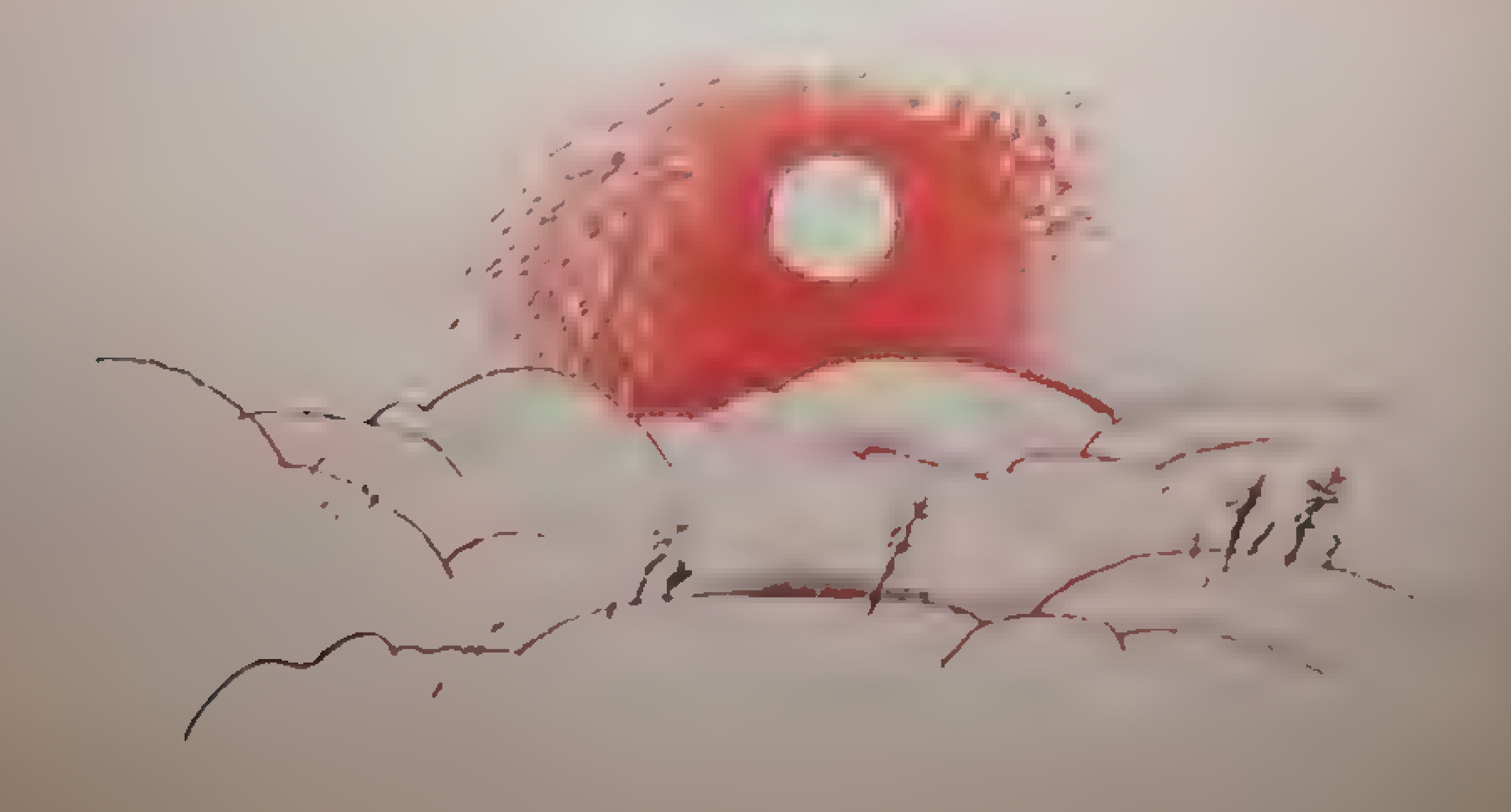
МОЙ ДОМ РОДНОЙ

Василий Кейметинов

РОДНОЙ КРАЙ

За жизнь большие города
Успел я повидать,
А всё лечу душой туда,
Где пела песни мать.
Туда, в родимый, тихий край,
Где мне открылся свет.
Земля моя, ты верь и знай:
Тебя дороже нет!
Люблю большие города,
Где все сады — в цвету,
Но в них скучаю я всегда,
Свой край я больше чту.
К нему спешу со всех дорог,
Чтобы прильнуть скорей,
Я, как ребёнок-сосунок,
К кормилице своей...
Земли не видел я добрей,
Сердечней — наших мам,
И стаи птиц из-за морей
Летят гнездиться к нам!
Как будто нет краёв теплей
В Алжире иль в Крыму,
Но птицам Север наш милей
Они летят к нему!
Не сосчитаешь — не суметь!
Богатств, что есть у нас:
Здесь есть и золото, и медь,
Есть серебро, алмаз!
Вот почему дороги к нам
Со всех концов ведут,
И нету счёта городам,
Что вырастают тут!
Таков он, северный мой край
Он дышит новизной,
И если есть на свете рай,
То рай — мой край родной!

Ювач Шесталов

ШАМАНКА

Не раз Са́ва слышал про Красного духа заразы, про оспу. Бабушка про него рассказывала, показывая на лицо и плечи свои. Лицо и плечи бабушки усеяны маленькими красненькими пятнышками. Эти знаки наложил Красный дух заразы, который прикоснулся к ней ещё в детстве, но не смог осилить её. Упрямая бабушка очень хотела жить. Добрый дух души её победил злого Красного духа. И она до сих пор живёт. Добрые выживают. Надо быть добрым. Так думал Сава в полудрёме...

Он лежал на шкуре, раскинув руки, с полуоткрытыми глазами и ртом. Дыхание его было прерывисто, нижняя челюсть чуть заметно двигалась.

Когда другие замолчали, сквозь полудрёму Сава вдруг услышал рыдания матери. А себя снова увидел в царстве мёртвых, в царстве теней. В немой равнине в сумрачном свете стояли чу́мы. Тучами летали комары. Без присмотра, без охраны бродили олени. Их рога колыхались, как кустарник в сильный ветер. У пустого чума колебались чьи-то тени, чуть напоминая людей. Где-то частой дробью стучал бубен, кто-то пел тоскливо песню, кто-то плакал...

Пришёл в себя Сава снова от голоса матери:

— Ой, миленькая, неужели ты шаманка? Так я хочу, чтобы мой сын был жив! Оленеводом не успел побыть, за соболями не походил, крылатым человеком не стал.

Открыв глаза, Сава увидел перед ним сама дохтур Ия. Та, которая ещё в школе его осматривала. Она была в таком же белом халате, и белая шапочка та же.

— Вылечим твоего сына, и старика Якеу́ вылечим! Советская медицина сильнее шаманов! — отвечала доктор Ия, видно продолжая давно начатую беседу. — Да вот и сын твой проснулся! — глядя на Саву большими серыми глазами, воскликнула доктор Ия. — Я же говорила, что Сава — мальчик сильный!..

Синеватые глаза мамы на мгновение заискрились солнечными бликами, но тут же они стали задумчиво серьезными, и в них блеснули слёзы. Потянувшись к сыну, она замерла над ним. Розовые губы её вздрагивали... Она будто боялась чего-то.

— А духи... Не спугнуть бы добрых... — прошептала она, глядя тревожными глазами то на сына, то на доктора Ию...

Сава смотрел на маму. Узнавал и не узнавал её. Она была одета в широкое мансийское платье, расшитое ярким орнаментом самых причудливых форм. Она была одета празднично. Но на лице её — печаль.

— Вылечим твоего старшего, и младшую тоже! — кивая в угол, с улыбкой сказала Ия.

В углу запищал малыш. Мама, как белая куропатка, взмахнула руками и полетела в угол. Мгновение — и на её коленях оказалась берестяная люлька с малышом. Она раскрыла полную грудь, притянула к груди маленькое живое существо, завёрнутое в шкуры. И синие глаза и веснушчатое лицо вновь засияли.

Посреди чума весело горел огонь. У огня играла с собакой девочка. Красный, скользкий язык собаки то лизнёт девочку в руку, а то в носик. Девочка задорно смеётся.

— Сестрёнка! — удивился Сава, радуясь встрече с родными. Но больше всего удивило Саву то, что на другой стороне чума лежал старик Якса. И доктор Ия, наклонившись над ним, что-то ему говорила, а Якса смотрел на неё тёплыми глазами.

Саве стало тепло-тепло, как в давние дни, когда был совсем маленьким. И сквозь сказочный сон он слышал возню в чуме, кто-то что-то делал, убирал, мыл. До его слуха доносились обрывки оживлённого разговора двух женщин.

— Ты такая симпатичная, хорошая... И как ты выносишь всё это?! Чум, холод, неуют... — говорила доктор Ия. — В такой обстановке не может прийти мысль вымыть руки, не говоря уже о голове, теле. Да, в такой обстановке люди не могут быть здоровыми. Не случайны болезни, эпидемии...

— А главное, в чуме никогда не бывает солнца. А я люблю солнце... Я родилась в деревне, в деревянном мансийском доме.

— А как ты оказалась здесь?

— О, это долгая сказка...

— Расскажи, пожалуйста...

— Жила я в деревне. Дом был у нас, а не чум дырявый. В углу горел чува́л, а не этот дымный костёр. Окно было в доме. Пусть оно было не стеклянное, а изо льда сделанное. Но через него проходил свет... Давно я живу без света, с тех пор как погиб мой первый муж, отец Савы.

— Как? Он погиб?!

— Пришли красные в нашу деревню — он с ними пошёл. Хорошо, говорят, воевал, богатырём слыл, красным партизаном называли... Потом убили его. — В голосе матери послышались слёзы. — В день, когда его убили, Сава родился. Давно это было.

Десять лет назад. Когда большая драка кругом стояла... Гражданской войной называют это время... О, что тогда было!.. Первый мой муж за новую жизнь боролся... Говорил, что яса́к-налог отменят, у бедных появятся олени, богатые не смогут притеснять никого, женщина будет иметь равные права с мужчиной... «Вот подожди, подожди, — говорил он при последней встрече, — управимся с теми, кто за старое стоит, станем новую власть устанавливать, а называться она будет — Советской...» — Мама вздохнула. Помолчала. Потом вновь продолжала: — Теперь, слышу, власть-то новая и вправду называется Советской, да только новой той жизни в нашей тайге не вижу. Олени, чумы, да те же Железная Шапка и Осьмар Васька верховодят... Ой-ой-ой! Зачем мой красный партизан погиб!.. Зачем он меня обманул!.. Ой-ой-ой!

— Вот мы и пришли устанавливать Советскую власть в самой глухой тайге. Вот мы и исполняем мечту, за которую погиб твой красный партизан! — успокаивала маму доктор Ия.

Убаюканный тихими голосами женщин, Сава спокойно уснул.

Стоял февраль. Февраль сердит, вьюжен и холоден. Тундра курится. У таёжных холмов, у крутых берегов застывших рек - сугробы. Навьются сугробы и обваливаются, сбегая вниз белыми шариками, оставляя следы-борозды.

Ходит по тундре ветер.

За каждым бугорком вьётся его белый хвост. Кажется, стая песцов мчится в одну сторону, неся стужу.

В такую погоду зайцы сливаются со снегом. Тетерева и рябчики не покидают своих снежных спален. Волки, наевшись до отвала олениной, украденной из стада, отходят от тунни недалеко в таёжную чащу и тоже спят, забравшись в волчье логово...

Лишь лиса в такую погоду пытается охотиться. Но и у неё ничего не получается. Мыши глубоко под снегом: не так то легко их учуять. Покопает-покопает нору, поищет-поищет следы – да и бросит. Потянет узким носом в сторону ветра, наберёт полные ноздри летучего снега да и поплетётся в сторону густого ельника, в поисках тёплой спальни.

В такую погоду и люди сидят больше у огня. Новый огонь согревал в эту стужу людей мансийской тайги. Огонь Красного чума горел ярко.

Молва о его доброй работе, чудодейственной борьбе со злым духом заразы облетела все чумы. Во многих из них побывала доктор Ия.

Приехав в чум, где уже успела порезвиться оспа, оказав первую медицинскую помощь, она обычно сразу принималась за работу Подбрасывала дрова в еле тлеющий костёр, кипятила воду. Затем, вооружившись ножом, выскребала и вымывала доски у очага, которые заменяли пол. Частенько сама мыла ребятишек. И на глазах ошарашенных женщин, завернув их в чистые простыни, укладывала спать. Натопив как следует чум, заставляла мыться и самих женщин.

У входа в чум обычно появлялись полотенце, тёплая вода. туалетное мыло.

Потом вместе шили платье, пили чай. Кочевницы разговаривали, с любопытством поглядывали на свою новую подругу.

Немного слов они знали по русски. А Ия почти не говорила по-мансийски. Но женщины понимали друг друга, когда они делали одно дело: наводили в жилище уют и порядок, боролись со злым духом заразы – оспой. И чаще всего побеждали.

Доктора Ию назвали шаман девкой. Беседы с ней назвали люди красными посиделками.

Соберутся, бывало, женщины. Сядут кружком. Каждая со своим делом. Кто мнёт шкуру лосиных лап, кто выводит узоры по меху для лёгких и изящных кисов, кто бисером обшивает платье,

кто плетёт шерстяной поясок. Рукоделье у каждой своё, а беседа — общая. Зимний-то вечер длинный, слов много надо сказать. А в глухой тайге какие новости?

Вот и рады бывают женщины, когда шаман-девка появляется среди них.

Всегда она скажет что-то такое, над чем женщины потом, оставшись наедине сами с собой, долго думают. И про Советскую власть, и про Ленина, и про колхоз, и про новое солнце, которое будто бы горит от обыкновенного железного провода.

— Вот учитель учит моего сына в кочевой школе (к тому времени в Красном чуме организовали кочевую школу), — говорила моложавая мансийка. Она вязала спицами шерстяной чулок с причудливыми узорами. — Кем он будет? Оленеводом или охотником? Так зачем тогда учиться? Отец его и без грамоты хорошо пасёт оленей. А вчера ещё и соболя принёс.

— Ты была в культбазе? Видела, там пушнину принимает человек из вашего народа? Он не только умеет шкурки считать, но и разговаривать по бумажке, торговать умеет, — отвечала доктор Ия. — Разве не надо вам своих приёмщиков пушнины или продавцов?

— Приёмщиком пушнины? Разве это лучше, чем охотником? Дома сидеть... Разве это хорошо? Отец вот месяцами в тайге пропадает.

— И даже купцами могут стать наши внуки? — спрашивала старая мансийка. — Купцы на ярмарке всегда весёлые, жирные. Никогда только я не видела мансийского купца. Неужели возможно такое счастье?

— Купцов, бабушка, теперь нет и не будет! — объясняла горячо, заливаясь румянцем, доктор Ия. — А вот продавцом в магазине можно стать. Люди Севера сами должны и торговать, и строить дома, и добывать рыбу... Так Ленин сказал. А чтобы торговать самим, надо учиться разговаривать по бумажке, то есть читать. Это не детская игра. Нет! Просто человеку невозможно все запомнить. Тут на помощь приходит бумага. На ней всё можно записать. И сколько дроби и пороху брал в долг охотник перед уходом на промысел, и сколько белок сдал.

— Верно! Верно! — соглашалась старуха. — Купец всегда в бумажку заглядывал. В бумажке долги находил. По бумажке богато жил. Наши внуки пусть учатся. Может, к ним тоже придет счастье.

— И учителем может стать мой сын? — спрашивала ещё одна.

— Конечно же! И учителем, и врачом, и ученым! — говорила Ия.

- Учителем не надо! — о чём-то задумавшись, вступила в разговор молчавшая до этого мама Савы. — Больно уж хлопотное занятие. И дохтуром тоже. Мы по тебе видим. Да ещё шаман, греха не оберёшься, злых духов назовёт — болеть будешь. Язык-то у него плохой. Ишь, говорит, что сам верхний дух спускается к нему с неба и пьёт с ним чай. Ты-то русская, бог у тебя другой. И шаманские слова для тебя нипочём. А если манси учителем или врачом будет? Нет, не надо!

Так говорили часами женщины манси и русская девушка.

На красных посиделках она читала им газеты, рассказывала о партии Ленина, знакомила с правилами новой жизни, показывала новые вещи, учила с ними обращаться.

А новая жизнь наступала. В деревне для колхозников уже строились тёплые рубленые дома, магазины, избы-читальни.

Таёжный и тундровый народ видел, что жизнь меняется на глазах. В культбазовской школе-интернате чисто и светло, тепло. Детей, говорят, там хорошо кормят, обувают, одевают.

Много добрых вестей приходило с культбазы.

Недавно туда за порохом и дробью ездил Сас.

Поразительные вести привёз он.

Будто только остановил он оленей, как его встретил сам начальник культбазы. И привёл его в дом для приезжих оленеводов и охотников. Гостиницей это называется. Там тепло и уютно. Угостили Саса чаем и другими вкусными кушаньями, затем сразу повели в читальный зал. Но старик не стал в нём задерживаться.

А вечером было кино.

Удивительная это штука. Обыкновенная белая ткань повешена на стене. Вдруг затрещала, защёлкала какая то мудрёная машина, поставленная у другой стены. Загорелся, заискрился огонёк. И белое полотнище засияло, словно зажглось дневным светом.

А прямо по стене пошли люди.

Кругом дома, машины. Дома высокие, как горы... И даже олени мчались по белой стене. Сас говорит, было рванулся ловить их.

Да люди сказали, что это кино...

Удивительно, как это на белой как снег ткани вдруг появляется жизнь! И люди там ходят, разговаривают, купают, а в магазинах товару!.. О, это новое волшебство, небывалое в тайге волшебство! Даже шаман Якса так не может колдовать!..

А вечером Саса повели в купальный дом, который построили в культбазе. Баней это называется. Ох и жарко там! Березой пахнет! Будто в тёплом лете побывал старик Сас...

Рассказывал он и про новый магазин, и про больницу. Любую болезнь, говорят, могут вылечить врачи... Много великих волшебников у Советской власти!..

— Наша дохтур Ия — шаман-девка, волшебница, — шептались женщины, расходясь по чумам. — Но она из добрых духов, белый шаман!..

Доктор Ия вылечила не только Яксу, но и многих из других стойбищ вернула она к жизни.

Когда шаман Якса стал поправляться, он с нескрываемым любопытством наблюдал за работой доктора Ии. Иногда просил кое-что из медицинских принадлежностей, подолгу вертел в руках градусник, шприц, особый интерес проявлял к лекарствам, которыми пользовалась доктор Ия.

— Ох, шаман-девка, о волшебница! — восклицал он, ласково глядя на доктора Ию.

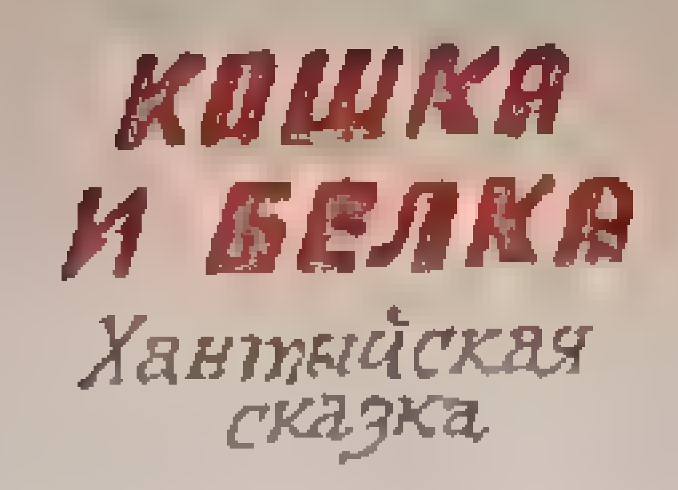
Анна Ходжер

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Зимней ночью на окошко
Подыши, мой сын, немножко
И в протаянный глазок
Посмотри на мир морозный.
На Луну, Амур, на сосны,
На избушки огонёк.
Спят берёзки в белых шалях,
Им тепло, и мне не жаль их,
Ведь мороз совсем не злой,
Как нанайская старушка,
Вышивает завитушки
Он серебряной иглой.

Невидимкою лисицей
Ветерок по полю мчится,
Подметает снег хвостом.
Видишь, звёздочка упала,
Просверкала и пропала.
Хочешь, мы её найдём?
А теперь ложись в кроватку.
Спи спокойно, сладко-сладко.
Потускнел глазок в окне.
Ты закроешь тоже глазки
И во сне увидишь сказку,
А потом расскажешь мне.

Подружились однажды кошка с белкой. Прожили вместе целое лето.

Вот осень пришла, холодно стало. Потом снег пошёл.

Говорит белка кошке:

— Холодно, дружок, стало. Пора на зиму тёплый дом делать.

— Где же мы с тобой тёплый дом будем делать? — спрашивает кошка.

— На дереве хорошо бы, — говорит белка.

— Нет, под землёй лучше, — говорит кошка. — По деревьям зимой лазить трудно, замёрзнут у меня лапки.

Так и порешили. Стала кошка землю рыть. Вырыла землянку. Вот дом и готов.

Ну, а если кошка дом сделала, так она дому и хозяин.

Улеглись друзья в землянке. Тепло им.

Только согрелись, вдруг слышат — какой-то тяжёлый зверь пришёл, поверху ходит, в дом ломится.

Посылает кошка белку:

— Выйди, — говорит, — посмотри, кто там пришёл.

Вышла белка, посмотрела. А там медведь. Испугалась белочка, однако виду не подала, спрашивает медведя:

— Ты, дедушка, что тут делаешь?

— Землю рою.

— Зачем роешь?

— А вот разрою твой дом и съем тебя.

— Ты подожди, дедушка, не рой, я пойду хозяину своему скажу.

— А хозяин твой кто такой?

— Хозяин мой, — говорит белочка, — самый важный хозяин.

— А как его звать?

— Ой, дедушка, не спрашивай! Боюсь и выговорить.

Призадумался медведь, а белка побежала в землянку и говорит кошке:

— Медведь пришёл, хочет дом наш разрыть и нас съесть. Пропали мы с тобой.

А кошка говорит:

— Ну, зачем пропадать! Ты пойди скажи медведю: хозяин велел тебе лося убить и сюда притащить. А не притащишь — худо тебе будет.

Вышла белка из землянки и говорит медведю:

— Сердится мой хозяин, велит тебе, медведю, лося убить и сюда притащить. А не притащишь — худо тебе будет.

— Ну, — говорит медведь, — это дело не большое.

И пошёл лося убивать. Убил лося, на спину взвалил и к землянке принёс.

Встречает его белка.

— Ты, — говорит, — здесь подожди, а я к хозяину сбегаю скажу.

Побежала белка в землянку.

— Ну как, — спрашивает кошка, — принёс медведь лося?

— Принёс. Целого!

— Поди скажи ему: пусть ещё оленя принесёт, да побыстрее чтобы.

Вышла белка. А медведь сидит, устал.

— Ну, дедушка, хозяин тебе ещё дело делать велит.

— Какое такое дело?

— А вот какое дело: оленя принести, да поскорее.

— Ну, это дело маленькое.

Побежал медведь, торопится, вприпрыжку пустился. Убил оленя, на спину взвалил и к землянке принёс.

Белка в землянку бежит.

— Ну как, — спрашивает кошка, — принёс медведь оленя?

— Принёс. Целого!

— Ну, поди теперь скажи ему: пусть уходит подальше да никогда больше сюда не показывается!

Пошла белка. Сказала. А медведь-то и рад: легко отделался.

Побежал скорей прочь.

А кошка с белочкой смеются:

— Теперь нам на целый год еды хватит!

КОЛОТУШКА

Нанайская сказка

Близко ли, далёко ли — не знаю где, жил один старик.

У старика всего богатства было — сито лубяное плетёное, ковшик серебряный и колотушка деревянная. Больше ничего не было. Так он и жил.

И вот услышал он один раз, что в соседнем стойбище богатый шаман поминки справляет.

Пошёл старик на поминки и захватил с собой сито.

А сито было не простое. Хоть песку в него положи, хоть снегу, только потрясёшь — из него всякая еда посыплется.

Вот пришёл старик к шаману, сито на вешалах[1] оставил, а сам зашёл в дом.

Слуги шамановы стали угощать старика красной водкой. Сидит старик и пьёт.

А пока он в доме сидел да водку пил, шаман вышел во двор и видит: на вешалах сито плетёное висит.

Взял шаман сито и давай трясти. А из сита вдруг калачи, да оладьи, да лепёшки посыпались.

«Вот, — думает шаман, — какое сито хорошее».

Взял он сито и спрятал его.

А старик домой собрался. Подходит он к вешалам, смотрит — нет сита. Искал, искал — нигде нет. Рассердился старик, а делать нечего. Ушёл домой без сита.

На другой день опять позвали старика к шаману. В этот раз захватил он с собой ковшик серебряный.

А ковшик у старика тоже не простой был. Только наклонишь его — сейчас из него вино потечёт.

Пришёл старик к шаману, ковшик на вешалах оставил, а сам в дом вошёл.

Сидит в доме, красную водку пьёт. А пока он пил водку, шаман во двор вышел, видит — на вешалах ковшик серебряный висит. Взял он ковшик, наклонил — полилось из ковшика вино. Сколько ни льёт, сколько ни пьёт — всё вино не кончается.

[1] Вéшала — помост из жердей, на котором сушат рыбу.

Думает шаман: «Придётся и ковшик украсть».

И украл.

Вышел старик, глядит — а ковшика нет.

Поискал, поискал, да и ушёл домой.

На третий день стал старик опять к шаману собираться. Пошёл в свой амбар, смотрит — кроме колотушки, ничего не осталось.

А колотушка у него хоть и деревянная была, а тоже не простая.

Взял он колотушку, за спину закинул и в путь отправился.

Опять зашёл к шаману в дом, а колотушку на вешалах оставил.

Только он с гостями сел, красную водку пить начал, вдруг слышат гости — на дворе стук-крик-шум.

Выбежали все из дому, смотрят — колотушка сама шамана колотит.

Шаман кричит:

— Ой, не убивай!

А колотушка у него по спине так и скачет — колотит вора.

Опять кричит шаман:

— Ой, не убивай! Отдам сито...

— Нет, — говорит старик, — у меня ещё и ковшик был.

Побежал шаман к себе в дом, принёс сито и ковшик, отдал старику.

Тут старик сказал своей колотушке:

— Ладно уж, перестань колотить вора. Хватит с него.

Забрал он своё сито плетёное, да ковшик серебряный, да колотушку деревянную и ушёл к себе домой.

Стал он с тех пор дома жить. И к шаману больше не ходил.

Так и жил старик. Близко ли, далёко ли — не знаю.

МАЛЕНЬКИЙ УНАНЫ

Эвенкийская сказка

В одном стойбище много чумов было. В чумах эве́нки жили. Дружно, хорошо жили: охотились, рыбу ловили, в свободное время пели, плясали, играли.

Вдруг в один день над тайгой что-то сильно зашумело. Взглянули люди наверх, видят — летит кто-то крылатый, огромный, страшный.

Это злой людоед, шаман Коро́ндо был. Он большие крылья надевал, всюду летал, глотал людей.

Опустился Корэндо в стойбище, стал хватать людей. Кого схватит — живьём глотает. Никому не удалось спастись: всех поймал, всех проглотил Корэндо. Одна старушка уцелела: пока Корэндо людей ловил да глотал, она под железный котёл села, накрылась им, притаилась...

Старушку Корэндо не нашёл.

Проглотил он всех людей, взмахнул крыльями, поднялся высоко-высоко и улетел.

Когда затих шум, вылезла старушка из-под котла. Пошла чумы осматривать. Пусто в чумах — ни одного человека нет. Заплакала старушка:

— Как одна, без людей, жить буду?..

Заглянула в последний чум. Думала, и в нём пусто. Глядит — а в чуме мальчик лежит, совсем маленький.

Обрадовалась старушка. Сделала колыбельку, стала качать мальчика, стала растить его.

Назвала мальчика Уня́ны.

Не годами — днями рос Уняны. Когда подрос, возмужал — стал на охоту ходить, стал кормить старушку.

Спросил однажды Уняны:

— Бабушка, почему во всем стойбище только ты да я? Где все наши люди? Умерли они, что ли?

— Нет, малыш, их всех в одну ночь людоед проглотил. Я под котлом спряталась, ты в чуме неведомо как уцелел. Вот я тебя и выкормила, вырастила.

— Куда же этот людоед ушёл? Скажи мне!

— Сказала бы, да сама не знаю...

Рассердился сильно Уняны. Решил найти людоеда, наказать его. Пошёл в тайгу, поймал дикого оленя, принес в чум бабушке:

— Бабушка, не этот ли съел людей?

— Нет, малыш, нет, не он! Это добрый зверь. Это олень. Снеси его туда, где поймал, и отпусти.

Послушался Уняны бабушку, отнёс дикого оленя в тайгу и отпустил. Сам стал людоеда искать. Увидел росомаху, поймал, притащил в чум, к бабушке:

— Бабушка, не она ли погубила всех наших людей?

— Нет, малыш, нет — это росомаха. Она ни в чём не виновата. Отнеси её на то место, где поймал, и отпусти.

Уняны послушался бабушку: отпустил росомаху. Поймал лося, в чум привёл:

— Бабушка, не этот ли съел людей?

— Нет, малыш, нет, не он. Это лось. Он не ест людей. Отведи его туда, где поймал, и отпусти.

Отпустил Уняны лося, поймал волка. Привёл в чум, спрашивает:

— Не он ли съел наших людей?

— Нет, малыш, нет, не он. Это волк. Отпусти его!

Уняны волка отпустил, медведя поймал. Бабушка и медведя велела отпустить.

Так Уняны таскал к бабушке всех зверей больших и маленьких. И всех бабушка велела ему относить в тайгу, отпускать и не обижать.

Затосковал Уняны не знает, что делать. Заметила это бабушка. Не вытерпела, сказала:

— Малыш, не ищи людоеда в тайге! Обликом он похож на огромного человека. Прилетел он к нам на крыльях, как птица, и улетел обратно, а куда — не знаю... Знаю только, что это злой шаман Корэндо.

Перестал Уняны ходить в тайгу. Выпросил у бабушки крышку от большого котла, достал молоток и принялся ковать для себя крылья. Целый день у огня сидит, куёт. Долго ковал. Выковал, стал бабушку спрашивать, хороши ли крылья.

— Нет, малыш, не очень хороши: у Корэндо крылья больше!

Снова принялся Уняны за работу. Стал делать крылья больше. Когда сделал, захотел испытать их. Поднялся в небо и спрашивает бабушку:

— Бабушка! Корэндо летал на такой высоте, как тетерев?

— Нет, малыш, выше!

Уняны опять стал ковать. Ещё больше сделал крылья, снова поднялся, бабушку спросил:

— Бабушка! Корэндо летал так же высоко, как рябчик?

— Нет, малыш, Корэндо выше летал! Он летал, как теперь ты летаешь, не ниже. Чтобы победить Корэндо, надо сделать крылья больше, чем у него. И летать надо выше, чем он летает! Помни: Корэндо большой и сильный!

Уняны не огорчился, не отступил, опять за работу принялся. Без отдыха сидит у огня, молотком стучит — железные крылья мастерит.

Ещё больше сделал крылья. Поднялся в небо испытать их. Летает, сам бабушку спрашивает:

— Бабушка, скажи: повыше или пониже меня летал Корэндо?

— Теперь ты летаешь выше Корэндо! Он пониже летал!

Поднялся Уняны на большую высоту, под облака поднялся и увидел вдалеке огромный чум. Полетел в ту сторону.

Прилетел Уняны к тому чуму, увидел место, где опускался Корэндо на землю. Стал Уняны кружить над чумом. Кружит, сам поёт:

Выходи, Корэндо, из чума:
Прилетел я с тобою сражаться!

Долго пел. Корэндо из чума не вышел: его в чуме не было. Вышла из чума женщина, жена Корэндо, и пропела:

Эх ты, глупец, глупец!
Тоже нашёлся какой:
Хочет с Корэндо равняться!
Корэндо — могучий шаман,
Его победить невозможно!
Если ты смерти ищешь,
Тогда и лети к Корэндо!

Показала она Уняны, куда ему лететь. Взвился он и полетел дальше. Долго летел.

До второго чума долетел. Увидел место, где Корэндо на землю опускался. Закружился Уняны над чумом, запел свою песню, стал вызывать Корэндо на битву:

Выходи, Корэндо, из чума:
Прилетел я с тобою сражаться!

Вместо Корэндо из чума вышла вторая его жена и пропела ему в ответ:

Корэндо — могучий шаман,
Его победить невозможно!
Если ты смерти ищешь,
Тогда и лети к Корэндо!

Пропела она свою песню и указала Уняны, куда ему лететь. Замахал он крыльями и полетел. Долго летел... Увидел третий чум, стал вызывать Корэндо. Но и там Корэндо не было. Полетел Уняны к четвёртому чуму — и там людоеда не нашёл. Полетел к пятому — и там его не застал. Побывал в шестом — увидел не Корэндо, а шестую его жену. От неё и узнал Уняны, что Корэндо сейчас живёт в седьмом чуме. И все жёны Корэндо, с которыми Уняны разговаривал, пели ему одну и ту же песню:

Корэндо — могучий шаман,
Его победить невозможно!
Если ты смерти ищешь,
Тогда и лети к Корэндо!

Но их слова не испугали Уняны. Полетел он дальше, к седьмому чуму Корэндо. Прилетел, закружил над чумом людоеда и запел:

Выходи, Корэндо, из чума:
Прилетел я с тобою сражаться!

Пение Уняны услышала седьмая жена Корэндо. Она вышла и запела в ответ:

Не тревожь, не буди Корэндо!
Корэндо — могучий шаман.
Я не стану будить Корэндо.
Он высоко на крыльях взлетит,
Он тебя непременно убьёт —
Перед ним ты слаб, беззащитен!

Но и она не испугала Уняны. Он стал кружить всё ниже и ниже и пел всё громче и громче:

Корэндо погубил мой народ.
Я хочу отомстить ему!
Я хоть мал, но его не боюсь!
Поскорее буди его!

Вошла жена Корэндо в чум и разбудила его. После того она вышла к Уняны и снова запела:

Могучий Корэндо проснулся,
Он сейчас надевает крылья.
Сейчас он выйдет из чума
И будет с тобой сражаться!

Уняны стал кружить над самым чумом Корэндо, смело стал вызывать его:

Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Скорей выходи на битву!

В ответ из чума раздался хриплый голос людоеда:

Уняны! Уняны! Уняны!
Подожди, подожди немного!
Поем я, поем сначала!

Унялы запел:

Зачем тебе есть, Корэндо?
Недолго тебе жить осталось:
За наших людей отомщу я!

Хриплым голосом Корэндо ответил ему:

Уняны! Уняны! Уняны!
Подожди, пока я обуюсь!

Уняны запел:

Зачем тебе обуваться?
Недолго тебе жить осталось:
За наших людей отомщу я!

Корэндо запел:

Уняны! Уняны! Уняны!
Подожди, я крылья надену!

Но Уняны не отставал от него и настойчиво пел:

Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Чего ты медлишь, Корэндо?
Выходи, выходи скорее!
За наших людей отомщу я!

Тут огромный, толстый, тяжёлый Корэндо вылетел из чума и бросился на Уняны. Но лёгкий, проворный Уняны быстро и ловко поднялся высоко в небо. Корэндо машет своими крыльями хочет выше Уняны подняться. Но Уняны всё у него над головой кружит, не отстаёт от него.

Долго летали. Уняны всё время выше Корэндо летает не может Корэндо его догнать, не может ударить. Стал Корэндо уставать, запел:

Унянь! Унянь! Подожди, подожди!
Пониже, пониже спустись!
На такой высоте не умею биться —
Кружится у меня голова!

Засмеялся Унянь, ответил людоеду:

Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Почему это голова закружилась?
Я к тебе спускаться не буду!
За наших людей с тобой сражаюсь,
За братьев, сестёр тебе отомщу я —
Сломаю, сомну твои крылья!

Кинулся Унянь на Корэндо, стал кругами летать над ним. Летает, сам громко поёт:

Корэндо! Корэндо! Корэндо!
Перестанешь глотать людей,
Перестанешь опустошать стойбища —
Пришёл теперь твой конец!

Налетел он на Корэндо и сломал ему крылья. Упал толстый Корэндо камнем, ударился о землю, брюхо его лопнуло.

И вышли из его брюха все люди, которых он проглотил. В своё стойбище, в свои чумы все пошли. Снова жить стали!

Дмитрий Апросимов

ГЕРОЙ ПО ИМЕНИ ЭДУНЧА

Чёрные скалы насупились хмуро.
Ветер свищет в горах Джугджура[1].
Гаснет короткий полярный день.
Мчит по ущелью дикий олень.
Дикий — уводит домашнее стадо.
Надо догнать, сразить его надо!

Кто из эвенков ветер обгонит?
Кто похитителя стада догонит?
Кто всех точней стреляет с плеча?
— Лыжник по имени Эдунча́.

Если полярная ночь глубока,
Если метелью полны облака,
Песню о нём
Мы запоём,
Жаром сердец она горяча!
Эй, Эдунча! Эге-гей, Эдунча!

Вот он и едет! Едет герой!
Стадо оленей ведёт за собой.
Кто самый быстрый в горах?
— Эдунча.
Кто самый смелый в горах?
— Эдунча.
Кто самый меткий в горах?
— Эдунча.
Слава тебе, герой Эдунча!

[1] Джугджу́рские горы расположены на берегу Охотского моря в Хабаровском крае.

Василий Лебедев

ПОЧЕМУ У ГЛУХАРЯ БРОВИ КРАСНЫЕ

Поздней осенью деревья
В мелком бисере дождинок.
Скоро их зима укроет
Белоснежною дохой.
И встревоженные птицы,
Собираясь в путь свой длинный,
Семь ночей и дней кружатся
Над промокшею тайгой.
Вот они дождём умылись,
Расчесали перья ветром,
И орёл — вожак пернатых —
Им сказал: — Пора в полёт!
Наступила, птицы, осень,
Пролетело, птицы, лето,
Будем все держаться вместе,
Кто отстанет — пропадёт! —
Оглядел вожак деревья:
— Где глухарь? Куда пропал он?
Ну-ка, тетерев, слетай-ка,
Пусть ленивец поспешит! —
Но до умного приказа
Глухарю заботы мало.
Он сидит на дальнем кедре,
Клювом шишки шелушит.
Сколько тетерев ни бился,
Глухаря не переспорил.
— Не болтай, — твердит обжора,
Мне не к спеху улетать.
Видишь, сколько тут орешков —
Белкам их оставить, что ли?
Рядом с этаким богатством
Не житьё, а благодать! —
К птицам тетерев вернулся,
Передал ответ строптивый.
Осерчал орёл: — Пусть лебедь
Полетит за глухарём! —
Прилетел к обжоре лебедь,
Щёголь белый и красивый,
А глухарь такой упрямый —
Всё стоит он на своём:
Мол, зачем лететь куда-то
От богатства от такого!
Не добился толку лебедь,
Сколько шеей ни вертел, —
Всё глухарь лущил орешки,
А когда наелся вдоволь,
Он одумался и к птицам
Возвратиться захотел.
Прилетел он на опушку:
Глядь-поглядь — пустуют ветви,
Улетела птичья стая,
Скучно, холодно в лесу...
Мёрзнут крылья у обжоры, —
Как дожить теперь до лета?
Превратил мороз в ледышку
Глухариную слезу.
Из печальных глаз повсюду
Так и сыплются ледышки.
Ярко-красными от плача
Стали брови глухаря!
Слыша сказку эту, плачут
Глухариные детишки,
Потому красны их брови,
Как осенняя заря.

Владимир Санги

ДЕВОЧКА-ЛЕБЕДЬ

Лебеди в давнее время не имели голоса. Теперь-то они кричат «кы-кы, кы-кы», потому и зовут их ни́вхи «кыкы́к».

В то давнее время на берегу залива жила маленькая девочка. Она любила играть на берегу, рисовать на песке узоры, лепить из песка маленькие домики. Ещё она любила смотреть на птиц, пролетавших над её стойбищем, словно белые облака. Девочка ложилась на песок и смотрела на птиц, пока стая не растворялась в дали.

Мать и отец очень любили девочку. Так они и жили, пока не умерла мать. Девочка и её отец долго печалились. Потом отец отправился в дальнее стойбище за новой матерью для своей дочери.

Отец привёз красивую женщину.

Мачеха свысока посмотрела на девочку, но ничего не сказала.

На другой день отец ушёл на охоту.

Едва солнце поднялось, девочка вышла на берег поиграть с волнами. У воды она лепила домики. Набегавшая волна смывала песчаный домик, но, когда волна отходила, девочка успевала построить новый. Девочка увлеклась игрой и не заметила, как приблизился полдень. И когда солнце стало сильно припекать голову, побежала домой.

Мачеха только встала, принесла из амбара юко́лу — вяленую рыбу, нарезала и стала есть. Маленькую девочку она будто и не видела.

Мачеха наелась, а девочке бросила только рыбий хвостик.

Девочка съела хвостик, и ей ещё больше захотелось есть.

Мачеха же зевнула, отвернулась и снова легла спать.

С той поры девочке стало плохо жить.

Отец приносил с охоты много добычи. Принесёт и снова надолго уйдёт в лес.

Почти всё мачеха съедала сама.

Однажды отец сказал:

— Жена моя, что случилось? Почему наша дочь сильно похудела? Не больна ли она?

— Нет, ответила мачеха. Она целыми днями только и знает, что по берегу бегает. По дому же ничего не делает. Бездельница. Как ни корми её, худой будет.

Наступила осень. Птицы собирались в стаи, готовились улететь на юг. Однажды отец был дома, отдыхал. Мачеха принесла вкусную юколу, стала резать.

Девочке же и на этот раз не досталось ни крохи, мачеха будто и не видела её.

— Дай мне поесть, — попросила маленькая девочка.

— Отстань! — ответила мачеха.

— Дай мне поесть, — повторила просьбу маленькая девочка.

Но мачеха молчала.

Девочка протянула руку за ломтиком юколы. Мачеха ударила по пальцам.

Девочка вышла из дому, поднялась на бугор, заплакала. Из пальцев капала кровь. Девочка всхлипывала.

«Кы-кы, кы-кы!»

В это время над заливом пролетали лебеди. Услышали плач, спустились, сели около девочки. Увидели кровь и жалко им стало девочку. Беззвучно заплакали лебеди. Плакали-плакали и вдруг у них пробился голос:

«Кы-кы! Кы-кы! Кы-кы!»

Отец девочки услышал голоса, вышел. Увидел больших птиц, вернулся домой за луком и стрелами.

Лебеди взмахнули крыльями. И у девочки появились крылья. Превратилась она в красивого лебедя.

Когда отец выбежал из дому, лебеди уже были высоко в небе. В середине стаи летела молодая птица.

Все лебеди плакали:

«Кы-кы, кы-кы, кы-кы!»

Только молодая птица молчала.

Отец громко крикнул:

— Дочь! Вернись! Ты будешь хорошо жить!

Но только крик лебедей донёсся до него:

«Кы-кы! Кы-кы! Кы-кы!»

Долго стоял мужчина. А лебеди улетали всё дальше и дальше, наконец исчезли.

Каждую весну над стойбищем пролетают лебеди и всегда кричат, как будто плачут:

«Кы-кы! Кы-кы! Кы-кы!»

Только одна птица молчит. И видят лебеди: внизу на бугре стоит мужчина.

С той поры прошло много времени. На том месте, где стоял мужчина, поднялось кряжистое дерево. Протягивает оно ветви-руки к небу, словно зовёт кого-то.

И лебеди, пролетая на север или на юг, всегда повернут к дереву и громко проплачут:

«Кы-кы! Кы-кы! Кы-кы!»

Всё.

КАМБАЛА И НЕРПА

На нивхской земле есть залив. В том заливе глубокие места и мелкие. Если поставить сеть на мелководье, не поймать ни кеты, ни таймени. Всю сеть забьёт камбала звездчатка, на спине у которой наросты-колючки. А если взглянуть туда, где глубоко, увидишь пятнистую нерпу. Она голову то в одну сторону повернёт, то в другую видно, кого-то ищет. Эта пятнистая нерпа ларгой называется. Ларга сторожит камбалу.

В давние времена камбала звездчатка была гладкой, как и другие камбалы. Но ей не нравилось, что она похожа на сородичей.

Встретила камбала навагу и говорит:

— Навага, навага, ты пришла в наш залив издалека. Везде-везде ты побывала, всё-всё ты знаешь. Скажи: как мне сделать, чтобы не быть похожей на других камбал?

Везде-везде побывавшая, всё-всё познавшая навага от удивления покачала головой да только хвостом вильнула исчезла.

Наша камбала обращалась и к корюшке, и к тайменю, но и они не знали, как быть.

И только нерпа сказала:

— Я тебе помогу. Но помоги и ты мне.

— Помогу, помогу, — обрадовалась камбала, подплыла к нерпе и плавниками погладила ей усы.

В те давние времена нерпа-ларга была вся чёрная. Не трудно её было увидеть в белых льдах.

Стала нерпа мазать камбалу илом. Плавники разукрасила. Камбала радуется, любуется собой. То одним боком повернётся, то другим, то под волной проплывёт, то в глубину уйдёт.

— Теперь ты приступай, — попросила её нерпа. — Я чёрная. На льду меня далеко видно. Сделай меня серой. Чтобы я ни на льду, ни на берегу не была заметной.

— Сейчас, сейчас сделаю, — сказала камбала и стала мазать нерпу илом.

Но работала она наспех, делала своё дело без старания. Не терпелось камбале поскорее показать себя подругам. Потому торопливо и неаккуратно нанесла она пятна.

— Ух-ух-у-у-у, устала, — солгала камбала.

— Отдохни немного, — пожалела нерпа.

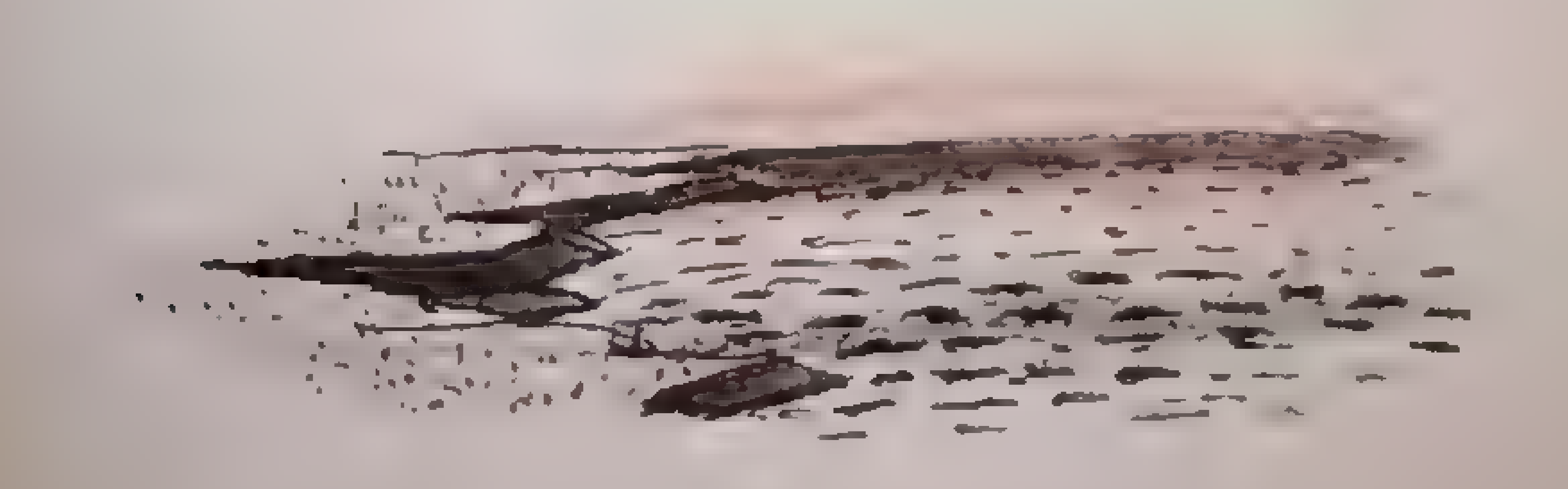
А камбале только того и надо: ударила плавниками и — прочь. Нерпа только и увидела её спину.

Страшно нерпе стало: ведь она пятнистая — во льдах её выдадут чёрные пятна, а на берегу светлые.

— Ах так, — рассердилась нерпа и погналась за камбалой.

Долго гналась. Вот-вот догонит, но едва откроет пасть, чтобы схватить камбалу, та ловко увильнёт. Не догнать нерпе камбалу. И тогда схватила нерпа песок, бросила. Прилип песок к спине камбалы. С той поры гладкая камбала и стала шершавой, колючей.

Прошло много времени. Но и по сей день нерпа и камбала враждуют. Камбала, боясь грозной нерпы, прячется на мелководье в траве. А пятнистая нерпа-ларга плавает на глубине, сторожит камбалу, всё хочет наказать её.

Валентин Гейкер

КАК СИРОТКА ХЭРЭКЭ НА ЛУНУ ПОПАЛА

Было это давно, так давно, что никто и не помнит, когда и кто первым о том рассказал. Вот слушайте, дети.

Жила на берегу большой реки девочка по имени Хэрэкэ. Жила одна, потому что страшные воины всех жителей стойбища перебили. А Хэрэкэ в это время за ягодами ушла, поэтому и уцелела.

Стала жить одна. Летом ягоды, грибы тальниковые собирала, рыбу ловила острогой, а зимой блесной, в лесу на зайцев петли ставила, дрова заготавливала.

Выросла. Похорошела, как спелая ягодка.

Проезжал однажды мимо жадный купец — увидел её. Глаза от жадности засверкали, руки затряслись. Велел своим слугам поймать Хэрэкэ и привести к нему.

С тех пор стала Хэрэкэ у богатого купца служанкой. Нет ни ласки ей, ни тепла. Кормят плохо. А дочь купца ест всё, что хочется. Хэрэкэ же лишь объедки перепадают. И кому не лень, каждый её обижает. Особенно старается купеческая дочь: то ущипнёт, то язык, дразнясь, высунет, то стукнет.

Хэрэкэ же работала от зари до зари. Рыбу чистила, делала юколу — на солнце рыбу сушила, постоянно дымокур поддерживала — мух дымом отгоняла. Воды натаскает, посуду вымоет, сушняка нарубит и ещё поздними вечерами, когда все в доме спать ложились, должна была купеческой дочке сказки рассказывать. А если та не могла долго уснуть, то Хэрэкэ ещё и поколачивали.

Идёт ли дождь, снег ли сыплет, дует ли ветер — гнали бедную девочку в лес за хворостом или заставляли огонь в очаге разжигать из сырых дров. Обязательно находили какую-нибудь работу.

Сядет, бывало, Хэрэкэ где-нибудь под ёлочкой, мокрая от дождя или росы. Да и горько плачет. Клянёт свою судьбу. Зовёт отца, мать, старших братьев. Да нет их — убили злые враги. Поплачет-поплачет, продрогнет вся в сыром лесу. Придёт, искусанная комарами и мошками. А злая купчиха ругает: «Где ты, Хэрэкэ, так долго таскалась? Ленивая, еле ноги передвигаешь. Зря мы тебя кормим и поим». Ничего не говорит сиротка, только ниже голову опускает, слёзы сами из глаз бегут.

Настала зима. Северный ветер сугробы наметает. Лёд на Амуре толстенный. А на девочке всё летний халатик. Только и спасалась тем, что всё быстро и ловко делала. Складно у неё получалось.

Вот раз послала злая купчиха Хэрэкэ за водой на Амур. А на дворе темно. Ветер в трубе воет. Идёт сиротка согнувшись — холодно, темноты боится. Еле дошла до проруби. С трудом расколола лёд, набрала в берестяные вёдра воды. В рваных рукавицах пальчики обморозила. В дырявые унты снегу набилось. И пальцы на ногах окоченели, не слушаются.

Несёт Хэрэкэ воду, качается под ветром, проваливается в снег по колено. Поскользнулась, опрокинулись вёдра — вода вылилась. Села бедная девочка на снег и стала горько плакать.

Тут из-за леса Луна вышла. Большая, красная, как медный таз. Видит она, Хэрэкэ, на снегу сидя, замерзает. Знала небесная тётка эту сиротку: видела, как лунными ночами она то воду носит, то дрова из лесу везёт. Жалела она девочку.

Открыла глаза Хэрэкэ. Ну, думает, в последний раз посмотрю на этот свет и закрою их навсегда. Да увидела девочка совсем близко Луну. Вскочила Хэрэкэ, замахала руками и крикнула из последних сил:

— Тётушка, пожалей меня, спаси! Умираю от холода и голода. Забери к себе!

И вдруг Луна сказала ласковым голосом:

— Прыгай, девочка, забираю тебя на небо. Навсегда. Будешь, как во сне, как в сказке, видеть моря и горы, реки и озёра, огромные льды и зелёные деревья, людей: чёрных и белых, смуглых и желтых. Красивых людей.

Ещё увидела тут Луна: бежит купеческая дочь, за ней купец, купчиха. Бегут, кулаками машут, бранятся — не хотят, чтобы от них Хэрэкэ уводили. Дунула Луна на купеческую дочь — превратилась та в чёрную ворону и с громким криком «Гаак-гаак-гаак» улетела в тёмный лес. Дунула Луна во второй раз — превратился купец в филина и тоже — в лес. Дунула Луна в третий раз — превратилась купчиха в пучеглазую сову и тоже улетела в лес вслед за вороной и филином.

Там они и по сей день живут. Не любят люди этих птиц.

Сиротка Хэрэкэ расцвела у тётушки, ещё пуще прежнего похорошела. А чтобы не забыть свои земные дела, берёт она иногда коромысла с вёдрами, за водой идёт. Луна в это время как раз над Амуром проплывает. Кто знает эту сказку, те любуются Луною и Хэрэкэ, радуются за сиротку.

Валентина Кялундзюга

СУЛАИ

Жила-была в тайге лиса Сулай. С утра до вечера, а то и по ночам рыскала она в поисках добычи.

Бежала она однажды голодным-голодна, вдруг увидела цаплю Нгаса́хи на краю гнезда, полного орущих птенцов. Остановилась Сулаи, поглядела с состраданием на цаплю и говорит:

— Трудно тебе одной, бедняжка Нгасахи. Пожалуй, отдала бы ты мне на воспитание какого-нибудь птенчика. Я его буду кормить, жалеть и лелеять.

Сулаи говорила так ласково и сочувственно, что Нгасахи поверила ей и отдала одного птенца. Сулаи схватила его и помчалась прочь. Отбежав подальше, она остановилась, огляделась по сторонам и съела птенца, только косточки хрустнули.

На другой день чуть свет прибежала опять Сулаи к гнезду Нгасахи и говорит:

— Горе какое! Хозяин тайги забрал у меня твоего птенчика. Дай мне ещё одного — ему будет хорошо и тебе легче.

И на этот раз поверила Нгасахи лисе, отдала ей на воспитание второго детёныша. Сулаи съела и этого.

Ночью прилетела к цапле Нгасахи сова, разбудила её и говорит:

— Нгасахи-мать, Сулаи ведь тебя обманывает. Хозяин тайги не забирал у неё твоих детей. Она сама их съела.

На другое утро чуть свет снова прибежала Сулаи к гнезду цапли. Но не успела она и рта раскрыть, как налетела на неё Нгасахи-мать. Сулаи не ожидала такого нападения. С трудом увернулась она от клюва цапли и, поджавши хвост, умчалась в тайгу, спасая от расплаты свою рыжую шкуру.

Бежала она, бежала, из сил выбилась, есть захотела. На пути у неё — речка, на берегу птичка-синичка. Подкралась к ней незаметно голодная Сулаи и хвать её! А птичка вдруг спокойно и рассудительно говорит лисе:

— Сулаи, ты забыла, что я таёжная птица? Чтобы съесть меня, надо получить разрешение хозяина тайги. А не то он тебя убьёт. Подымись-ка на высокую гору и крикни громко: «Хозяин тайги, позволь мне съесть твою синюю птичку-согдугу́».

Послушалась Сулан синичку, побежала на высокую гору, крепко зажав зубами птичку. Поднялась Сулан на вершину большой скалы и, не разжимая зубов, стала просить:

— Хозяин тайги, разреши мне съесть твою синюю птичку-согдугу.

— Э-э, так не услышит тебя хозяин тайги даже с этой вершины. Ты крикни громко-громко, что есть мочи.

Послушалась Сулан, боясь прогневить хозяина тайги. Набрала в лёгкие воздуху, открыла пасть и как крикнет! Согдугу только того и надо было. Вырвалась она из пасти лисы и стремительно полетела вниз со скалы. Сулан кинулась за ней вдогонку и... разбилась о камни.

Так была наказана хитрая Сулан, которую перехитрила маленькая синяя птичка-согдугу.

Анна Ходжер

СИНИЧКА

Лодку строю я, чолчойча[1],
Соберу к себе всех птиц.
Вёсла делаю, чолчойча,
Покатаю я синиц.
Руль я сделаю, чолчойча,
И покатим по реке,
По течению, чолчойча,
Плещут волны вдалеке.
В это плаванье, чолчойча,
Мы кукушку пригласим.
Снегиря возьмём, чолчойча,
Веселее будет с ним.
И тебя берём, чолчойча,
Сядь, ворона, на носу.
Пусть услышат все, чолчойча,
Нашу песенку в лесу.
Пусть звенит она, чолчойча,
Веселей под плеск весла,
Чтоб сорока всем, чолчойча,
Новость эту разнесла!

Валентина Кудрявцева

ЗАЙЧИШКА

Кто зимою
В белой шубке,
Летом — в серой
Бегать любит?
Всеми признанный
Трусишка,
Но любимчик мой —
Зайчишка.

СОБОЛЬ

Вот заснеженной
Тропой
Зверь крадётся
Небольшой.
Серебристый
Чёрный мех,
Он теплее
Шубок всех.
Красота его
Особа.
Он не кто-нибудь,
А соболь!

[1] Чолчо́йча (нанайск.) — синичка.

ЛИСА

В наших
Северных лесах
Есть
Красавица в мехах.
Чёрно-серебристая
Шубонька пушистая,
Пышный хвост —
Её краса.
Чёрно-бурая лиса!

БЕЛКА

Кто не знает
Попрыгунью,
Белогрудую
Летунью.
Хвост —
Роскошный,
Ушки
Стрелки
У лесной
Пушистой
Белки.

РЫСЬ

Будто кошка,
Но крупней,
Ох, опасна
Встреча с ней.
Прыгнет сверху —
Берегись!
Потому что это —
Рысь!

КОЛОНОК

Вот зверёк
За мышкой
Мчится,
Рыжий-рыжий,
Как лисица,
Скрылся в норке
У пенька.
Мы узнали
Колонка.

БОБРЫ

Любопытная
Картина:
Строят хатку
И плотину.
На реке
Без топора
Трудится
Семья бобра.

Юрий Вэлла

Песня ненецкого мальчика

Оленёнок, оленёнок,
Мой пушистый колобок,
Хорошо играть с тобою
И поглаживать твой бок.

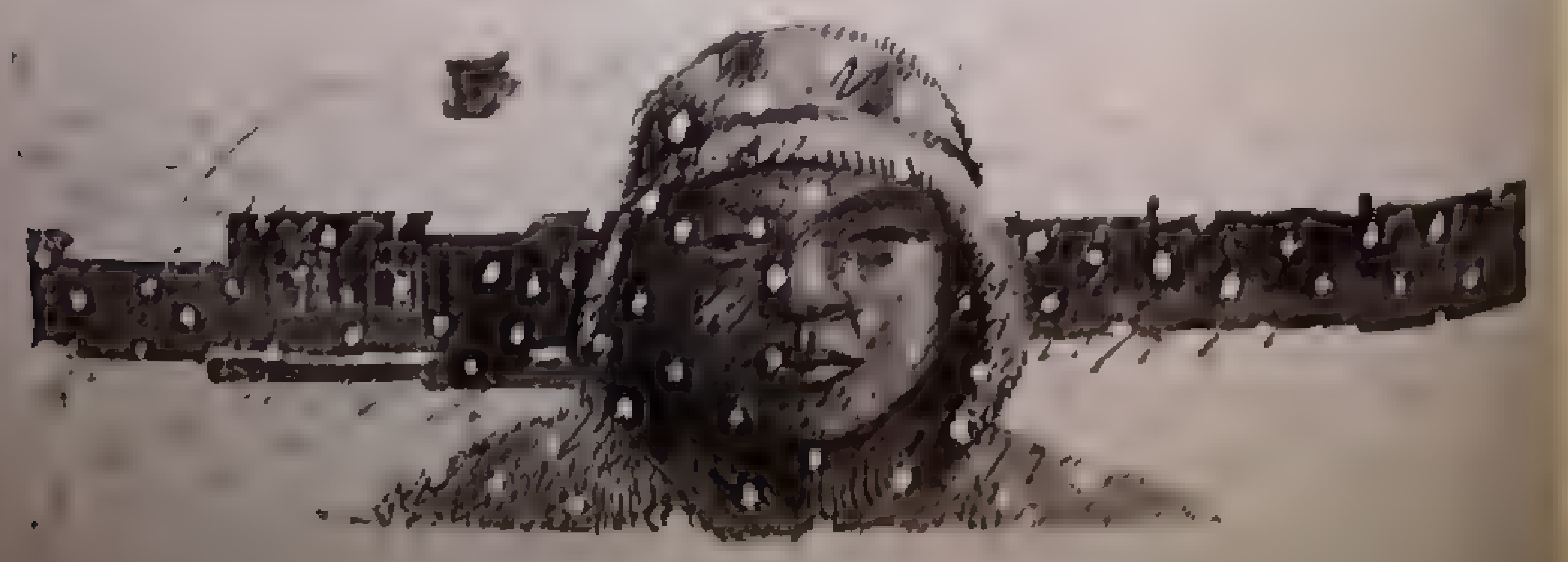
Хорошо тебя с ладони
Белой рыбкою кормить
И озёрною водою
Твою мордочку помыть.

Хорошо бежать вприпрыжку,
Приминая белый мох,
Чтоб смеяться, веселиться
Без забот и без тревог.

Путь сияет солнце с неба,
Пусть ласкает ветерок
Лаской тёплой, мятой леса
Твой коротенький пушок.

Первый снег

Выпал первый снег —
Белый, белый, белый.
Вышел человек —
Серый, серый, серый.
Видит всё в снегу:
Дом, ворота, сани,
Что готовы вдруг
В путь сорваться сами.
Видит облака —
Сизые пушинки.
В воздухе парят
Лёгкие снежинки.
Тают на лице,
Падают на плечи,
Словно вот такой
Радуются встрече.
И стоит уже,
Белый, белый, белый,
Тот же человек,
Что был серый, серый.

Григорий Ходжер

СКОЛЬКО ДОМОВ В СТОЙБИЩЕ?

Наше стойбище стоит на песчаном берегу Амура. Песок сыпучий, всегда горячий в солнечный день.

Я не знаю, сколько домов в нашем стойбище: не умею ещё считать. Но я знаю, что наше стойбище самое большое, самое длинное.

Правда, я не бывал в других стойбищах, но и так знаю, что наше стойбище такое большое...

На краю стойбища находится самый большой деревянный дом, наверно, такого большого дома нигде нет. В нём живут лошади, и дом называется кэрэн[1]. Я ходил несколько раз в кэрэн с ребятами смотреть на лошадей. Ох и большие, длинноногие эти лошади! Никогда в жизни не видел таких больших зверей. Папа говорит — лоси тоже большие. Я не видел живых лосей, но, думаю, лошади всё же больше. А хвосты у них какие! Как они этими хвостами ловко отмахиваются от оводов! Я только издали любовался ими: боязно подходить. А большие ребята такие храбрые у нас — ничего не боятся. Залезли они на спины лошадей и сидят. Ох и храбрые у нас ребята! Мне бы вот столечко их храбрости. Если бы не ребята, я один никогда не рискнул бы пойти в кэрэн, потому что далеко идти, по дороге много злых собак, которых я очень боюсь. Потом лошади такие большие, говорят, они могут лягнуть. Как лягнут — и собака отлетает далеко-далеко. А самое главное, за кэрэном в кустах кладбище, там похоронили мою бабушку. Я боюсь кладбища больше лошадей.

Лошади у нас появились совсем недавно. Раньше по стойбищу бродили одни лишь собаки. После лошадей пришли коровы, тоже страшные, рогатые, во сне не увидишь таких.

— Это всё Советская власть нам дала, — говорит отец, — новая жизнь у нас настала. Раньше ведь мы огороды не имели, лошадей, коров, свиней не держали. Помни это, крепко помни.

Нынче летом папа с другими дядями начали строить другой большой дом недалеко от кэрэна.

— Школа будет, — ответил папа, когда я спросил, зачем они строят дом.

[1] Кэрэ́н — конюшня.

— А что такое школа? — спросил я.

— Там учат детей читать, писать и считать.

— Папа, я хочу научиться считать, я хочу сосчитать, сколько домов в нашем стойбище.

— Пойдёшь в школу — научишься.

Разве расскажешь словами, как я обрадовался?

— Когда я пойду в школу? А можно сейчас с тобой вместе?

— Ишь, какой шустрый, — засмеялся папа, — надо школу достроить, и потом приедет учительница. Она вас будет учить читать, считать, писать.

Я побежал к другу Койсяну и рассказал ему всё — о школе, об учительнице. И мы стали ждать учительницу. Мы встречали каждую большую лодку, которые назывались катерами. Не знаю, сколько дней мы ждали, но долго — это я знаю. На Амуре вечерами начали порхать мотыльки, они очень похожи на снежинки.

— Скоро кета подойдёт, — говорил папа.

Он уже готовился к осеннему празднику. У нас, у нанайцев, осенний праздник — это когда приходит к нам кета. Какой это весёлый праздник! Я как-нибудь потом расскажу об этом празднике, да вы скоро и сами увидите.

— Учительница приехала! Учительница приехала!

Как же так, мы с Койсяном каждый день встречали её и проморгали?

Правда, мы не очень виноваты, потому что учительница приехала вечером, в сумерках, а мы уже спать легли.

Я натянул штанишки и побежал на берег. Учительница русская, она приехала с ребёнком и матерью. Вещей много. Каких-то птиц привезла. Мне папа объяснил, что это курицы и петух. Так я впервые в жизни увидел петуха и куриц. Среди вещей был небольшой ящичек с большой трубой.

— Граммофон, — объяснил папа.

Я гордился папой, он всё-всё знал. Вот бы мне так тоже всё-всё знать. А что такое граммофон, я узнал позже.

С этого вечера большие ребята каждый день стали ходить помогать строить школу. Я ни разу ещё не был в школе, собак боялся. По пути в школу среди многих-многих собак была одна самая злая собака. Её боялись все, даже взрослые. Эта собака была охотничья, ходила на медведей. Храбрая она. Но зачем на нас бросаться, если ты даже такая храбрая? В тайге бросайся, кусай медведя, а зачем в стойбище на нас-то? Глупая она.

Друг мой Койсян расхрабрился, пошёл один, до школы не дошёл, вернулся в изодранных штанишках, ноги в крови. Плачет Койсян, больно ему. Жалко мне его, да и штанишки у него эти последние, других нет. В чём он на занятия пойдёт?

Мне так хотелось ещё раз взглянуть на учительницу, которая научит меня читать и считать. А ещё я хотел тёплую белую булочку, которой угощает русская бабушка всех ребят. Я никогда не пробовал тёплой, белой, сладкой булочки. Рассказывают, она такая мягкая, сама во рту тает.

Как-то вечером зашла к нам учительница. Она была высокая, выше папы. Красивая. Волосы такие светлые-светлые.

— Как зовут мальчика? — спросила она.

Я удивился — русская, а говорит по-нанайски.

— Гэ́рис, — ответил папа.

Учительница записала на бумаге что-то, быстро писала. Наверно, моё имя.

— Сколько ему лет?

— Шесть лет.

Так я узнал, что мне шесть лет. А это много или мало, этого я не знал.

— Мало, год ещё посидит дома, — сказала учительница.

Так я узнал, что шесть лет — это мало. А это хорошо или нет — я не знал.

— Тебя в школу не берут, — сказал папа, когда ушла учительница.

Теперь только я понял, что шесть лет — это мало и плохо, потому что в школу не берут.

На другой день счастливый Койсян сказал, что его записали в школу.

«Как же так получилось? — подумал я. — Койсян слабее меня, а его в школу записали».

— Давай бороться, — сердито предложил я.

Начали бороться, я свалил Койсяна и сказал:

— Ты слабак, ты не пойдёшь в школу, я вместо тебя пойду.

Когда в первый день нарядные мальчики и девочки пошли в школу, отец не выпустил меня из дома. Я стоял у окна и с завистью смотрел на ребят. Что-то тёплое стекало у меня по щекам. Неужели я плакал?

Отец ушёл на работу. Я вышел из дому, нашёл толстую палку и берегом Амура зашагал в школу.

Злая собака всё же заметила меня. Выбежала мне навстречу, как я ни размахивал палкой, она изловчилась и схватила меня за ногу. Потом ещё, ещё. Я махал палкой и как-то отогнал её.

— Собака! — крикнул я. — В тайге бросайся на медведей, а здесь не трогай!

Ноги болели, штанишки изорваны. Как быть, вернуться домой? Но мне очень хотелось в школу. Хоть и злой я был, а пошёл дальше. Так с палкой в руке вошёл в класс.

— Мальчик, тебе рано в школу, — сказала учительница, потом быстро подошла ко мне, схватила за плечи: — Что с тобой? Что? Собака искусала?

Я ничего не видел. Опять по щекам стекало что-то тёплое. Но, думаю, это были не слёзы. Я ведь победил собаку, которая побеждает медведей.

— Хочу учиться, — сказал я.

Дмитрий Апросимов

ЗАВЕЩАНИЕ ПРЕДКОВ

Старинное преданье
 У нас в горах живёт.
В Джугджу́р пришёл когда-то
 Мой небольшой народ.

Огнём горели горы
 На солнце с трёх сторон.
Но тот огонь холодный:
 Совсем не греет он!

Тогда решили люди:
 Сейчас костры зажжём!
И долго-долго били
 Они в кремень кремнём...

Крошился мёрзлый камень.
 Не загорался трут.
Где взять огня? Что ж делать?
 Как обогреться тут?

А небо помутилось,
 И начался буран!
Тогда один охотник
 Снял с пояса аркан

И прямо в небо кинул
 Его — что было сил!
Кусочек жаркий солнца
 Арканом обломил.

Кусочек жаркий солнца
 Упал — зажёг костёр.
И ледяные чумы
 Согрелись с этих пор.

Так солнце напоило
 Людей своим теплом,
Как будто олениха
 Сыночка молоком.

Повеселели люди:
 Мир сделался добрей!
И песню сочинили
 Они для сыновей:

— Пусть ваше сердце будет
 Священным очагом!
Голодного кормите,
Озябшего зовите
 Войти в ваш тёплый дом!
Пусть люди позабудут
 Болезнь, печаль и страх.
Пусть никогда не будут
 Глаза у них в слезах!

Прошло веков не мало...
 Не мало и пройдёт...
Но тот завет старинный
 Вовеки не умрёт!

Мой предок встретит гостя,
 Проводит гостя в дом.
Поделится последним
 Куском, глотком, теплом.

До перевала гостю
 Поможет он дойти.
И вслед рукой помашет:
 — Счастливого пути!

Евгений Зимин

САНЬКИНА БЕДА

Однажды, возвращаясь из леса, мой папа нашёл зайчонка. Маленький зайчишка был сильно помят, изранен.

— Беда с ним приключилась, в чьих то когтях он побывал. Давайте, — сказал папа мне и моему другу Саньке, — подложим его к щенкам Сашиной собачки, как только он окрепнет, мы выпустим обратно в лес.

— А разве собака его примет?

— Сделайте так. Как только она куда-нибудь отлучится, вы подложите к щенкам зайчонка. Надо, чтобы он хорошо пропитался щенячьим духом, тогда она примет его за своего. А считать она не умеет, в школу не ходит, да и глазам своим собаки доверяют меньше, чем носу.

Мы так и сделали. Санька позвал свою собаку Будьку и стал заниматься с нею. Я остался около корзины и положил зайчонка к щенкам.

Будькой зовут собачонку потому, что она рано утром всех поднимает своим звонким лаем и заливается до тех пор, пока Санькин отец не скажет: «Хватит, Будька, будить нас, проснулись мы уже». Только тогда она успокаивается. Ну, а если кто-либо во двор зайдёт, об этом знают уже все соседи.

Когда Будька вернулась на своё место, она действительно ничего не заметила. Стала лизать зайчонка.

— Ну молодец, Будька, — вздохнул Санька облегчённо.

Щенки и зайчонок быстро подросли, корзина стала им мала. Мы часто наблюдали их возню — до того забавно! Зайчонок себя в обиду не даёт: даже если он падает на спину, то задними лапами ловко откидывает щенков. А если сам нападает, то передними лапами, как барабанными палочками, быстро колотит своих братьев по головам. Вскоре он научился у щенков и понарошку кусаться, издавая при этом какой-то трескучий звук. Весь Санькин класс ходил к нему смотреть на эту умору.

А в доме у них полный «порядок». Санькина бабуля ворчит:

— От своих животин не знаю куда деться, так ты ещё завёл эту беду.

Это она зайчишку так.

Отец тоже недоволен:

— Ну, прямо беда, того и гляди, наступишь.

А мать пришла раз с работы и погнала Саньку:

— Знаешь что, Саня, а ну давай-ка во двор с этой бедой. Уже тепло.

Всё беда да беда. Да и сам Санька про него нет-нет да скажет:

— Ну, бедовый, ну, бедовый...

Так и закрепилась за зайчонком кличка Беда.

Прошло время, всех щенков раздали, осталась у Будьки одна Беда.

Выйдет Санька во двор, бросит Будьке косточку, Беде морковку. Зажмёт Беда морковку между лапок по-собачьи и грызёт. Наклонит Будька голову набок и, верно, думает:

«Вот несуразный ребёнок, грызёт что-то невкусное. То ли дело косточка, сахарная, сладкая».

Пододвинет Будька зайчишке косточку, а Беда от косточки отворачивается и, наверно, тоже думает:

«Что это с матерью? Грызёт какие-то несъедобные вещи. Вот лучше бы грызла осиновые веточки. Ох и вкуснятина же осиновая кора!»

Так и живут вместе, спят вдвоём в будке. Уложит Будька Беду рядом, почистит ей шубу, умоет мордочку. Если Санька берёт Беду на руки, то Будька скулит, беспокоится. Просит, видимо:

«А ну-ка, отдайте мне моего щеночка, а то ещё ненароком уроните...»

И не подозревает она, что это зайчонок.

Прошло лето. Мы вернулись из пионерского лагеря. Санькин отец нам рассказывает:

— С этой Бедой чистая беда. Переняла она привычки от Будьки, кусаться стала.

И точно: как кто чужой зайдёт в ограду, выскакивает Беда из будки вслед за собакой, рычит, но не по-собачьему, а по особому, с каким-то стуком, видимо, передние резцы у неё друг о друга стучат мелко и дробно.

Как-то раз стоим мы за сараем и наблюдаем. Идёт тётка Наталья, открывает калитку, тут вылетает Будька и давай лаять.

А за ней Беда. Фыркает на тётку Наталью, трещит, уши топорщатся. Тётка скорей обратно за калитку и кричит оттуда:

— Это что же делается? Что за безобразие? Заяц на людей кидается, того и гляди, за ногу тяпнет!

Вот и выходит — действительно беда. Будьку хоть на цепь посадить можно, а с Бедой что делать? Мой папа нам и говорит:

— Отпустите-ка вы зайчишку на волю. Большой уже, теперь не пропадёт.

Понесли мы Беду в лес. Притихла она на руках. Будька вслед нам воет. Вижу, жалко Саньке Беду. Отпустили мы её, а она ни на шаг от нас не отходит. Я говорю:

— Саня, ты иди спрячься, а я её подержу.

Как только он скрылся из виду, стала Беда биться, укусила меня за палец и вырвалась. Скачет за мной и жалобные звуки издаёт. Так и вернулись мы домой все вместе. По посёлку Беда прыгает впереди нас, а во дворе сразу юркнула к Будьке.

Выслушал нас папа и говорит:

— Видно, ничего из этой затеи не выйдет. Утеряла ваша Беда инстинкт самосохранения. При первой возможности разорвут её в лесу собаки или лиса. Погибнет она. Так что забирай, Саня, свою бедолагу назад.

Наступила глубокая осень. Превратилась Санькина серенькая Беда в красивого белого зайца. Покушались и собаки на её жизнь, да ничего из этого не вышло у них. Сунулся было под ворота Юган, лайка деда Егория, да убежал с прокушенным носом. А забор мы ещё летом сделали надёжный.

На днях опять у Саньки неприятность была. Проходит мимо дед Егорий, он на соседней улице живёт. Ему до всего дело есть, то советы всем даёт, то ругается. Увидел он Беду во дворе и кричит:

— Это пошто же над животинами издеваются? Зайцам положено в лесу гулять. А ну, выпущай!

Открыл дед калитку и идёт сам выгонять Беду.

Санька кричит ему:

— Дед Егорий, предупреждаю: укусит!

А тот опять за своё:

— Не положено даже законом, чтобы зайцев в будке держали.

Только он наклонился, как Беда вцепилась в рукав дедовой фуфайки. Завопил дед Егорий:

— Ой, беда! Заяц мне, кажись, руку прокусил.

Санька крикнул:

— Эй, Беда, Беда, иди сюда!

А дед подумал, что Санька его передразнивает:

— А ты ещё и дразнишься. Вот придёт отец с работы... Не, я лучше вашему директору школы доложу, как ты из зайцев воспитываешь собак.

Мне смешно, а Саньке не до смеха. Вызвали его на другой день к директору Николаю Даниловичу.

— Жалуются на тебя, Одинцов, говорят, ты грубить стал старшим?

— Да это, наверно, дед Егорий сказал. Я ему говорю — укусит заяц, а он не верит.

— А что это за история с зайцем?

— Николай Данилович, это уже не заяц, а как бы вам сказать, почти собака.

— Как это собака? Ну знаешь, Одинцов, — удивился директор.

Директор, конечно, потом во всём разобрался. Он у нас хороший, но всё равно Саньке неприятность. Идёт он из школы, руками размахивает, сам себе под нос что-то бормочет. Спрятался я за сосну, слышу, ворчит он:

— Ну, беда, ну, беда...

Вспомнил я, как Санька у меня мопед покататься выпрашивал. Бросил я в него шишкой. Он остановился, а я ему говорю:

— Сань, а Сань, знаешь что, давай меняться. Я тебе свой мопед, а ты мне свою Беду. Видишь, сколько тебе от неё неприятностей.

Замахал Санька на меня руками:

— Что ты, что ты! Я свою Беду ни на что не сменяю, даже на самолёт.

Посмотрели мы друг на друга, расхохотались и побежали по домам.

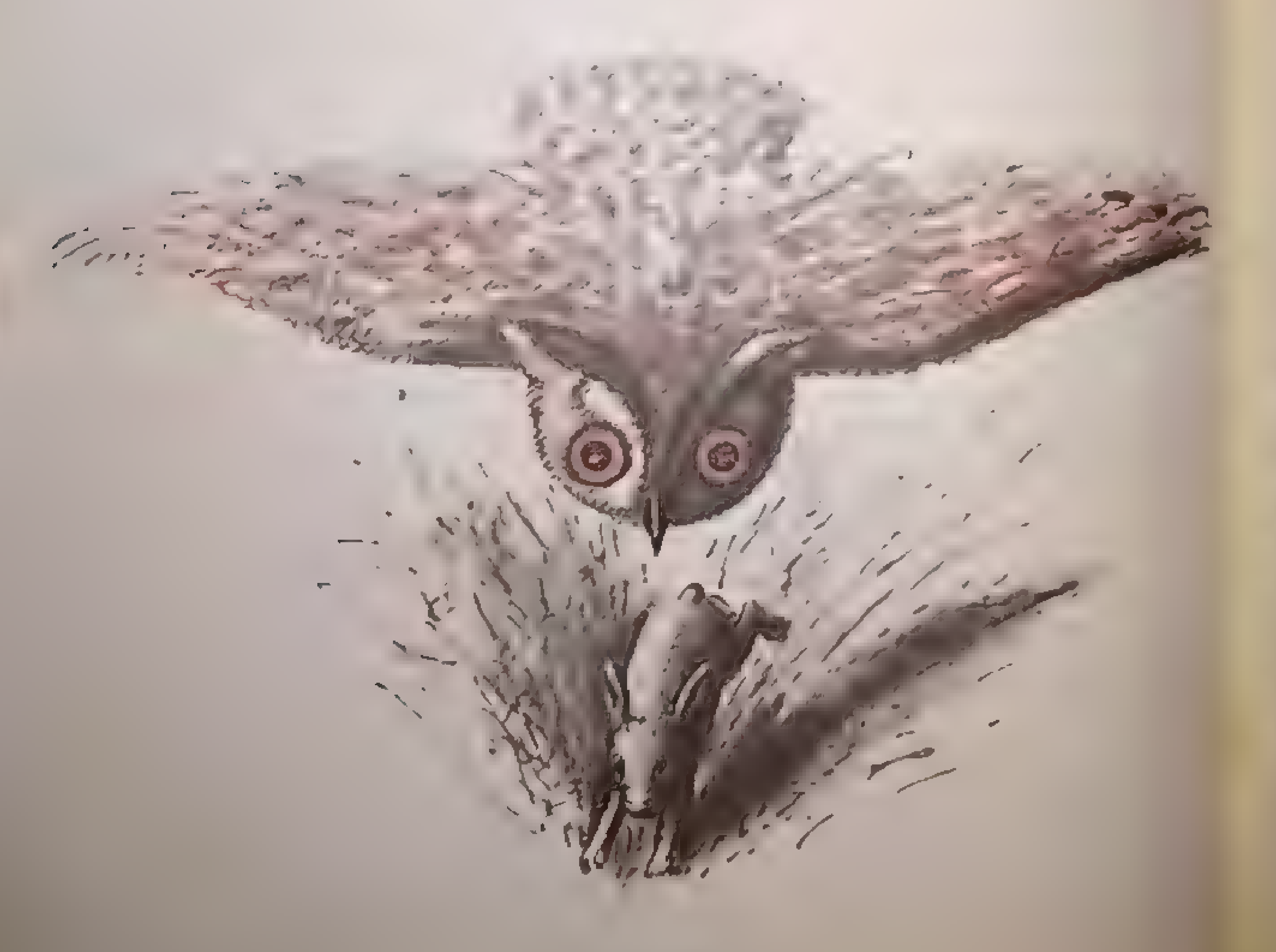

Андрей Тарханов

ФИЛИН И ЗАЯЦ

— Фу-бу, фу-бу,
Сни-му-шу-бу! —
Филин ухает, кричит.
Заяц как стрела летит.
Заяц под корягу прыг
И глазами зырк-зырк-зырк.
Как кузнечные меха,
Ходят заячьи бока.

— Напугал, злодей, меня
Погоди же... я, я, я...
Я и сам кричать могу. —
Вдруг опять на всю тайгу
— Фу-бу, фу-бу,
Сни-му-шу-бу! —
Заяц съёжился в комок,
Замер, как в лесу пенёк.

Еремей Айпин

ЖУРАВЛИ

Весна в этом году рано пришла. В конце апреля появились первые проталины и побежали ручьи. Солнце, весёлое и жаркое, неподвижно висело в безоблачном небе. В это время всё начинает цвести и петь. Радовались приходу весны и трое мальчишек на узкой тропке. Они шли к заросшей березняком болотной речонке. Впереди был старшеклассник Пéнчо, сын ненецкого рыбака с верховьев реки Амиýты. Он ни на минуту не закрывал рот, рассказывал какие-то небылицы, что-то выдумывал, фантазировал.

— В прошлом году я медвежонка поймал! Он был маленький такой, а потом вырос и стал вот таким! Громадным, как... пень столетнего кедра. Ну, гляньте! — и он разводил руки и показывал Егорушке и Микуле, каким стал медвежонок.

— За одно лето таким стал? — сомневался Микуль.

— Отец, наверно, поймал, — не поверил и Егорушка. — Медведь сильный — в стаде любого оленя свалит!

— Буду я врать, — презрительно усмехнулся Пенчо. — Со мной ещё не такое приключалось. Рассказать — так ахнешь!..

Помолчал он немного, обиделся, что не поверили. Но через минуту забыл обиду и уже болтал о чём-то другом.

А Микуль больше молчал. Он считал, что в тайге должны разговаривать деревья и травы, мхи и воды. Особенно в чудесную пору наступающей весны, когда небо над рекой оглашается бесшабашно-весёлым шумом и гамом прилетевших птиц.

Деревня скрылась за порыжевшими ветвистыми сосенками, впереди замаячили белоствольные берёзки. Вышли на берег реки и остановились на небольшой проталине. Пенчо постучал по стволу берёзы, вытащил нож. Все приготовились полакомиться берёзовым соком, но напрасно: сока не было, дерево получило ещё мало тепла, оно не проснулось.

— Пойдём дальше, — Пенчо махнул неопределённо куда-то в сторону заречного бора.

И тут вдруг над головой раздалось приветливое и радостное: «Кур-лы, кур-лы, кур-лы-ы-ы!..»

Над рекой низко-низко летели три журавля. Пенчо сложил ладони рупором и издал протяжное и зовущее:

— Кур-лы, кур-лы-ы!..

Журавли услышали зов. Плавно описали над ребятами круг и, не обнаружив среди кочек своих сородичей, опустились на край соседнего болотца, чтобы отдохнуть и подкрепиться прошлогодней клюквой. Мальчишки, проваливаясь в ямки между кочками, наполняя талой водой изношенные кирзовые сапожки, стремглав мчались к журавлям.

— Стой! — скомандовал Пенчо.

Несколько мгновений ребята молча смотрели на журавлей. Смотрели, с каким достоинством те вышагивают на высоких ногах, наклоняются за ягодками, оглядываются вокруг, словно узнают кочки и болотца, где садились в прошлом году.

— Снимай рубашку! — приказал Пенчо, повернувшись к Егорушке. — Давай быстрей!

Он срезал кривую ветку сосны, торопливо обмотал её серой рубашкой, а на длинную жердь привязал свой нож — получилась пика. Натянул на себя серое пальто, к голове приставил сучок сосны и, изогнувшись как журавль, двинулся к птицам.

Своим спутникам он велел притаиться за кочкой, и те молча наблюдали за ним. А птицы спокойно прогуливались по болоту. Пенчо подходил всё ближе и ближе...

Тут Микуль вспомнил легенду о том, что весну на эту землю приносят перелётные птицы. Они за тем и летят в эти холодные края, чтобы принести людям радость и тепло. На озёрах и болотах вьют гнёзда и выводят птенцов, чтобы и те в свою очередь приносили весну, чтобы так было всегда. Эта земля — их родина. Без нее они не могут жить. Не надо без нужды убивать птиц, ведь они могли бы не летать сюда, им хорошо и в тёплых краях, а они вот летят, чтобы и тебе было хорошо. Не обижай птиц — они весну приносят.

Вспомнил Микуль легенду, и показалось ему, что Пенчо хочет весну убить.

— Вернись! — закричал он и бросился за Пенчо.

— Уйди прочь! — прорычал Пенчо и толкнул Микуля в грудь. Тот, падая на мшистую кочку, успел схватить противника за ногу. Оба скатились в бурую мокрую кашицу болота.

«Кур-лы-ы!» — услышал Микуль и посмотрел вверх.

В далёком безоблачном небе плыли журавли. Микуль забыл о разбитом носе и о том, что лежит в холодной луже. Он улыбнулся. Осв вестников весны не убили. Журавли живы, и весна жива. Она будет жить!..

ПО НАСТУ

Микуль бесшумно мчался по насту. На полянках луч солнца на мгновение ловил его радостное веснушчатое лицо и всю проворную ладную фигуру мальчишки. За ним, настоящим маленьким охотником, едва поспевал неуклюжий круглолицый Егорушка, сын оленевода. В тайге для него всё было внове, но смелость и уверенность Микуля передавались и ему, рядом с другом он чувствовал себя от важным и смелым. В эти благодатные весенние дни тайга властно манила ребят, и они, чуть забрезжит рассвет, поднимались и тайком от всех уходили из интерната. Подражая опытным охотникам, мальчишки шли по тайге, прислушиваясь к весенним звукам. Изредка в первых лучах восходящего солнца где-то с шумом срывался с ветки и падал ледяной комок. Тогда Егорушка хватался за рукоятку ножа, висевшего сбоку в деревянных ножнах. Микуль с улыбкой объяснял другу звуки тайги, которых не надо пугаться, а просто надо знать. Они часами могли бродить по лесу, вслушиваясь в птичью перекличку, разгадывать замысловатые письмена на снегу, дышать смоляным настоем старого бора. В лесу не бывает мёртвой тишины; в самую тихую погоду слышно, как перешёптываются между собой кусты и ветви, как вздыхает древний дуплистый кедр.

Друзья шли к высокой гриве, что тянулась вдоль длинного речного залива, подковой огибавшего посёлок. Там в прошлое воскресенье они видели много бурундуков. Весной рано утром зверьки выходят из норок и доверчиво идут на свист. Микуль хорошо умел подражать бурундукам на его зов прибегало сразу несколько зверьков. Ребята выскакивают из укрытия и бросаются за бурундуком. Тот обычно взбирается на дерево. Если он выбрал тонкое деревце, то звероловы трясут ствол. Бурундучок падает и бросается к сосне, а ребята за ним.

Взобраться на верхушку сосны бурундучок не может, там жёлтая кора – гладкая. Вот он и мечется по чёрной коре в нижней части ствола. Тут и ловят его петлёй из прочной нитки.

Микуль и Егорушка уже четвёртый год учатся и живут в школе-интернате. Ко всему привыкли, а без лесных зверюшек жить не могут, поэтому в живом уголке они держат бурундуков.

Колючий морозец освежал лицо, горячил щёки и руки. Солнце розово-жёлтым полукругом выплыло из за леса и позолотило верхушки сосен. Тайга дышала резкой утренней свежестью. Такая свежесть бывает в тайге только ранней весной. Друзья тихо шли берегом реки. Микуль неожиданно остановился, поманил рукой отставшего друга, раздвигая кусты, шепнул:

— Иди сюда! Смотри!

И тут Егорушка, ухватившийся за рукоятку ножа, увидел такое, чему не сразу поверил. Среди кустов на проталине, под огромной сосной, лежал коричневый лосёнок. Мальчишки замерли на месте и во все глаза смотрели на беспомощное существо. А тот спокойно дремал, шевеля во сне торчащими на маленькой головке неестественно большими ушами. Утро, солнце и тишина.

— Живой... лосёнок!.. — наконец прошептал непослушными от волнения губами Егорушка.

— Ш-ш-ш, тише! — шепнул Микуль.

Лосиха, стоявшая тут же, сердито фыркнула и мотнула головой. Она вплотную подошла к лосёнку. Глаза тревожно смотрели на ребят. А те не замечали её. Они ничего не видели, кроме лосёнка.

Наконец лосиха опустила тяжёлую голову и начала лизать наст, а затем влажными губами сорвала с ветки лишайник. Друзья молча переглянувшись, стали медленно отступать в кусты. Потом повернулись и, не сговариваясь, помчались в посёлок. Перевели дух лишь на окраине селения, возле школьной конюшни.

— Есть она хочет! — уверенно сказал Егорушка. — Давай отнесём ей сена, а?!

— Сена?! — переспросил Микуль. — Я что-то такое не слыхал, чтобы они сено ели. Не слыхал.

— А что же они едят?!

— Отец рассказывал: лоси кору осиновую любят. Зимой им больше нечего есть. Я думаю, надо им осиновых веток наломать.

— Можно и осину и сено! — предложил Егорушка.

— Давай так: я наломаю веток, а ты сено возьмёшь. Только быстро!..

— Да я мигом! — весело откликнулся Егорушка.

Вскоре ребята вернулись на полянку к лосям, положили осиновые ветки и охапку сена на снег и отступили в кусты. Лосиха подошла к веткам, обнюхала их и посмотрела на ребят. Запах корма, видимо, дразнил её, а инстинкт подсказал, что мальчишки ничего плохого не сделают, — и она начала есть. Медленно, вытесняя страх и недоверие, к ней возвращался тот апрельский солнечный день в далёком урочище, когда с посветлевшего осинника потянуло горьковатым запахом коры. Деревья стряхнули зимнюю суровость и потянули к солнцу ожившие ветви. Щедрое солнце растапливало верхний слой снега, а ночные морозы схватывали его в сплошную корку, которая становилась всё прочнее и прочнее. Пришло время наста. И тут лосиха услышала далёкий собачий лай. В пору наста что может быть опаснее собаки?! И она покинула тихое урочище, где много лет никто не тревожил её. Она осторожно пробиралась меж вековых сосен, изредка останавливалась, втягивала в себя на-

стоянный весенними запахами воздух и шла дальше. Наст не выдерживал её грузного тела. Острые края ледяной корки в кровь изрезали ноги. Боль с каждым шагом становилась всё невыносимее. Но лосиха, настороженно оглядываясь, измученная и голодная, всё шла и шла. Наконец путь ей пересекла небольшая таёжная речушка. Снег там пропитался пробившейся из-подо льда водой, зловеще синевшей между крутыми берегами. Лосиха не рискнула ступить на этот обманчивый лёд и медленно побрела по берегу. Прошла немного, раздвинула телом прибрежные кусты, выбрала удобное место под сосной и притоптала снег. Тут и наткнулись на них мальчики...

Лосиха тёмными глазами схватывала весь этот новый мир. Всё вокруг обновилось после рождения лосёнка. Чудесное обновление мира...

Друзья сидели под кустом и как зачарованные смотрели на маленького лосёнка и его мать. И тоже молчали, словно почувствовали это обновление. Почувствовали впервые в своей жизни.

Глядя на лосиху, запасливый Егорушка достал из-за пазухи краюху хлеба, разломил её пополам и один кусок отдал другу. Только они принялись завтракать, как лосиха вдруг насторожилась. Она бросила корм. Большие уши поднялись и замерли. Немигающие глаза смотрели на ближайший от мальчиков куст. Друзья повернули головы и.. Совсем рядом увидели человека, руки которого поднимали двустволку. В тишине громко щелкнули курки. Чёрные стволы выискивали самое уязвимое место — нижнюю часть левой лопатки. Корявый толстый палец нащупал спусковой крючок. Мгновение — и безжизненное тело таёжной красавицы рухнет на твёрдый апрельский наст.

— Стой!.. — в один голос взвизгнули мальчишки. — Это наш! Наш!..

Ружьё в руках опешившего браконьера вздрогнуло и медленно опустилось. Он злобно глянул на ребят и процедил сквозь зубы:

— Уу-у, гадёныши!

Потоптался ещё немного в нерешительности, потом кинул ружейный ремень на плечо, резко повернулся и скрылся в кустах.

— Кто был? — спросил пришедший в себя Егорушка. — Я только ружьё видел. Не успел на него глянуть.

— Кирюха, монтёр с почты, — ответил Микуль. — Я его узнал!

В интернат ребята вернулись поздно вечером и улеглись в кровати сразу же, как только воспитательница Нина Ивановна объявила отбой. Но заснуть не смогли. Когда все успокоились и стало тихо, Микуль встал и шёпотом спросил друга:

— Не спишь?

— Нет, — ответил Егорушка. — Какой тут сон!

— Как ты думаешь, он больше не придёт?

— Кирюха-то? Кто знает?

— Пойдём.

— Пошли.

Друзья тихо оделись в темноте, босиком вышли в коридор и бесшумно проскользнули мимо дремавшей ночной сторожихи. Обулись на крыльце.

Короткая весенняя ночь светла и тепла. Тайга в сумерках особенно таинственна: полумрак мохнатым покрывалом окутал деревья и кусты. Боровые сосны казались застывшими богатырями.

Вот и чернотелая косматая сосна, окружённая стайкой мелких кустов. Стараясь не шуметь, друзья замедлили шаг. Но когда приблизились к заветному дереву, увидели в полумраке утоптанный снег да под сосной на проталине коричневые шерстинки. На краю поляны Микуль нашёл лосиные следы и включил фонарик. Жёлтый луч высветил на плотном насте глубокие ямки от маленьких копыт лосёнка.

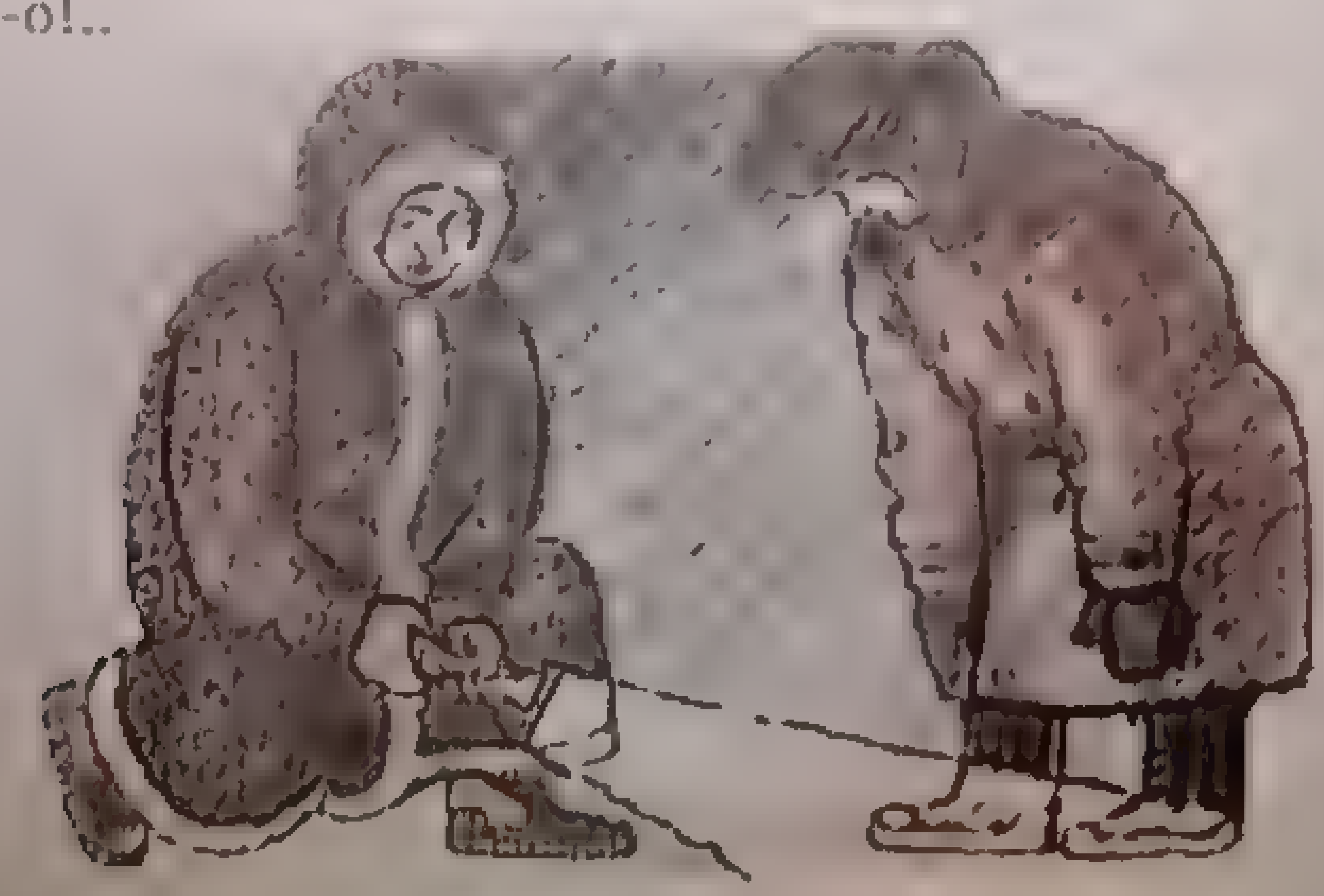
— Ушли!.. — вздохнул Егорушка.

Как будто ушедшие лосиха с лосёнком могли услышать, друзья закричали в голос:

— Приходите ещё!..

И тёмный весенний лес повторил:

— Ещё-о-о!..

Роман Ругин

ПУТИНА

На Оби опять путина.
Эй, рыбак, быстрей за дело!
Мчатся лодки на быстрины,
Как нацеленные стрелы.

Снасти разного обличья
И людей разноголосье,
Дизеля поют по-птичьи,
Широки ладони вёсел.

Плеск и грохот у причала.
Людям сон не в сон, как будто
Весь покой у них украла
Ночь, белёсая, как утро.

Второпях перекусили —
Даже губ не облизали.
На бегу перекурили.
Обь кипит перед глазами.

Вся отложена работа
И на пастбищах, и в доме.
Тяжко дышат мотоботы, —
До чего ж косяк огромен!

Может, не было на свете
Ни одной такой путины!
Ух — и вытащили сети.
Разогнуть не могут спины.

Деревянным стало тело,
Стали руки словно камень,
Но вскипела сеть, вскипела
Муксуна́ми и сырка́ми!

Полыхает снежным блеском
Серебра живая глыба.
Как бубенчики-подвески
Шевелится, пляшет рыба.

Вот осётр по лодке стукнул
Как корягой сучковатой.
Нельму жирную — на кухню!
Будет ужин пребогатый!

И рыбак расправил плечи.
Со спины сошла усталость, —
Жирнобрюхой нельмы печень
Так уж сладко примечталась!

Праздник радостный, старинный,
Чаек белые метели...
«Ой, кормилица-путина» —
Так отцы, бывало, пели.

И катились слёзы градом
Над удачей, над добычей.
Рыбу первую из стада
Целовать велел обычай.

Под водою мчится, мчится
Косяком великим рыба.
Шевелится, шевелится
Серебра живая глыба.

ЗАРУБКИ

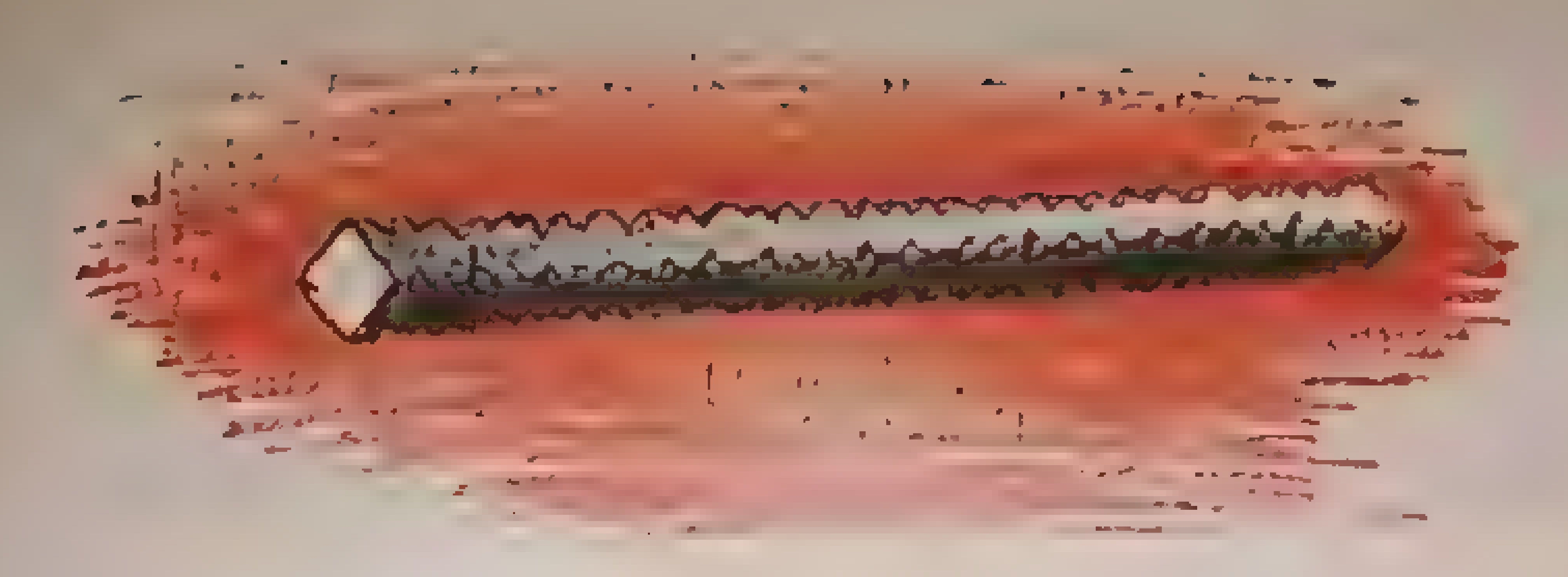
Вот палочка — она в зарубках вся,
Её отец, сквозь годы пронеся,
Мне передал и так сказал при этом:
– Она расскажет лучше всяких слов
Тебе, твоим сынам, сынам сынов,
Как мне жилось в былом, зимой и летом.

Взгляни — четыре грани у неё,
И каждая твердит мне про своё.
Вот здесь, мой сын, на первой грани длинной
Мой долг записан толстому купцу,
Грабителю народа, хитрецу, —
Немалый долг, и рыбой, и пушниной.

Здесь, на второй — припомнить всё хочу! —
Отмечен долг «вос-ёху», богачу,
На третьей долг шаману за камланье[1],
В четвёртый раз на палочку смотрю —
Долг вспоминаю русскому царю:
Он обозначен на четвёртой грани...

Была жестокой палочка-судьба:
Из человека делала раба,
Всю молодость отцовскую вместила.
Вот в руки я беру её опять:
Невелика она, всего лишь с пядь,
Но страшная в ней чувствуется сила.
Страдая кратким летом от мошки,
Таская с мёрзлой рыбою мешки,
Раскуривая гаснущую трубку,
Как много мой отец растратил сил,

[1] Камлáние — совершение шаманского обряда.

Как много он кисов [1] поизносил
За каждый долг, за каждую зарубку!

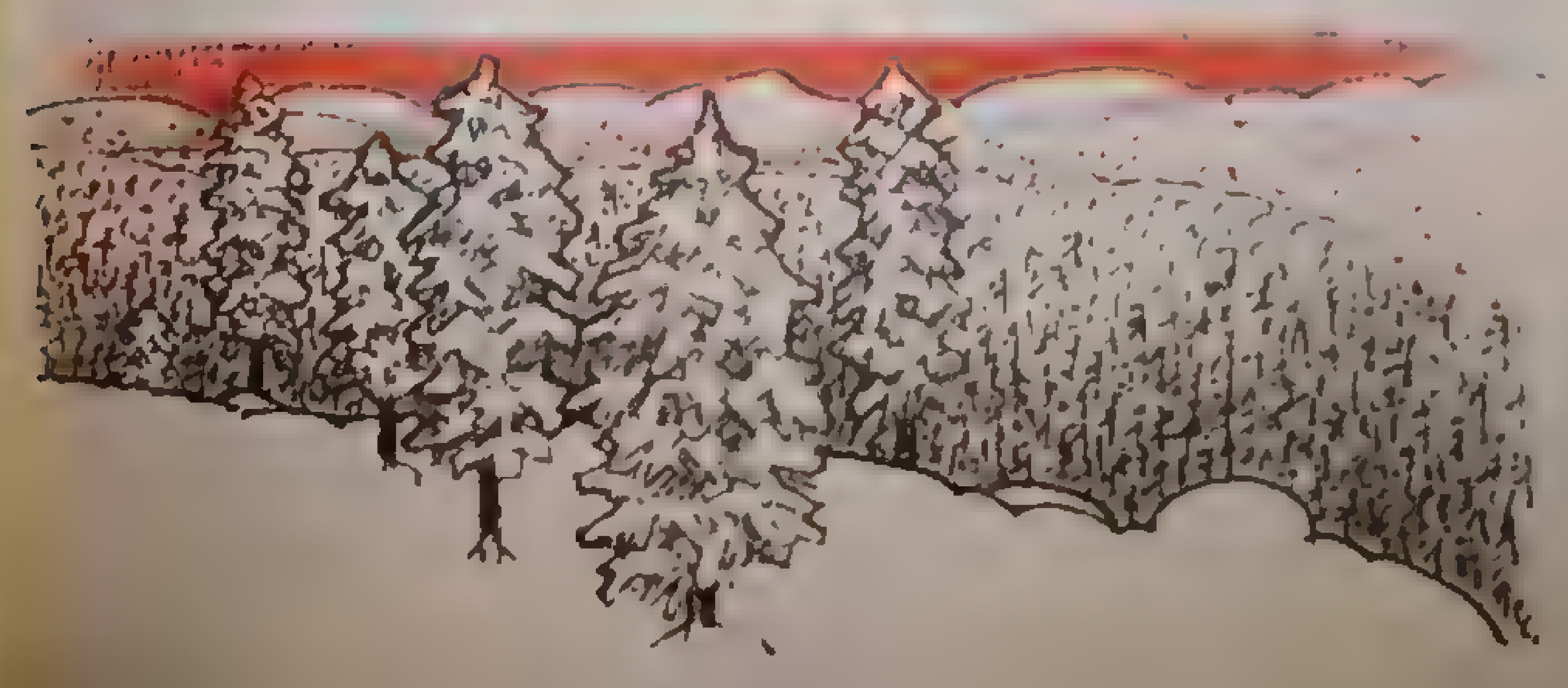
Сжимал он, хмурясь, палочку в руке:
Зарубка — словно волны на реке,
Но стихнет ветер — исчезают волны,
Лежит спокойно ровная вода,
Зарубки же, казалось, навсегда
Останутся, зловещи и безмолвны.

А мне зарубки палочки-судьбы
Сегодня вдруг напомнили горбы:
Гляжу на них, задумавшись, и мнится,
Что плач детей я слышу в час ночной
И предков проплывает предо мной,
Согнувшихся под ношей, вереница.

Не вырваться б навеки из оков,
Не выбраться б вовеки из долгов,
Когда бы над землёй не прокатился
«Авроры» залп в тот незабвенный год,
В тот незабвенный день, когда народ
За все долги с избытком расплатился!

---

[1] Кисы́ — оленьи полусапожки.

Константин Бельды

ВЫДЕЛКА РЫБЬЕЙ КОЖИ

Танге-тес! Танге-тес!..
Целый день одно и то же.
Танге-тес! Танге-тес!..
Колотушка бьёт по коже.
Ох, не лёгок этот труд,
Нам доставшийся от дедов,
Рыбьи кожи мнут и бьют
От рассвета до рассвета.
Бум, бум — танге-тес!
Повторяет дальний лес.
Пусть теперь иные ткани
И иные времена,
Я нанаец,
Нани, нани, —
Рыбья кожа мне нужна.
Эта древняя работа
Мне знакома назубок.
Я роняю капли пота
На прадедовский станок.
Танге-тес! Танге-тес!
Без работы нет чудес!
Колотушкой что есть мочи
Рыбью кожу бью и бью,
Я верхонку [1] и олочи [2]
К холодам себе сошью!
Танге-тес! Танге-тес!..

---

[1] Верхо́нка — верхняя одежда.
[2] Оло́чи — грубые шерстяные чулки с кожаной обшивкой и подошвой.
[3] Арги́ш — здесь: кочёвка. В других случаях — олений обоз.

Николай Оёгир

БОЛЬШАЯ КОЧЁВКА

Мой дед не жил, а прозябал,
Он мёрз в тайге порой осенней,
Хорошей жизни он не знал:
Он не завёл своих оленей...

Когда ещё был молодым,
Кормил семью он метким луком.
Удача — лёгкая, как дым,
А старость страшная, как мука...

Он у потухшего костра
Голодным умер на рассвете,
Так и не дожил до утра,
А с гор подул октябрьский ветер.

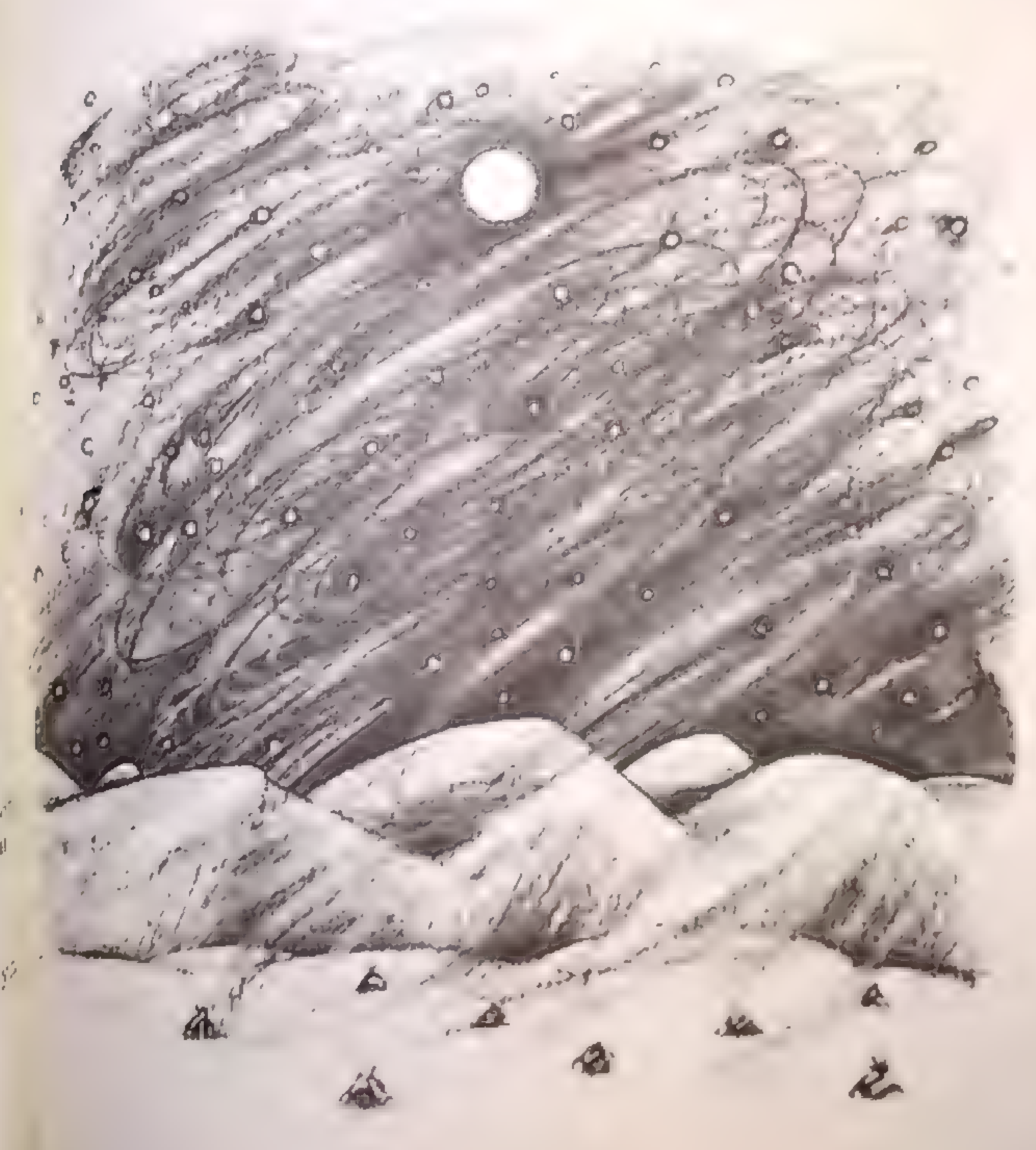
Тот ветер радость нам принёс
И разогнал он все туманы.
Бедняк обсох от горьких слёз
Под солнцем тёплым и багряным.

Он удивлялся красоте,
И поселилась книга в чумах.
На белом словно снег листе
Мог записать свои он думы.

В большой аргиш [3] вступил нар
На путь свободной, новой жизни
Он песни новые поёт,
В них благодарен он Отчизне.

Мой край познал свободный тру
Для счастья новых поколений
Пусть на земле моей живут
И революция и Ленин!

ВЕСЕННЯЯ ПУРГА

Михаил Вальгиргин

ДЕДУШКИНА ШКОЛА

Я моржа от лахтака [1]
отличу издалека.

Над землёй туман сгустится,
сумрак ляжет —
и тогда
в небе я узна́ю птицу
по полёту
без труда.

Что за травка,
что за рыба, —
это — дедушке спасибо!

В час прогулки,
В дни охоты,
вечерами у огня
книгу северной природы
он читать
учил меня.

Чтобы мог я сильным быть,
травку каждую любить,
чтобы малую зверушку
зря не вздумал
погубить.

Мудрым был мой старый дед.
Но его сегодня
нет.
И теперь его науку
своему
дарю я
внуку.

КИТ

То ли дым на горизонте,
то ли гейзер, то ли кит?..
Вот фонтан его на солнце
всё отчётливей кипит.

Ближе, ближе. Из тумана
вырастает, как земля,
чёрный остов великана —
бок живого корабля.

Но у линии отлива,
выгнувшись по всей длине,
кит хвостом взмахнёт лениво
и исчезнет в глубине.

[1] Лахта́к — вид большого тюленя.

Юрий Рытхэу

ВЕСЕННЯЯ ПУРГА

Север велик. Есть там такое место — Чукотка. И живёт там мальчик по имени Йо́о.

Отец Йоо — Уиненёр, что значит Полярная звезда, — водит вездеход. Это такая машина, которая проходит везде: через сугробы, ледяные горы — торосы, болота и даже переплывает реки и озёра. А мать — Тынэ́на — работает в яслях.

Йоо умеет ездить на собаках, рубить топором мёрзлое моржовое мясо, свистеть, заложив в рот два пальца. Отец обещал его взять на вельбот. Это большая лодка, на которой охотятся на морского зверя.

Сегодня отец возил груз на звероферму — туда, где в клетках растут голубые песцы и норки. Он приехал обедать и сказал:

— Циклон идёт.

— Что это такое? — спросил Йоо.

— Пурга, — ответила мать и добавила: — Сиди дома. Не смей высовывать носа на улицу! Ничего интересного там нет.

Йоо всю жизнь живёт на Чукотке и не знает, что такое настоящая пурга. Прямо обидно. Жить на самом Крайнем Севере и вдруг без пурги! Всю жизнь!

Самое обидное, что Йоо и пурга — тёзки. «Йоо» по-чукотски «ветер, пурга».

А Йоо не видел настоящей пурги! Как только поднимается ветер и верхушки сугробов начинают куриться снежной дымкой, мама забирает Йоо в дом.

Йоо пробовал смотреть на пургу из окна. Но что там увидишь? Ровным счётом — ничего! В середине окна маленькое голубое пятно, а кругом нарос толстый слой льда. Дунешь на него и глядишь одним глазом — ничего не видно. А стены содрогаются и слышен вой ветра в печной трубе. Заслонка дрожит, как живая, и звенит. Огонь хочет оторваться от углей и улететь в небо, где гуляет ветер.

Но сегодня Йоо обязательно хочет посмотреть пургу. Своими глазами.

Циклон. Это похоже на название конфет и звучит вкусно.

Йоо подошёл к окну и прислушался: таинственный циклон стучался и царапался в стекло.

Йоо вышел в сени посмотреть на собак. Они были спокойны и даже не взглянули на мальчика. Йоо вернулся обратно в комнату и стал готовиться к выходу в пургу. Он надел тёплые меховые сапоги с травяными подстилками и крепко их завязал, чтобы снег не попал внутрь. Натянул меховую шубку, на голову мохнатый малахай. На малахай натянул капюшон и затянул тесёмки. На руки надел рукавицы из оленьих лапок. Вся зимняя одежда Йоо была сшита в тундре бабушкой. Она жила там с дедушкой. Они — оленеводы.

Йоо подошёл к зеркалу и посмотрел. Из опушки малахая, как звёздочки, выглядывали два чёрных глаза.

Когда Йоо открыл дверь, ему сначала показалось, что кто-то большой, невидимый и сильный схватил его за шиворот и потащил. Йоо даже попытался с ним заговорить и сказал:

— Здравствуйте...

Это был ветер. Он отпустил мальчика и стал крутить перед ним вихри снега.

Йоо огляделся — кругом только снег и ветер. Забивает дыхание, тащит куда-то в сторону.

Мальчик посмотрел на небо — там то же самое. Снизу, сверху, справа, слева — всюду летящий снег. И вправду говорит мама — ничего интересного в пурге. Пожалуй, лучше вернуться обратно.

Йоо повернулся к своему дому. Сделал шаг, второй, третий. А где же дом?

Ему уже хотелось попасть в тёплую комнату. Там так уютно. Горит электричество, гудит в печке огонь. Йоо родился в доме, а не в яранге. А яранга — это жилище из шкур и кожи. Пины, товарищ Йоо, школьник, говорит, что в ярангах жили древние чукчи. В селе Нымны́м нет ни одной яранги. Только дома. Густо стоят.

Но вот почему-то сегодня они, как нарочно, встали далеко друг от друга.

Долго приходится идти. А может, он не туда идёт?

Йоо повернул в другую сторону и побрёл, покуда не наткнулся на стену. Стена была длинная, со множеством окон. Йоо шагал вдоль неё, пока не нашёл дверь. Он толкнул её и вошёл в коридор. Пусто. Он открыл другую дверь и увидел возле раскрытой печной дверцы, перед огнём, школьного истопника Тана́та.

— Здравствуйте, — сказал Йоо.

— Етти, — ответил по-чукотски Танат и приложил палец к губам: — Уроки идут.

«Хранитель огня», — с уважением подумал Йоо.

Он постеснялся спросить у Таната дорогу домой. Решил, что сам найдёт. Школу нашёл, а свой дом найти легче.

Йоо тихо вышел из комнаты и снова окунулся в ветер и снег. Вдруг он увидел огонь. Два огромных глаза двигались на него.

— Отец! — закричал Йоо. — Отец! Я здесь!

Вездеход прогрохотал мимо и скрылся в свистящей и воющей белой мгле.

Йоо стало обидно. И немного страшно. А вдруг он заблудился? Нет, он не может заблудиться. Только идти трудно. Ноги проваливаются в сугробы, и ветер толкается. Из снежной пелены показалась стена. «У дома четыре стены, — рассуждал Йоо. — В одной из них должна быть обязательно дверь. Раз, два. Вот она!»

Йоо толкнул дверь, вошёл в сени, открыл вторую дверь и сказал:

— Здравствуйте!

— Етти! — ответили ему.

Он попал в косторезную мастерскую.

Йоо никогда не был в косторезной мастерской. Вон бежит олень, закинув рога за спину. Понурив голову, бредёт умка — белый медведь. Охотник тащит нерпу.

Мастер Ку́кы сказал:

— Ты что гуляешь в такую непогодь?

— Да так вот, хожу, — солидно ответил Йоо. — Погреюсь и пойду дальше.

— Со мной, — сказал Кукы и встал.

Он стряхнул с передника костяные стружки.

— Пошли! — сказал Кукы и взял за руку мальчика.

— Так не хочется домой! — сказал Йоо.

На самом деле ему очень хотелось домой, но он боялся, что мама будет ругать.

Кукы шел сквозь ветер и снег, как большая, сильная машина. И так же тяжело дышал. Йоо крикнул ему:

— Ты как вездеход!

— Ну-ну! Не смейся над стариком! — ответил Кукы. — Вот и твой дом.

Дед помог отряхнуть снег в сенях и постучался в дверь. Открыла мама. Она строго посмотрела на сына.

— Где был?

— Циклон ходил смотреть, — ответил Йоо.

Она прижала к себе Йоо и стала целовать.

Напрасно боялся Йоо. Мама не сильно его ругала. Зато как хорошо сидеть у окна и слушать пургу из комнаты. Ведь это последняя пурга, весенняя!

ГРУСТЬ

Йоо стоял на берегу моря, ещё покрытого толстым льдом, и ему было грустно... Когда ещё придёт пароход! А хорошо быть моряком. Они как вольные птицы: сегодня — здесь, а завтра — там...

Каждое лето приходит пароход.

Об этом знают заранее — по радио сообщают. Сначала на горизонте появляется дым, потом труба, белый дом, а под конец и сам чёрный корпус. Пароход гудит, а береговые скалы отзываются эхом.

Пароход разгружают несколько дней. Он стоит на рейде — чёрный, строгий и красивый. От него к берегу бегает юркий катерок с баржей на буксире. На берегу вырастают большие горы угля, ящиков и мешков. Всё это на долгую и трудную зиму. В пургу будет гореть в печках каменный уголь, в горячем чае таять сахар, а в пекарне будут печь из муки вкусный белый хлеб...

На берег сойдут моряки. Воротники у них широко распахнуты, чтобы все видели тельняшки. Они будут фотографировать сопки, горы и собак.

Когда Йоо вырастет, он будет моряком. Будет носить полосатую тельняшку и чёрные морские брюки. И плавать по тёплым морям, где никогда не бывает льда. Ему там интереснее. Что такое холод и ледяные горы, Йоо хорошо знает, а вот в жарких странах не бывал. Он хочет посмотреть на живых обезьян и увидеть настоящий живой лес. Чтобы листья шумели над головой и пахло цветами.

Пароходы обычно уходят ночью. Когда выбежишь рано утром из дому — на море уже пусто. Пусто от берега до того места, где небо касается воды... Дойти бы туда и заглянуть — что там, за водяным обрывом. Говорят, что земля круглая, как мяч.

И ещё есть дальние страны, и так сильно хочется их увидеть, что становится грустно.

Йоо вспоминает, как в прошлом году он часами сидел на берегу моря — не покажется ли дымок на горизонте.

Охотники уходили на вельботах в море.

Они на целый день скрывались за той полосой, где небо смыкалось с водой, будто скатывалось на другую сторону земного шара.

Йоо ждал вельботы на берегу. Он знал, что они вернутся.

Вельботы приходили с добычей. Иногда с моржами. На берегу собиралась толпа встречающих. До позднего вечера разделывали великанов. Когда их было много, работа затягивалась за полночь.

Иногда вельботы уезжали в районный центр, в соседнее селение, но они всегда возвращались.

А пароходы не возвращались. Они уходили навсегда или очень надолго, до следующего лета...

Вот почему Йоо было грустно.

Однажды в село прилетел большой серебристый самолёт. Он привёз из Якутии голубых песцов.

Йоо вместе со всеми побежал к самолёту. Подкатил на своём вездеходе отец. К вездеходу были прицеплены большие сани.

Лётчики открыли широкие грузовые люки.

Йоо заглянул. Внутри самолёта стояли клетки. В клетках сидели испуганные зверьки и жмурились от яркого света. Они совсем не были голубыми. Серые, грязные, маленькие...

— О, голубые песцы! — радовался директор совхоза.

Йоо не понимал его: чему радоваться?

Вечером он спросил у отца:

— Почему такие грязнухи называются голубыми песцами?

Отец улыбнулся и ответил:

— Они ещё станут голубыми. Просто песцы долго ехали, устали. А когда шкурку обработает мастер своего дела — вот тогда она станет голубой.

«Голубые песцы прилетели из Якутии. Это, говорят, от Чукотки не очень далеко. Но если песцы устали, видно, дорога порядочная... Хорошо бы слетать в Якутию!»

Йоо ходил на ледовый аэродром, на лагуну. Но большой серебристый самолёт больше не прилетал. Вместо него садился маленький, двукрылый, который называли ласково «Аннушка». Он прилетал каждую неделю. Лётчиком на нём Петренко. Певец Нонно даже сочинил о нём песню и пел в клубе. Петренко ничего не понимал по-чукотски, но внимательно слушал и улыбался.

Пока Йоо ходил на аэродром, из-за дальних гор пришли геологи.

Они были усталые и бородатые. На плечах у них лежали огромные молотки. Геологические. Они пожили в селении три дня и отправились дальше, за синие горы, искать полезные ископаемые.

Йоо провожал их.

Вместе с геологами уходил Па́ля. Проводником. Он вернётся обратно, а геологи — нет. Каждый день у них новая дорога.

Как хочется скорее вырасти и всё узнать, всё увидеть!

Вот только кем стать?

Когда приходил пароход, Йоо хотелось стать моряком.

Когда прилетел серебристый самолёт, ему хотелось стать лётчиком.

Когда он сидел рядом с отцом в вездеходе, он хотел стать водителем этой машины.

Когда он провожал геологов, ему хотелось отправиться вместе с ними в дальнюю дорогу, чтобы открывать полезные ископаемые.

И каждый раз Йоо вздыхал.

Однажды мама спросила:

— Что ты, Йоо, какой-то странный?

— Я грустный, мама, — с серьёзным видом ответил Йоо.

— Почему?

И Йоо рассказал ей всё, о чём написано в этом рассказе.

Мама внимательно выслушала сына и сказала:

— Это ты растёшь, Йоо.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВЕТРОВ

Йоо поднял портфель. Глухо ударились о дно пенал и пачка тетрадей. Мальчик вздохнул: уж очень лёгким кажется портфель. Хотя, по правде говоря, портфель совсем не маленький. В него можно положить очень много тетрадей и книг. Такого, наверное, нет ни у кого. Даже у Пины, который идёт уже во второй класс, или у Игоря с полярной станции. Мама сказала, что этот портфель сшила ещё бабушка Йоо, когда в школу шёл его отец. Сшила из шкуры молодого нерпёнка, сделала два кармана с наружной стороны и вышила на них оленьим волосом и блестящим бисером красивые узоры. И когда отец пошёл в школу, у бабушки на глаза навернулись слёзы: ведь никто-никто ни у неё в роду, ни в роду её мужа не учился грамоте!

Когда начинал учиться отец, школа помещалась в старом доме, где когда-то торговал американец. Ученикам не на чем было писать. Тетради даже шили из выбеленной нерпичьей кожи, писали на чайных обёртках. А у учителя было всего с десяток карандашей да две-три тетради. Вместо доски стоял старый руль с какого-то потерпевшего крушение корабля. Только на следующий год привезли ещё карандаши и сделали настоящую доску из куска фанеры, выкрашенной в чёрную краску.

А дедушка учился грамоте уже взрослым. Ходил в кочевую школу вместе с бабушкой.

Выучились оба. Сейчас читают книги и газету «Советская Чукотка». Выучится грамоте Йоо — напишет письмо в тундру бабушке и дедушке.

Сейчас в селе большая двухэтажная школа с огромными окнами.

И вот сегодня в это светлое здание идёт впервые Йоо.

Отец подошёл к сыну, взял портфель и попробовал, словно взвесил.

— Тяжёлый, — сказал он.

Йоо молчал. Ему, наоборот, казалось, что портфель слишком лёгкий. Что бы ещё положить в него? Может, что-нибудь с полок. Там стоят отцовские книги. Но все они — о моторах, машинах, и много-много толстых книг с одним и тем же названием «Пушкин». Папа очень любит эти книги и часто с удовольствием читает вслух. Йоо слушал сказку о русском шамане и его работнике Балде, который щелчками наказал жадного шамана... И ещё про тридцать трёх богатырей, которые выходят прямо из воды. После этой сказки Йоо полдня простоял перед морскими волнами, втайне надеясь увидеть этих сказочных богатырей. Но тогда он был ещё маленьким, ходил в детский сад. Может быть, взять несколько этих книг?

Йоо протянул руку к полке, но тут мать позвала завтракать. Солнце уже смотрело в окно, щекотало ресницы и блестело в гранях стакана. На большой тарелке лежали вкусные лепёшки, жаренные на нерпичьем жиру.

Отпив глоток горячего чаю, отец сказал торжественно и медленно:

— Сын мой, Йоо. В школе у тебя спросят твоё имя. Ты должен называть его полностью — Йоорэлё.

Йоо знал своё полное имя и его значение — Повелитель ветров. Но так уже повелось, что все его называли обычно просто и коротко — Йоо.

— Может быть, когда ты вырастешь, овладеешь науками, ты и вправду будешь управлять погодой или будешь синоптиком, как Михайлов, отец Игоря. Будешь работать на полярной станции, наблюдать природу через хитроумные приборы.

— Не забудь, что тебя по-настоящему зовут Йоорэлё, — повторила мать.

Сначала Йоо почти не слушал отца: его больше интересовали вкусные лепёшки и целая банка сгущённого молока. Но когда отец произнёс «синоптик», Йоо насторожился. Неужели вправду он, Йоо, может стать синоптиком? И может работать на полярной станции?

Да об этом втайне мечтает каждый мальчишка в селении! Синоптики пускают в небо надувные резиновые шары с блестящими коробками, и эти коробки рассказывают им по радио о погоде на высоте, на тех небесных дорогах, по которым летают самолёты и вертолёты. На полярной станции, на специальной площадке, стоят как бы игрушечные будочки. Они стоят рядами, и в них разные стеклянные трубочки. Целыми днями работники полярной станции заглядывают в будки и что-то записывают. Среди них главный си-

нотник Михайлов, отец Игоря. Он наблюдает за приборами в любую погоду — и в бурю, и в дождь, и в зимнюю вьюгу. Старики называют его повелителем ветров и часто советуются с ним о погоде.

Очень любил Йоо ходить на полярную станцию и гостить у Игоря. Но ведь сколько ждать! В школе надо учиться десять лет, а потом ещё пять лет в институте. Только тогда ты будешь называться человеком с высшим образованием. Легче взобраться на самую высокую гору, чем увидеть себя человеком высшего образования.

Йоо посмотрел на отца. Отец учится заочно в сельскохозяйственном институте на инженера. Иногда уезжает на сдачу экзаменов. А вечерами долго сидит возле лампы с зелёным абажуром и учится...

Отец пил чай большими глотками и всё продолжал говорить.

— Вот твой дед на что уж был умный и сильный охотник, и то один раз сплоховал. И всё потому, что был неграмотный. Шёл он по берегу моря после сильного шторма. Видит: лежит на берегу выброшенная волной шхуна. Подходит — никого. И нашёл там дед мешки, полные белой пыли. Попробовал он пыль на язык, и показалась она ему невкусной. А мешковина хорошая, крепкая. И стал дед белую пыль вытряхивать. Насыпал целый сугроб, а мешки принёс домой. А ведь в мешках-то мука была, грамотные люди прочитали надпись. И эта мука во сто раз ценнее самих мешков... Так вот, сын мой, слушай учителей, вникай в их слова. Учись за мешком муку не проглядеть. Учителя — они народ знающий. Ну иди, уже пора.

Вместе с Йоо из-за стола вышли отец и мать.

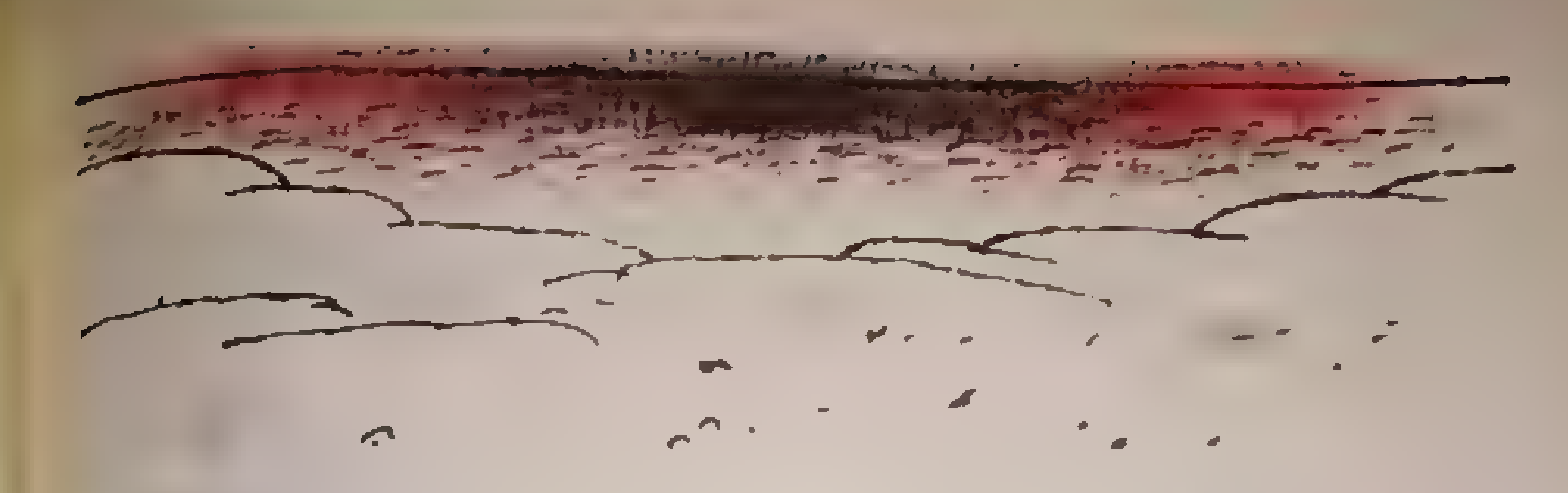
Йоо взял свой портфель, поправил белый воротничок перед зеркалом и вышел из дома.

Он гордо нёс свой портфель и далеко обходил лужи. Они за ночь подмёрзли, и так хотелось на них наступить, хрустнуть новым молодым льдом. Но нельзя! А солнце так и блестело, и железная школьная крыша сияла — на ней ещё не успел растаять ночной иней.

Йоо смотрел на дальние горы — они оделись белыми шапками. Зима на пороге, пурга, морозы — и учение в школе, познание неведомого.

Идущие рядом с Йоо собаки обнюхивали портфель и разочарованно уходили прочь, лениво помахивая хвостами. Йоо не обращал на них внимания: какое ему дело до собак, когда он идёт учиться на «повелителя ветров»!

Мороз прихватил воду у берегов лагуны, трава стала седой, как волосы у школьного хранителя огня Таната. Не придётся на этот

раз целыми днями гонять на санках с полозьями из моржовых бивней по гладкому льду лагуны: учение будет отнимать всё время.

От этих мыслей Йоо даже вздохнул.

Он думал, что первым придёт в школу. Но там уже собралось много весело болтающих мальчиков и девочек. Йоо ещё раз оглядел свой портфель и важно подошёл к толпе ребят.

Здесь уже и Пины, и Игорь.

Да, ни у кого нет такого красивого портфеля, как у него.

Из школы вышел директор. Все в Нымныме знали его.

Он сразу же заметил портфель Йоо.

— Какой красивый портфель у тебя, Йоо! А ну, покажи ка мне его!

Пока директор школы рассматривал портфель, Йоо гордо поглядывал на ребят, столпившихся вокруг.

— С таким красивым портфелем и учиться надо хорошо, — ласково улыбаясь, продолжал директор школы. — Из тебя, пожалуй, большой учёный выйдет. Будешь учёным, Йоо?

Йоо беспомощно огляделся. Он ещё не знал, как надо разговаривать с учителем. Все смотрели на Йоо. И старшеклассники улыбались ему. Вместе с ними улыбался Нины и школьный хранитель огня Танат.

— Ну что ты молчишь? — Директор обратился к Игорю: — А вот ты кем собираешься стать, когда вырастешь?

— Полиглотом! — уверенно ответил Игорь. — Знатоком языков, и больше всего — чукотского!

— Молодец, Игорь, хорошее дело ты выбрал для себя, — похвалил его директор школы. — Слышишь, Йоо, твой друг что говорит?

Йоо шмыгнул носом и тихо сказал:

— Меня теперь надо звать не Йоо. Меня надо звать Йоорэлё. И он шёпотом добавил: — Я буду повелителем ветров.

Директор наклонился к нему:

— Кем?

— Повелителем ветров! Меня зовут Йоорэлё — а это значит Повелитель ветров, по-научному — синоптик.

Йоорэлё глубоко вздохнул. Ему ещё никогда не приходилось так длинно разговаривать с директором школы.

Директор широко улыбнулся, потом лицо у него стало серьёзным.

Йоорэлё даже на мгновение испугался: не рассердился ли на него директор?

— Да, Йоорэлё, ты будешь повелителем ветров, и все вы, — обращаясь к собравшимся ученикам, сказал директор, — будете повелителями не только ветров, а всей жизни и природы.

Директор посмотрел на часы и кивнул Танату. Тот высоко над головой поднял колокольчик и зазвонил изо всех сил.

Директор взял Йоорэлё за руку:

— Ну, пойдём в класс, Повелитель ветров!

Антонина Кымытваль

Стойбище

На Чукотке, на Чукотке,
У седого Пекульнéя,
На Чукотке, о которой
Помню даже и во сне я,
Там, где родина моя,
Где повсюду дома я,
Есть у быстрого ручья
Стойбище знакомое,
Люди в стойбище живут,
Там, где наши деды жили.

Ты слыхал, чтоб крышу шили?
А у нас вот крышу шьют!
Шьют её из шкур оленьих,
И зимою крыша эта
Греет нас на удивленье,
И даёт прохладу летом...
Ну, а лето наше — это
Солнце ночью, солнце днём.
Дышит всё, поёт, смеётся,
Всё растёт, цветёт кругом...

Летом стойбище стоит
На одном и том же месте.
Ну, посёлок, ну, стоит...
Но ведь он зимою... ездит!
Начинается зима —
Мне вдали от тундры снится,
Как олени вереницей
За собой везут дома.
И на первой же упряжке,
Возглавляя весь аргиш,
Ты, Илюкинэ, так гордо,
Важно, весело глядишь!
Не замечена никем,
За тобой и я поеду,
Чтоб читателям моим
Рассказать про Непоседу.

Праздник

Весною в тундре справляют праздник —
Праздник маленьких оленят.
Приехали гости из стойбищ разных,
Бубны вовсю гремят.

Сколько оленьих рогов за ярангой,
Сколько готовится вкусных блюд!
Гости рады, хозяева рады,
Солнце светит, а люди поют.

А бабушка — много ей, мно-о-го лет —
Верит в забытые, древние слухи,
Будто бы боги живут на земле,
Всякие: злые и добрые духи.

Чтобы задобрить строптивых божков,
Наши прабабушки много веков
Им оставляли кусочки еды,
Им наливали студёной воды.

Бабушка Непоседу зовёт,
С лучшей едою мешочек даёт.
— Ну-ка снеси это всё оленятам.
Ты ведь, наверно, сегодня была там?

Значит, найдёшь, Непоседа, дорогу.
Это еда для Оленьего бога,
Уж постарайся задобрить его,
Брось ему всё и скорей возвращайся.
Только не съешь по пути ничего:
Может от нас отвернуться счастье!

Илюкинэ, гордая, в стадо бежит.
Где бог?
Очень странно, но бога не видно.
Не съесть ли кусочек? Уж очень обидно!
Кусочек, ещё...
Непоседа спешит!

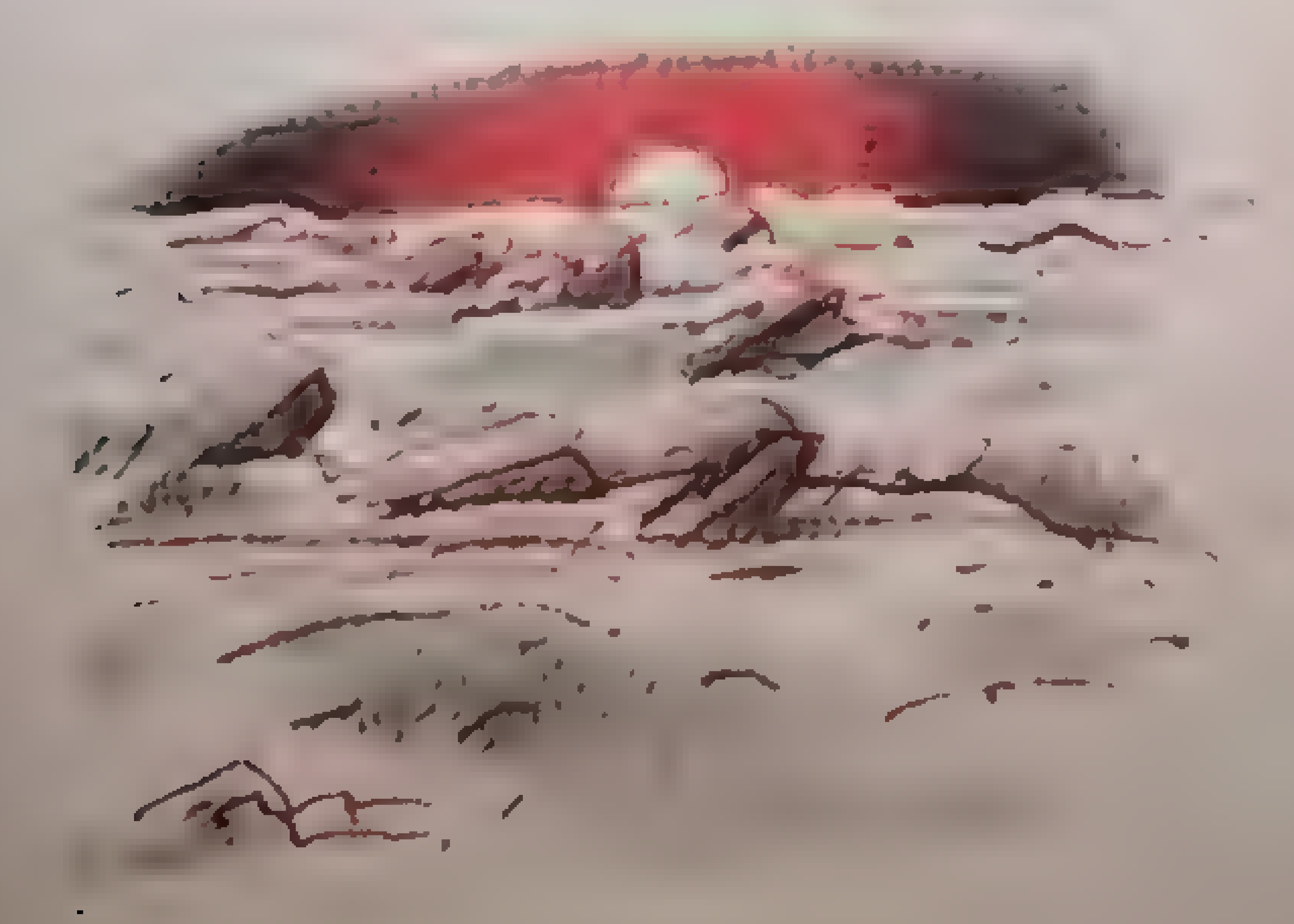
Наелась, обратно идёт еле-еле,
В хитрющих глазёнках горит торжество.
— Ой, баба, мы всё с оленятами съели,
А бог мне сказал: «Не хочу ничего!»

Татьяна Ачиргина

ФЕВРАЛЬ

Опять румянцем красен небосвод!
Опять до вечера светлы все дали!..
Раскрепощенью дня цены не знали
Там, где ликует солнце круглый год,
Где говорят мне: «Как далёк твой край,
Суров и мрачен! Что ты в нём находишь?
Махни сюда! С широт своих слезай!
Довольно уж по Северу ты бродишь!»
Им не дано увидеть волшебства
Минут, что набегают незаметно,
И это повзросление рассвета,
Сейчас ещё приметное едва.
День удлиняется — и близок срок,
Срок торжества хмельного белоночья!
Закат с рассветом породнит восход
И снова будет счастье мне пророчить!
Ну, а пока чукотская зима
Пургой стращает и морозом жжётся,
Наращивает толщу льда лиман.
Лишь тьма ночная нехотя сдаётся...

Хозяин ветров

Ненецкая сказка

В одном стойбище старик жил. Вместе с ним три дочери жили. Младшая — самая хорошая, самая умная была.

Бедно старик жил. Чум у него был дырявый, плохой. Одежды тёплой мало было. В большие морозы сидел он с дочерьми у огня, грелся. Ночью огонь гасили, спать ложились, до утра мёрзли.

Однажды в середине зимы поднялась над тундрой страшная пурга. День дует, другой дует, третий день дует — вот-вот чумы снесёт. Люди из чумов выйти не могут, сидят голодные.

Сидит старик со своими тремя дочерьми в чуме, слушает, как пурга воет, и говорит:

— Не переждать нам пургу! Послал её хозяин ветров Котýра. Видно, сердится он, видно, хочет, чтобы мы ему хорошую жену прислали. Иди ты, старшая дочь, к Котуре, не то погибнет весь наш народ. Иди, упроси его, чтобы остановил он пургу!

— Как пойду? — говорит девушка. — Пути не знаю!

— Я тебе маленькие саночки дам. Толкни их против ветра и иди за ними. Ветер будет развязывать на твоей одежде вязки — ты не останавливайся, не завязывай их. Будет тебе в обувь снег набиваться — ты его не вытрясай, не задерживайся. На пути тебе встретится высокая гора — ты поднимись на неё. Там остановись, вытряси из обуви снег и завяжи вязки. Когда будешь на горе, прилетит к тебе маленькая птичка. Сядет она к тебе на плечо, ты не гони её — погладь, приласкай. Потом сядь на саночки и скатись под гору. Саночки привезут тебя прямо ко входу в чум Котуры. Войди в чум, ничего не трогай — сиди и жди. Когда придёт Котура, делай всё так, как он велит.

Старшая дочь оделась, встала позади саночек и покатила их против ветра.

Немного прошла — развязались у неё вязки, холодно стало. Не послушалась она отца — стала вязки завязывать. Набился снег в обувь. Остановилась она и принялась выбивать снег. После того дальше пошла, навстречу пурге. Долго шла. Увидела гору, поднялась на неё. Подлетела тут маленькая птичка, хотела сесть к ней на плечо. Девушка замахала руками — прогнала птичку. Птичка по

кружила, покружила и улетела. Старикова старшая дочь на саночки села, скатилась под гору. Остановились саночки у большого чума.

Вошла девушка в чум. Смотрит — лежит в чуме жареное оленье мясо. Развела она огонь, обогрелась и стала с мяса жир отрывать. Отрывает да ест, отрывает да ест. Много съела. Вдруг слышит кто-то подошёл к чуму. Приподнялась шкура у входа, вошёл в чум молодой великан. Это и был Котура. Посмотрел он на девушку, спрашивает:

— Ты откуда пришла? Что тебе здесь надо?

— Меня отец прислал к тебе.

— Зачем прислал?

— Чтобы ты взял меня в жёны.

— Встань и свари мясо, которое я принёс с охоты.

Девушка сварила мясо.

Котура велел ей достать из котла мясо и разделить пополам.

— Одну половину мяса будем есть мы, — сказал он, — другую положи в корытце и отнеси в соседний чум. Сама в этот чум не заходи, у входа постой. Выйдет к тебе старуха. Подай ей мясо и жди, когда вынесут тебе корытце.

Девушка взяла мясо и вышла из чума. А пурга воет, снег идёт ничего не видно. Что найдёшь в такую метель!.. Девушка отошла немного в сторону. Остановилась, подумала и выкинула мясо в снег. Сама вернулась к Котуре с пустым корытцем.

Взглянул на неё Котура и спросил:

— Отнесла мясо?

— Отнесла.

— Покажи-ка мне корытце — посмотрю, что тебе дали за мясо.

Девушка показала пустое корытце. Котура ничего не сказал. Поел и лёг спать.

Утром он встал, принёс в чум сырые оленьи шкуры и сказал:

— Пока я хожу на охоту, выделай эти шкуры и сшей мне из них новую одежду, унты [1] и рукавицы. Вернусь — посмотрю, какая ты мастерица.

Ушёл Котура в тундру, а старикова дочь принялась за работу. Вдруг приподнялась шкура у входа, и в чум вошла седая старуха.

— Девушка, — сказала она, — мне в глаз попала соринка. Вытащи её!

— Не мешай мне работать! — говорит девушка. — Некогда мне.

Старуха ничего не сказала, повернулась и ушла. Старикова дочь одна осталась в чуме. Мнёт она шкуры, кроит их ножом, торопится

---

[1] Унты — меховые сапоги на мягкой подошве.

сшить Котуре одежды. Шьёт кое-как — спешит. Где же всё хорошо сшить за один день! Да и шить-то нечем...

Вечером Котура вернулся с охоты. Спрашивает:

— Готовы ли одежды?

— Готовы.

Пощупал Котура одежду — шкуры жёсткие, выделаны плохо. Посмотрел — всё сшито криво, косо, не по росту. Рассердился Котура и выбросил старикову дочь из чума, далеко-далеко в сугроб забросил. Там она и замёрзла.

А пурга ещё сильнее завыла...

Старик сидит в своём чуме, слушает, как пурга воет, шумит и днём и ночью, и говорит:

— Не послушала старшая дочь моих слов! Не делала так, как я велел! Оттого и не перестаёт выть пурга: сердится Котура. Собирайся к нему, средняя дочь!

Сделал старик маленькие саночки, рассказал средней дочери всё, как и старшей, и отправил её к Котуре. Сам сидит с младшей дочерью, ждёт, когда пурга стихнет.

Покатила средняя дочь саночки навстречу ветру. Дорогой у неё вязка развязалась, в обувь снег набился. Холодно стало. Забыла она отцовский наказ — раньше времени вытрясла из обуви снег, раньше времени завязала вязки.

Поднялась на гору, увидела птичку. Замахала руками — прогнала её. Села на саночки и скатилась под гору, прямо к чуму Котуры. Вошла в чум, развела огонь, наелась оленьего мяса, стала ждать Котуру.

Вернулся Котура с охоты, увидел девушку, спрашивает:

— Ты зачем ко мне пришла?

— Меня послал к тебе отец.

— Зачем?

— Чтобы ты взял меня в жёны!

— Что же ты сидишь? Я голодный, вари скорее мясо!

Когда мясо сварилось, Котура велел девушке вынуть мясо из котла и разделить пополам.

— Одну половину мяса будем есть мы, — сказал Котура, — другую положи в корытце и отнеси в соседний чум. Сама в чум не входи, постой рядом и подожди, когда тебе корытце вынесут.

Девушка взяла мясо и вышла из чума. А пурга воет, снег кружит — ничего не видно... Не захотела она идти дальше. Бросила мясо в снег, постояла, постояла и вернулась к Котуре.

— Отнесла ли ты мясо? — спросил Котура.

— Отнесла.

— Что-то ты очень скоро сходила! Покажи-ка мне корытце, посмотрю, что тебе дали за мясо.

Взглянул Котура на пустое корытце, ничего не сказал. Лёг спать. Утром он принёс в чум сырые оленьи шкуры и велел девушке, как и её сестре, к ночи сшить ему новую одежду:

— Шей! Вечером я посмотрю, какова твоя работа.

Ушёл Котура на охоту, а девушка за работу принялась. Торопится, чтобы хоть как-нибудь успеть сшить всё до ночи. Вдруг вошла в чум седая старуха.

— Девушка, — сказала она, — попала мне в глаз соринка. Вытащи её! Сама я не могу.

— Некогда мне вытаскивать твою соринку! У меня и без того дела много. Уходи, не мешай мне работать!

Старуха ничего не сказала, ушла. К ночи Котура вернулся с охоты, спрашивает:

— Готова ли моя новая одежда?

— Готова.

— Дай примерю.

Стал примерять. Всё сшито криво, плохо, не по росту. Рассердился Котура и забросил старикову дочь туда же, куда и старшую её сестру бросил. И она замёрзла.

А старик сидит в своём чуме с младшей дочерью, не может дождаться тихой погоды. Пурга воет сильнее, чем прежде, вот-вот свалит чумы...

— Не послушались дочери моих слов! — сказал старик. — Ещё хуже сделали: только разгневали Котуру. Ты у меня последняя дочь, а придётся и тебя послать Котуре в жёны. Не послать — народ весь погибнет от голода. Собирайся, иди!

Научил старик последнюю дочь, как ей идти и что делать. Вышла девушка из чума, стала позади санок и покатила их навстречу пурге. А пурга воет, ревёт, с ног валит, глаза слепит — ничего не видно!

Девушка сквозь пургу идёт — ни одного отцовского слова не забывает. Всё делает так, как он наказывал. Развязываются на одежде завязки — не завязывает их. Набивается в обувь снег — не вытряхивает его. Холодно, тяжело идти против ветра, а она не останавливается, всё идёт и идёт. Встретилась ей на пути гора. Поднялась девушка на гору. Остановилась, вытрясла из обуви снег, завязала завязки. Тут подлетела к ней птичка, опустилась на плечо. Девушка не прогнала птичку — погладила её пёрышки, приласкала её. Птичка улетела. Девушка села на саночки и скатилась с горы прямо к чуму Котуры.

Вошла в чум, стала ждать. Вдруг откинулась у входа шкура, и в чум вошёл молодой великан — Котура. Увидел он девушку, засмеялся и спросил:

— Ты зачем пришла ко мне?

Отец послал.

— Зачем?

— Просить тебя, чтобы ты остановил пургу. Не то погибнут все люди в нашем стойбище!

— Что же ты сидишь, не разводишь огня и не варишь мясо? Я голодный, да и ты, видно, как пришла, ничего не ела.

Девушка быстро сварила мясо, вынула из котла и подала Котуре. Поел он и велел ей взять половину мяса и отнести в соседний чум.

Девушка взяла корытце с мясом и вышла из чума. А кругом пурга ревёт, снег метёт, крутит сильнее. Куда идти? Где искать чум? Постояла девушка, подумала и пошла.

Куда идёт — сама не знает... Вдруг появилась та самая птичка, которая к ней на горе подлетала.

Возле самого лица порхать стала. Девушка за птичкой и пошла. Куда птичка летит, туда и она идёт. Шла-шла и вдруг увидела: мелькнула в стороне искра. Обрадовалась девушка, пошла в ту сторону — думала, чум нашла. Подошла ближе — нет никакого чума, только большая кочка видна. Из кочки дымок идёт. Девушка обошла вокруг кочки, ткнула в неё ногой — вход появился. Выглянула седая старуха и спросила:

— Ты кто? Зачем пришла?

— Бабушка, я принесла мясо. Котура велел отдать его тебе.

— Котура велел? Ну давай. А сама снаружи постой.

Стоит девушка у кочки, ждёт. Долго ждала. Наконец снова открылся вход. Выглянула старуха и подала ей корытце. Наполненное чем-то корытце. Девушка вернулась к Котуре.

— Что ты так долго ходила? — спросил Котура. — Нашла ли чум?

— Нашла.

— Отдала мясо?

— Отдала.

— Дай-ка мне корытце — я посмотрю, что в нём.

Посмотрел Котура — в корытце ножи, скребки и мялки, чтобы шкуры выделывать, иголки стальные. Засмеялся Котура:

— Много полезной утвари тебе дали! Всё тебе пригодится!

Утром Котура встал, принёс в чум сырые оленьи шкуры и велел девушке сшить ему к вечеру всю новую одежду, и унты, и рукавицы:

— Сошьёшь хорошо — возьму тебя в жёны!

Ушёл Котура. А девушка принялась за работу. Тут-то ей и пригодился старухин подарок: для шитья у неё всё было. Но много ли сделаешь за один день?.. Да она не очень раздумывала, а больше делала: мнёт шкуры, скоблит, кроит, шьёт. Вдруг поднялась

у входа шкура, и в чум вошла седая старуха. Девушка узнала её: это была та самая старуха, которой она отнесла мясо.

— Помоги мне, девушка, — сказала старуха, — вытащи соринку из глаза. Сама-то я не смогу её вытащить!

Не отказала девушка. Отложила в сторону работу, стала вытаскивать соринку.

— Хорошо, — говорит старуха, — не болит глаз. Теперь загляни-ка мне в правое ухо!

Девушка заглянула ей в ухо — испугалась.

— Что ты там увидела? — спрашивает старуха.

— В твоём ухе девушка сидит.

— Что же ты не позовёшь её к себе? Зови! Она поможет тебе шить для Котуры одежду.

Обрадовалась старикова дочка, кликнула ту девушку. На её зов из старухиного уха выскочила не одна, а четыре молодые девушки, и все четыре принялись за работу: мнут шкуры, скоблят, кроят, шьют. Всю одежду быстро сшили. После этого старуха спрятала их в своё ухо и ушла.

Вечером Котура вернулся с охоты и спрашивает:

— Всё ли ты сделала, что я велел сделать?

— Всё.

— Давай-ка посмотрю, примерю!

Взял Котура шитьё в руки, пощупал — шкуры мягкие. Надел на себя одежду — ни узка, ни широка, скроено впору, сшито крепко, хорошо. Улыбнулся Котура и говорит:

— Понравилась ты мне! И матери моей и четырём сёстрам моим тоже понравилась. Работаешь хорошо и смелая ты: чтобы не погиб твой народ — навстречу страшной пурге шла. Будь моей женой! Оставайся жить в моём чуме.

И только сказал — стихла в тундре пурга. Перестали люди прятаться, перестали мёрзнуть, вышли все из своих чумов!

Леонид Лапцуй

КАК СОБАКА СТАЛА ДРУГОМ ЧЕЛОВЕКА

Там, где дует ветер с моря
И кружит пороша,
Жил щенок по кличке Хóри,
Добрый и хороший.

Он сидел всё время дома,
Мылся чистым снегом
И по тропкам незнакомым
Никуда не бегал.

Но однажды скучно что-то
Стало домоседу,
И пришла ему охота
Побродить по свету.

Только очень в тундре плохо
Одному, без друга!
Над равниной одиноко
Завывает вьюга.

Вдруг песец невесть откуда
Выбежал и просит:
— Мне без друга тоже худо,
Подружимся, пёсик!

Целый день резвились оба,
Танцевали, пели,
Ночью спать легли в сугробы,
В мягкие постели.

Спит песец, не слышит вьюги
И тревог не знает,
А щенок при каждом звуке
Вскакивает, лает.

И песец оскалил зубы,
Заругался всяко:
— Ты мне спать мешаешь, глупый,
Уходи, собака!

Наутёк пустился Хори,
Плача от испуга.
В нашей тундре страх и горе
Одному, без друга!

Тут медведь из-под сугроба
Рявкнул добрым папой:
— Будет друг тебе до гроба
Мишка косолапый.

Поброди своей тропою
До весны, дружище,
А весною мы с тобою
Раздобудем пищи.

Сторожит медведь тюленя
По весне у моря.
Терпелив он, но терпенья
Не хватает Хори.

Так уж лает он, без спросу
Прыгая на льдины,
Что тюлень не кажет носу
Из своей душины.

Заревел тут мишка бедный
С голоду и злобы:
Не хочу с тобою, вредный,
Я дружить до гроба!

И опять на всю округу
Плачет-воет Хори.
Не найти собачке друга,
Вот какое горе!

На закате тучи рдели
Над землёю вешней.
Шёл куда глаза глядели
Хори безутешный.

Видит — около селенья
Носится мальчишка.
Разбегаются олени
От него вприпрыжку.

Мальчик лезет вон из кожи,
Пот катится градом.
Но управиться не может
Он с оленьим стадом.

Тут залаял Хори звонко —
Так, на всякий случай!
И олени к пастушонку
Все собрались кучей!

Мальчуган сказал спасибо
Хори за услугу.
Оленины дал и рыбы,
Как большому другу.

...В нашей тундре скажет всякий,
Что с тех пор собаки
Человеку служат службу
Не за страх — за дружбу!

Прокопий Донки

Счастливым расти

Ульчская колыбельная

Счастливым расти,
Сынок дорогой.
Снежинкой луна
Блестит над тайгой.

Приснятся тебе
Следы на снегу.
На лыжах отца
Пойдёшь ты в тайгу.

Сынок дорогой,
Быстрей вырастай.
Баюшки-бай,
Баюшки-бай...

О ЧЁМ СПОРИЛИ ЭТУВГИ И АЙПАНАНА

Эскимосская сказка

Давно, говорят, это было. Жили два охотника в разных селениях. Одного звали Эту́вги, другого Айпана́на. Вышли они раз каждый из своей яранги и отправились на охоту.

Айпанана выследил дикого оленя и застрелил его из лука, а Этувги поставил капкан на волка и поймал его.

Сдирает Айпанана с оленя шкуру да похваливает:

— Ни у одного оленя такой хорошей шкуры нет!

А Этувги стал сдирать с волка шкуру. Сдирает, сам радуется:

— Хорошая шкура, тёплая!

Спрятал Айпанана оленье мясо в сумку, перекинул через плечо шкуру и зашагал в своё селение. А Этувги перекинул через плечо волчью шкуру и пошёл весёлый в своё селение.

Шли они, шли и повстречались.

Взглянул Этувги на оленью шкуру и говорит Айпанане:

— Хорошую оленью шкуру ты несёшь!

Глянул Айпанана на волчью шкуру и сказал Этувги:

— Прекрасная волчья шкура тебе досталась!

Один хвалит оленью шкуру, другой расхваливает волчью. Айпанана говорит:

— Большая и тёплая шкура у твоего волка!

Этувги говорит:

— Красивого цвета твоя оленья шкура! Только на волчьей шкуре волос гуще, чем на оленьей!

Не согласился Айпанана.

— Нет, — отвечает, — у оленя волос гуще, чем у волка!

— Пустое говоришь! — кричит Этувги. — У волка волос куда гуще!

— Сам пустое говоришь — у оленя гуще!

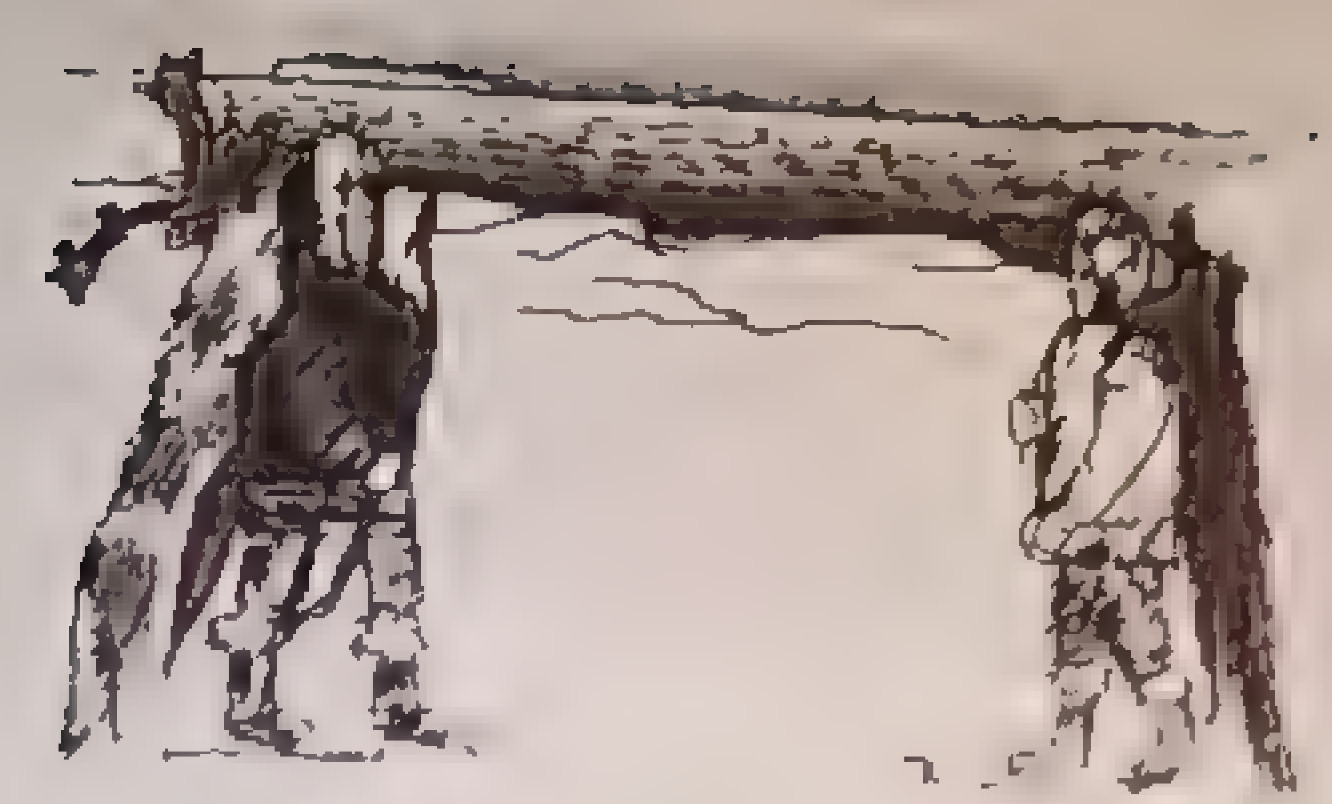
Долго спорили, долго кричали. Наконец Этувги говорит:

— А ну, давай считать, на какой шкуре больше волос — на волчьей или на оленьей!

— Давай! — говорит Айпанана.

Уселись, положили перед собой шкуры, стали считать. Этувги выщипывает из волчьей шкуры волосок за волоском и в сторону от

кладывает. Айнанана выщипывает из оленьей шкуры волосок за волоском, один по одному — рядом кладёт...

Начали утром считать — весь день считали, весь вечер считали, всю ночь считали. Новое утро наступило, а они всё считают... И ещё день считали, и ещё, и ещё... Люди на охоту ходят, оленей, песцов, нерпу, моржей, китов убивают, рыбу ловят, одежды шьют, луки, посуду мастерят, а Этувги и Айнанана всё считают и считают. Глянут один на другого, скажут:

— У волка волос всё-таки гуще!

— Нет, у оленя погуще будет!..

И один не хочет уступить, и другой не желает сдаться.

Оба от голода похудели, оба ослабели... Говорят, сидят они на этом месте до сих пор и всё считают, всё считают...

Вся сказка! Тьфу!

Георгий Поротов

ЛЕНИВЫЙ АВАЙ

— Вставай, Ава́й,
Довольно спать —
Так можно
Зорьку прозевать.
— Успеем.

— Стреляй, Авай,
По уткам влёт,
А то косяк
От нас уйдёт!
— Успеем.

— Давай, Авай,
Быстрей пойдём,
А то промокнем
Под дождём.
— Успеем.

— Беги, Авай,
Обвал идёт,
Гляди — каменьями
Прибьёт!
— Успе... —
Эх, не успел.

* * *

На весёлый Первомай
Пригласил гостей Авай.
Сам он стряпал,
Сам варил,
Всех соседей удивил.
— Авай, Авай,
Ну-ка, братец, подавай!
Мясо жирное на стол
Подноси нам, хлебосол. —
Гости к мискам
Наклонились.
— Что за шутки? —
Удивились.
— Мясо сладкое, Авай,
Нам другое подавай! —
Угощал друзей Авай.
Разливал по чашкам чай.
Гости к блюдцам наклонились.
— Что за шутки? —
Удивились.
— Авай, Авай,
У тебя солёный чай. —
Подносил Авай пирог,
Гости — мигом за порог.
За порогом
Поклонились
И с хозяином
Простились:
— Авай, Авай!
Мы пойдём домой! Прощай!

Нелли Суздалова

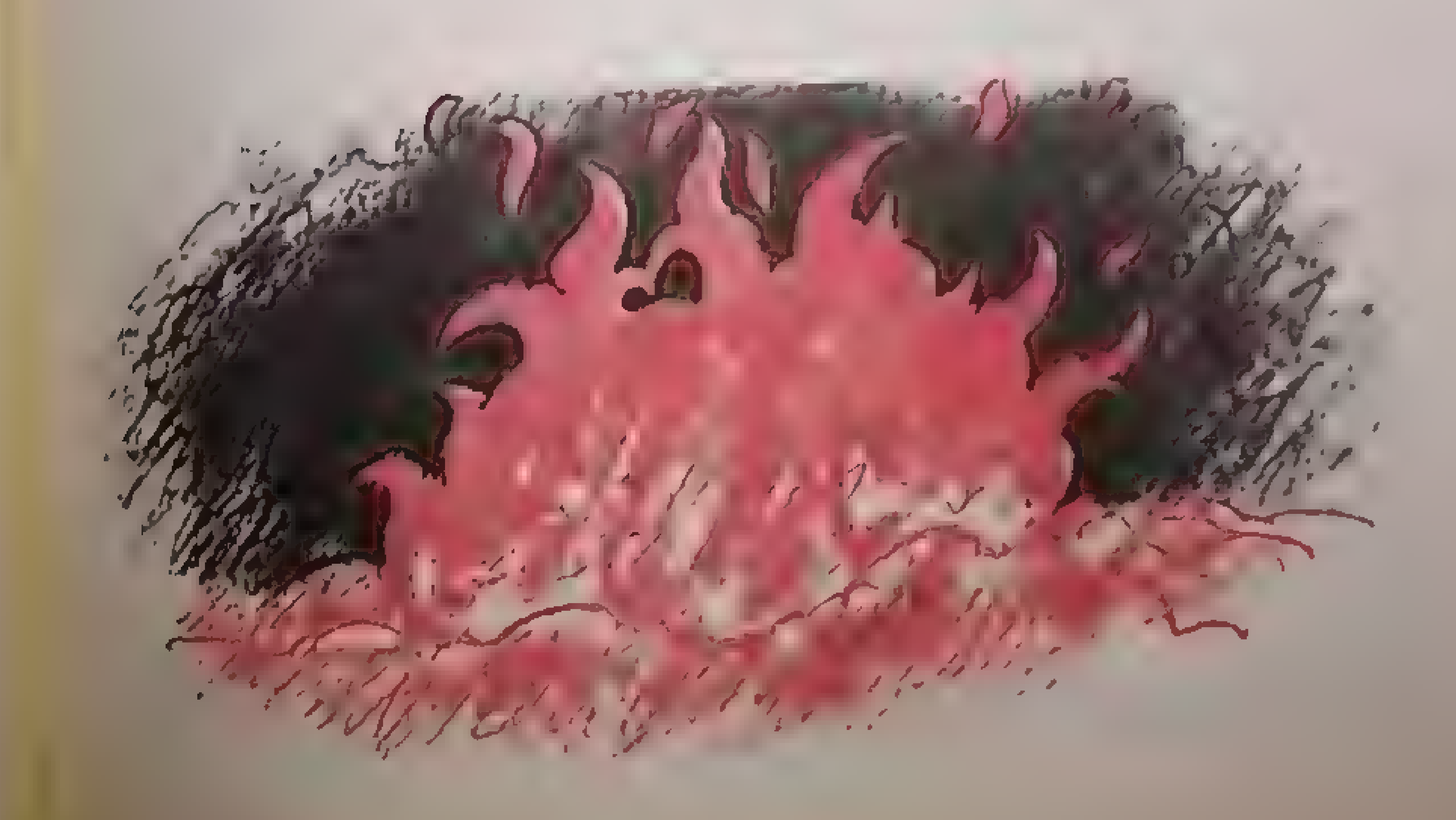
КОСТЁР

В дни тоски глухие,
в ночи пурговые
спой со мной, сынок:
«Ия, ия кия,
ия, ия кия,
красный костерок».

И вернутся в сон твой,
внятные едва,
о земле отцовской
древние слова.
Ия, ия кия,
тёплые такие.

Разгорайся ярче
памяти костёр,
озари для дочери
цепи древних гор
и родного слога
боль и торжество
донеси до слуха
внука моего.

Чтоб и в дни иные
грел сердца, как ныне,
не погас, не смолк
ия, ия кия,
ия, ия кия,
ительменской речи
красный костерок.

Любовь Ненянг

ПЕСНЯ СТАРУХИ ПУРГИ

Выв, выв, выв,
дни пошлю короче.
Выв, выв, выв,
удлиню я ночи,
небо тьмой укрою,
непогодь утрою, —
выв, выв, выв.

Выв, выв, выв,
кто в труде ленив,
пусть меня боится,
я умею злиться,
я того в снегу
схоронить могу.

Кто же к свету рвётся,
пусть легко живётся
и в пургу тому,
на упряжке быстрой
пусть летит, как выстрел,
к счастью своему.

Выв, выв, выв,
день ему — длиннее.
Выв, выв, выв,
ночь ему — светлее.
И, снега сложив,
у его порога
Я посплю немного, —
выв, выв, выв.

ХЕЙРО

Что вокруг произошло?
Солнце первый раз взошло.
Озарило даль и снег,
одарило светом всех.
Хейро![1] Хейра!

С каждым днём оно сильней.
Вот уж свет — в груди моей.
И поёт душа, поёт!
Стало быть, весна идёт.
Хейро! Хейра!

Ненец, манси и долган,
русский, чукча, нганасан, —
все пустились танцевать,
чтоб весну
приветствовать!
Хейро! Хейра!

Так теперь всегда у нас:
жизнь на дружбу оперлась.
Сыновья большой страны
в дружбе
стали мы
сильны.
Хейро! Хейра!

[1] Хéйро — название долганского танца, который танцуют весной в честь явления Солнца после долгой полярной ночи.

Огдо Аксёнова

МОРОШКА

Морошка, морошка,
Тоненькая ножка.
Ягода-фонарик
Сладостью подарит.

Осень подоспела —
Ягода поспела.
Спелая морошка —
Жёлтая серёжка.

Сладкое варенье
Наварю,
Молоко оленье
Надою,
Тальников нарву,
Соседей позову.

Солнца луч в окошке —
Золотые рожки.
Вышла я из чума —
Нет нигде морошки!

Белою метелью
Гуси налетели,
На болото сели,
Всю морошку съели.
Гуси на болото
Прилетели рано.
Завтра за морошкой
Раньше солнца встану.

НОВОСТИ

В далёком посёлке
Учится брат.
Я новости брату
Привёз в интернат.

Он слушал меня.
Строганину[1] строгал.
Я всё по порядку
Ему рассказал:

— Собака поймала
Песца на дороге.
Стал очень капризным
Олень однорогий.

Мама мне сшила
Сокуй[2] меховой.
Папа принёс
Куропатку домой.

Он спас куропатку
От белой совы,
Иначе бы ей
Не сносить головы.

---

[1] Строганина — строганая мёрзлая рыба, иногда мясо.
[2] Сокуй — глухая меховая одежда с капюшоном, шитая шерстью вверх.

Ручного олеця
Я сам распрягал. —
Слушал мой брат,
Строганину строгал...
— У нас было много
Проезжих гостей.
И всё —
Больше нет новостей.

ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

Есть у долган такой обычай:
Делиться первою добычей.
Запомни, мальчик!

Дай гостю лучший из кусков,
Второй кусок — для стариков.
Запомни, мальчик!

Поверье древнее гласит:
Удача у того гостит,
Кто от людей её не прячет.
Поверь мне, мальчик!

Есть у долган такой обычай:
Делись — и будешь сам с добычей

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

Прокопий Явтысый

ОЛЕНИЙ ДОКТОР

Повесть

КОПЫТКА

Далеко на Севере через всю тундру течёт река Печора. Наша ненецкая земля большая, а Печора делит её на две части — Большеземельскую тундру и Малоземельскую. Но жители и там и тут делают одно: ловят рыбу, охотятся на пушных зверей и растят оленей.

В Малоземельской тундре есть местечко Тёня Се́да — так называется сопка, на которой оно расположено. Здесь работают оленеводческие бригады. Одной из них руководит Вэ́ра Пе́та — отец маленького Ёко.

Сегодня отец отделял от главного стада оленей, больных копыткой. Он с другими оленеводами перегонял их на мыс, далеко уходящий в полярное озеро. Там нетоптаная трава и много ягеля.

У одних оленей болели передние ноги, у других — задние. А некоторые совсем не могли ходить — ноги у них вздувались, как пузыри.

Вэра Пета приехал в чум пообедать и сказал жене по-русски:

— Копытка в стадо пришла. Надо её уничтожить.

— Что такое копытка? — спросил Ёко.

— Летняя болезнь, — ответила мама. — Олени болеют.

— Не ходи в стадо, — добавил отец, обращаясь к сыну, — не поднимай оленей, не сгоняй с места. Пусть поправляются.

Ёко всю жизнь провёл в тундре, но впервые слышит по-русски слово «копытка». По-своему он знает: «то́ба едй». А «копытка» не слыхал. Наверное, какой-то зверь ходит среди оленей и за ноги кусает. От этого ноги и болят.

Мальчику стало обидно: никогда не видел этого зверя. Как с ним поступают? Может, его можно застрелить или арканом поймать? Отец говорил, есть какое-то лекарство. Может, этим лекарством выстрелить? Нет, слушал Ёко: с лекарством только Олений доктор управляется. Где же он? Что этот доктор делает с оленями?

Еко всего только седьмой год, но он уже нынешней осенью пойдёт в школу. Он умеет ловить оленей, запрягать их и быстро ездить на отцовских нартах.

Весной отец брал его на пастбище. В это время рождались маленькие оленята. Еко следил, чтобы оленята не отставали от матерей. Зимой он ездил с отцом ставить капканы на песца.

Что ещё умеет Еко?

Умеет стрелять из ружья. Умеет находить по звёздам дорогу и даже ночью может вывести к дому целое стадо.

А что он видел?

Видел настоящую пургу. Когда за окном метёт, Еко берёт отцовский нож и выстругивает себе из палочек оленей и нарты, а потом уезжает куда-нибудь, где совсем нет пурги. Или туда, где нет дождя. Потому что во время пурги или летом, когда идёт дождь, мама никуда не выпускает его из чума.

Конечно, он ещё многого не знает. Хотя ему очень хочется увидеть своими глазами, что происходит повсюду в тундре. Но где же на всё найти время?

Вот сегодня он услышал, что появился новый зверь — копытка, кусает оленей. Эх, увидеть бы хоть краешком глаза!

Еко обязательно увидит — подстережёт среди оленей. Посмотрит, какой он. Пока светло.

Копытка... Звучит как «куропатка».

Может, копытка и вправду похожа на белую куропатку, или на сову, или на песца? А если на собаку? Или на маленького оленя? Нет, олени не кусаются. Значит, она какая-то другая, эта копытка.

Мальчик вышел из чума. Осмотрел всё стойбище — никого. Прошёл между нарт. Никого. Оглянулся на дальние сопки. Тишина. Только за ближним холмом, где отец оставил последних больных оленей, слышны пофыркивания и хруст.

Еко надел малицу[1], натянул повыше пеничьи пимы[2], крепко завязал подвязки, чтобы голенища не спадали. Взял из саней кожаный аркан и пошёл в ту сторону, где паслись больные олени.

Ну вот, теперь он как настоящий оленевод.

Когда до животных было уже недалеко, он стал идти осторожно, чтобы шаги были тихие. Ну, как выскочит копытка? Нужно заметить, куда убежит. Когда совсем близко подошёл к оленям, стало страшновато. А вдруг прямо на него выскочит?

Еко долго стоял и посматривал на оленей, а те спокойно щипали траву и мох, даже ни разу не взглянули на мальчика. Вдруг Еко услышал шум, похожий на стук копыт бегущего стада, и насторожился. Потом он упал на землю и спрятался между кочками.

[1] Малица — одежда в виде рубахи из оленьего меха, шерстью к телу.
[2] Пимы — сапоги из шкуры с ноги оленя, шерстью наружу.

А олени продолжали спокойно есть. Некоторые уже легли на землю отдыхать. И никто их не трогал.

Ёко посмотрел на небо. Никого. Огляделся. Никого.

И вправду отец говорил: не ходи в стадо, не пугай оленей. Но что это за шум? Может, это больные животные испугались и убежали к озеру? А вдруг это копытка?

Он осторожно встал и прислушался: шум не затихал. Тогда Ёко медленно пошёл на шум и увидел, что это небольшой водопад, который образовался в ивняке, где течёт ручей.

— Ну и хорош же я! — покачал головой Ёко. — Шума воды испугался. Ну, ничего. Зато теперь буду знать, как шумит водопад.

Он распутал аркан, натянул его, намотал на обе руки и пошёл к стаду. Скоро он увидел оленя, который любит кормиться из рук. Такого оленя называют в тундре «хорéко». Ёко хотел набросить на хореко капкан, но олень стонал, как человек, и Ёко осмотрел опухшую оленью ногу. Вот как укусила копытка, даже пузырь получился! Если только один Олений доктор может справиться с копыткой, то он, Ёко, когда вырастет большим, станет Оленьим доктором и также сможет победить копытку.

Пока мальчик думал, за озером показалась упряжка. Присмотревшись, Ёко узнал отца. Он всегда, когда едет, высоко-высоко поднимает хорей[1].

— Папа! — закричал Ёко. — Я здесь! Я оленей караулю!

Но упряжка промчалась мимо и скрылась за сопкой.

Ёко опять стало страшно. А вдруг на него всё-таки нападёт копытка?

Тут из-за кустов показалась ещё одна упряжка. Это был старик Саркы́. Он, оказывается, ездил с отцом проверять пастбище, куда завтра перегонят больных оленей.

— Ты, Ёко, что делаешь так далеко от чума? — спросил старик Саркы. — Тебя, наверное, мать ищет, плачет, что потерялся.

— Да вот хожу здесь, — солидно ответил Ёко. — Караулю оленей — как бы не разбежались.

— Давай-ка садись в нарты!

Старик подсадил Ёко, взмахнул хореем, и они поехали.

— Ты как самолёт летишь на оленях! — крикнул Ёко.

— Э, не шути над стариком, — ответил дед Саркы. — Раньше быстро ездил, когда молодым был, а теперь постарел. Теперь ваше время наступило. Вы будете ездить быстрее нас. У вас будут не оленьи упряжки, а машины. Они смогут переплывать озёра и реки и ходить по густым зарослям и болотам. Вот какое время настало для теперешних ребят!

---

[1] Хоре́й — шест, которым погоняют упряжных оленей.

До чего же хорошо летом на упряжке! Ветер сдувает комарьё, под полозьями хрустит ягель. Нарта, как утка на волнах, переваливается с боку на бок...

— Хэй! Хэй! — покрикивает дед Саркы.

Олени нашли тропу и бегут на запах стойбища. Вот и чум.

— Ёко приехал! — улыбнулась мама. — Где же ты был, Ёко?

— Ходил на копытку посмотреть, что за зверь такой!

— А ты не боялся?

— Нет, мама, ведь копытка только оленей кусает. Я хочу быть Оленьим доктором, чтобы наконец увидеть её и застрелить... пулей из лекарства! — твёрдо сказал Ёко.

Мама рассмеялась и прижала к себе сына.

ВСТРЕЧИ

Каждый год, перед тем как приходит пора детям из оленеводческих бригад уезжать в школу, все стада перегоняются на осенние пастбища. От них рукой подать до лесов, где олени будут зимовать. Пастухи загодя высматривают особые тропы, чтобы стада не растоптали лужайки, на которых будущей весной можно будет кормиться ягелем. Поэтому оленеводы ведут своих животных осторожно, медленно, не давая им сбиться в кучу.

Обычно чумы стоят в стойбище не больше двух недель. А этим летом отец Ёко, Вэра Нета, задержался на одном месте дольше обычного.

Вчера он впервые достал недавно привезённую рацию и долго вызывал посёлок Нéльмин-Нос. Ёко сидел рядом с отцом и слушал, как тот разговаривает с радистом из посёлка, — разговор шёл о каком-то тракторе.

Когда ящик умолк, отец сказал всем, кто был в чуме:

— Завтра приедет трактор и привезёт к нам домик на санях. Попробуем пожить в этом домике — мы и дед Саркы с семьёй. Остальные поедут в посёлок. Помолчав, добавил: — Скоро совсем новую жизнь начнём. Оленей для кочёвки ловить не станем, а будем переезжать за стадом.

— Совсем хорошо! — воскликнул Ёко.

— Хорошо, — кивнул отец.

Ёко облокотился о шест чума и долго смотрел вверх, на перекрестье шестов, где в отверстие виднелось голубое небо...

Утром он проснулся рано и уселся на нартах около входа в чум. Скоро должен появиться трактор. Нужно первым увидеть это. Вчера отец говорил, что трактор сильный: может тянуть за собой

все наши чумы, если их поставить на сани, а сани связать друг с другом. Вот какой трактор!

Вдруг над тундрой раздался какой-то гул. Ёко прислушался, осмотрелся. Ого, какой грохот стоит за сопкой — даже олени сбились в кучу!

А вот и сам трактор. В его кабине — человек. Ёко пригляделся: это же Лэ́хе Ла́мдик из посёлка!

Лэхе остановил трактор у самого чума и вылез из кабины.

— Здравствуйте! — сказал он. — Как живёте?

Отец протянул Лэхе руку.

— Ну вот вам и дом, — продолжал Лэхе. — Принимайте! Самый настоящий, со всеми удобствами.

Дом стоял в санях, дверь нараспашку. Ёко не удержался и заглянул внутрь. По стенам были деревянные нары, у дверей — печка, а в середине, у окна, — маленький столик.

К вечеру семья Ёко перебралась в новое жилище.

Ёко досталось место на верхних нарах, под самым потолком. Он лежал, глядя в небольшое оконце, и думал о своём.

Вот, значит, какой трактор! И человек из тундры, такой, как Лэхе Ламдик, может им управлять. Лэхе живёт в посёлке. Наверное, там он и выучился на тракториста. Многие жители тундры учатся в посёлке какому-нибудь ремеслу. «Я тоже смогу научиться, — размышлял Ёко. — Буду возить оленеводов на новые кочевья. Привезу деревянные дома в тундру. Трактор большой, ревёт, далеко слышно. На стойбищах будут спрашивать: это кто там разъезжает по тундре? Да это же Ёко! Он привозит нам новые дома! Он очень хорошо управляет трактором!»

Ёко вглядывается в знакомый пейзаж за оконцем. Далеко, до самого горизонта, тянется холмистая тундра. За каждой сопкой то ложбина, покрытая небольшим кустарником, то озерко с прозрачной холодной водой. Солнце на закате алое, а волны в озере — сиреневые, с красными прожилками облаков...

Интересно, как живут дети в других местах? Говорят, где-то бывает так тепло от солнца, что можно плавать в воде и не бояться мороза! И там, говорят, совсем не бывает снега... Интересно, куда же деваются там зимой сопки и ягель? Наверное, там и на оленях не умеют ездить, и на лыжах ходить...

Брат Ольке́й, когда приезжает на каникулы в тундру, только и знает, что катается на лыжах с высоких сопок.

Мне бы так! Эх, как долго нужно ещё учиться! А то бы я посмотрел, что делается за самыми дальними сопками, где небо сходится с землёй. Добраться бы туда, узнать, кто там живёт. Говорят, есть на нашей земле много разных людей, и все разговаривают на своём языке...

Каждое утро Ёко встаёт ни свет ни заря и ходит по пустому стойбищу. Грустно в стойбище без людей. Один выцветший, притоптанный ягель остался на тех местах, где раньше стояли чумы. Бывало, по утрам Ёко собирал своих сверстников — играть в оленеводов или в охотников... А теперь вот нет никого. Одни взрослые, да их и то мало.

А однажды в стойбище прилетел вертолёт. Он был ещё больше трактора, а уж гудел — даже трудно сказать до чего громко! Вертолёт оставил в тундре геологов. Потом к ним приехал вездеход. Вот это была машина! Для того чтобы ездить, вездеходу вовсе не надо никаких дорог и троп — он может запросто переплыть озеро и подняться по крутому речному берегу, и даже по болоту идёт легко, как по земле.

Видно, о таких машинах говорил дед Сарки. Если научиться водить вездеход, то за один день можно было бы навестить все оленьи стада, которые пасутся за многие километры друг от друга.

Одно плохо: вездеход очень мнёт ягельную землю. На его следах ни трава, ни мох скоро не вырастут. Так ведь и олени могут умереть с голоду! И чего он ездит по разным местам? Надо сказать геологам, чтобы по одной тропе ездили, а то больные олени не смогут брать ягель с такой размятой земли, и тогда всё стадо уйдёт далеко отсюда, и нужно будет переносить стойбище.

Каждый день Ёко навещает геологов. Говорить он с ними не может, потому что ещё плохо понимает по-русски. Геологи улыбаются и каждый раз дарят ему по небольшой связке сушек. Ёко доволен: можно угостить хореко!

— Что делают геологи в нашей тундре? — спрашивает он у отца.

— Ищут нефть и газ. Под землёй ищут.

— Под землёй? — удивляется Ёко.

Хорошо бы посмотреть, кто это такие — нефть и газ. Может быть, это зверьки, вроде копытки? А почему они под землёй прячутся? Что-то я не видел, чтобы геологи кого-нибудь ловили... Наверное, очень хитрые зверьки, глубоко в норах сидят. А геологи их ещё и вездеходом пугают. Нужно тихо ходить, чтобы пимы были мягкие и ягель не шуршал, а тут целый вездеход!

Однажды мальчик услышал взрывы.

— Это геологи землю взрывают, — сказала мама, — нефть ищут.

— Ой, — испугался Ёко, — они ведь так и убить её могут, и шкурку попортят!

— Подожди, — засмеялась мама, — завтра будем оленей перегонять, увидишь нефтяную вышку, узнаешь, что за зверьки — нефть и газ!

На другой день в сани, на которых стоял домик, впрягли оленей. Домик хоть и просторный, но лёгкий. Олени быстро потянули сани. Дед Саркы и отец следили за стадом, а Ёко с матерью сидели в нартах. Мальчик погонял оленей. Домик на санях, да нарты деда Саркы, да их нарты — получился целый аргиш.

Когда перегоняют большое стадо, аргиш длинной цепочкой нарт растягивается по тундре. А сейчас пусто кругом. Стадо небольшое, много больных оленей — сильно их копытка покусала!

Едва приехали на новое место, Ёко увидел неподалёку на сопке высокую железную вышку.

— Вот здесь нефть нашли, — сказал отец, — скоро трубопровод будут прокладывать и нефть по нему перегонять.

— Как перегонять? — удивился Ёко. — Много нефти нашли? Целое стадо? На новое пастбище будут перегонять? А почему по трубе? Чтобы не разбежалось?

— Иди, сынок, сам погляди, что за нефть такая, — предложила мама. — Вон там, под сопкой, её много скопилось. Только не измажься гляди!

Ёко перемахнул через ручей и побежал к сопке. С другой её стороны, в ложбине, оказалось небольшое чёрное озерцо. А по склону от самой вышки медленно стекала из трубы бурая жидкость. Она блестела, как потный олений бок.

— Вот она! — догадался Ёко. — Вот, значит, что такое нефть!

На берегу ручья он увидел мёртвую рыбу. Она лежала на песке, пропитанном нефтью. Ёко стало жалко рыбу, и он похоронил её.

Нужно поскорее вырастать, чтобы сохранить родную тундру. «Вот нефть, — думал Ёко, — её люди добывают даже из-под земли, значит, она очень нужна. Иначе для чего так далеко приезжать по бездорожью, а то и на самолётах прилетать — вот сколько в тундре мест, где порой и на оленях не проедешь! Это хорошо — трактор, домик деревянный, вездеход... Но вдруг не останется всего того, что сделали мама и отец? А если с оленями будет то же, что с рыбой на берегу ручья? И что станет с тундрой? Кем же ему тогда быть, когда он окончит школу?

Наверно, лучше всего летать на самолёте или вертолёте, чтобы не портить землю!»

Он вернулся домой и решительно сказал:

— Я хочу быть лётчиком!

— Почему ты так решил, сынок? — спросила мама. — Ведь и на земле дело найдётся — можно водить машины и рыбачить, или оленей пасти, или людей лечить... Ты ведь ещё вчера хотел стать Оленьим доктором!

— Не знаю, мама, — вздохнул Ёко, — у меня мысли в голове разбухают...

— Подожди, — сказала мама, — подожди немного. В школу пойдёшь, там всё узнаешь. Главное, помни, что в жизни человека его руки важнее всего. Руками можно сделать всё нужное для нашей тундры. И твои дела впереди.

ДО СВИДАНИЯ, ТУНДРА!

В конце лета семья Ёко переехала в посёлок Нельмин-Нос.

Теперь они живут в новом доме, и отец часто улетает на вертолёте в тундру - пасти оленей. Скоро у них будет телевизор, и каждый день они смогут узнавать, что происходит во всём мире.

В новом доме вкусно пахнет краской и извёсткой. Это новые запахи. Ёко никогда не знал их раньше. Он ходит по квартире, заглядывает во все углы и вспоминает свою жизнь в тундре.

Из окошка видна улица, а на ней плотно друг к другу стоят дома. Вдоль них идут узкие деревянные мостки. Улица вся раскатана машинами — ни травы, ни ягеля. А сопки — далеко за домами...

«Здесь нет простора, не то что в тундре, - думает Ёко. - Там видно далеко-далеко во все стороны!»

...Как-то однажды отец отправил его из стада в чум одного, а сам остался на ночь сторожить оленей.

- Ты уже вырос, - сказал отец. — Ты теперь настоящий мужчина, сильный и смелый. Можешь сам ездить в упряжке.

Вэра Нета, правда, немного опасался, что Ёко может сбиться с дороги. Поэтому он сначала направил упряжку на тропу, взмахнул хореем, и олени побежали. Ёко смотрел назад, на отца, а тот кричал ему, чтобы держал хорей повыше.

Вот мама удивилась, когда Ёко один приехал в чум! Ведь расстояние от чума до стада немалое - больше двадцати километров. Мальчику казалось, что он и вправду стал настоящим взрослым мужчиной. Он старался всё делать так, как делают оленеводы, и ему было хорошо. А упряжка кружилась вокруг чума, и только мама смогла её остановить, потому что Ёко ещё не умел это делать...

Теперь-то он знает, как нужно управлять упряжкой и как правильно держать хорей, чтобы олени чувствовали твёрдую руку и были послушны в дороге. А раньше что он только не делал, чтобы олени бежали ровно! И вожжами дёргал, и на ноги вставал, и на коленях пробовал ехать...

А олени, видно, заметили, что хозяин у них другой, маленький, сразу смекнули: он не будет их быстро гнать, поэтому передовой не слушался ни вожжей, ни хорея — шёл медленно, словно с трудом вытаскивал ноги из-под сугробов. Другие олени только пофыркивали. Порой совсем останавливались и начинали рыть снег, чтобы отыскать ягель и полакомиться в дороге. Тогда Ёко спрыгивал с нарт: ему казалось, что оленям тяжело тянуть упряжку. Ему было жалко животных, поэтому он старался не подгонять их острым хореем, а лишь покрикивал:

— Хэй! Хэй! Хэй!

Так кричат все оленеводы, чтобы олени бежали быстрей. А ещё они кричат: «Усь! Усь!» Или так: «Пырь! Пырь!» Или свистят протяжно.

Ёко тоже свистел, и олени трогались с места. Мальчик снова залезал в нарты, устраивался поудобнее и смотрел назад, на свои санные следы, которые тянулись по снегу, как две речки.

Он тогда подумал, что это его первые самостоятельные следы в жизни, что теперь они всегда будут тянуться по отцовским оленьим тропам, что он стал настоящей заменой отца в тундре. Тогда он ещё ничего не знал ни о посёлке, ни о школе. Он решил, что уже стал настоящим взрослым!..

Ёко поднялся со стула и подошёл к окну. И снова увидел далеко за домами тундру. Казалось, каждая сопка машет ему рукой: мол, не забудь, здесь остались твои первые следы в тундровой жизни!

Опять мысли Ёко разбрелись в голове, будто олени в ягельном раздолье.

Он вспомнил, как на празднике оленеводов отец дал ему вести упряжку. Но олени не послушались его, набрали скорость и завезли упряжку прямо в озеро.

— Какой же ты пастух, — сказал отец, — если не можешь управлять оленями на ровной земле?

И Ёко горько заплакал.

Зато на следующий год он сам напросился вести упряжку и всех обогнал.

— Молодец Ёко! — Отец радостно хлопал его по плечу. — Всегда будь таким!

Его усы касались раскрасневшихся щёк мальчика, отчего тому казалось, что в тундре стало теплей...

Ёко прижался лбом к оконному стеклу и увидел дорогу, по которой он приехал из тундры в посёлок. На обочине синели цветы. Он хотел назвать их по-русски, но не знал как. Цветы смотрели в небо и были похожи на голубые озёра тундры. «Я их назову озёрцами», — решил Ёко.

«Озёрца» были лёгкими, качались под ветром и блестели от росы. Еко показалось, что это глаза добрых людей. И они по-своему разговаривают с землёй, эти глаза. Они смелые, как глаза пастухов.

«Я лучше назову их глазами тундры», — тут же придумал Еко. Насколько ближе и роднее стала для него в последние дни тундра! Почему он раньше этого не замечал? Что с ним случилось? Даже цветы заговорили! Как часто он раньше, не считая времени, бродил по тропам, играл с ребятами в тундровые игры, топтал ягель и траву, пробовал на вкус ягоды, мял в пальцах ароматные листья мяты...

Всё это теперь заговорило в душе, позвало к себе под прохладный северный ветер!

Вдали, над сопками, пролетела стая лебедей. Они летели низко и скрылись за южным горизонтом. Еко вспомнил, что в прошлом году он отпустил вместе со стаей приручённую лебедиху...

Весной, когда перекочёвывали на новое место, Еко с отцом гнал оленей по следу ушедших далеко вперёд аргишей. Тогда-то и пролетела над стадом лебединая стая. Лебеди всегда летят вытянувшись, как два соединённых шеста чума. Еко заметил, что последняя птица в ряду стала отставать и опустилась на реку. Стая улетела, а птица так и не поднялась. Еко попросил разрешения у отца посмотреть, где она. Он увидел помятую траву и обломанный кустарник. Тут же лежала и сама лебедиха, израненная острыми сучьями, и совсем по-человечески жалостливо смотрела на мальчика.

Подошёл отец, и они решили взять птицу в чум. Может, кто-то ранил лебедиху по дороге, рана, которую Еко завязал чистой тряпкой, ещё долго не заживала...

Мальчик выделил в чуме уголок для птицы, научил её просить еду, и гуляли они по стойбищу вместе: впереди Еко, а сзади, на верёвке, лебедиха. Она даже стала отзываться на свою кличку.

— Бéла! — кричал Еко по утрам. — Иди сюда! Пойдём гулять!

И птица радостно спешила навстречу мальчику.

Осенью, когда Еко пустил Белу к стае, она долго не хотела покидать стойбище. Сначала взлетела вместе со всеми, но потом вернулась обратно, подсела к Еко и закурлыкала. Она положила голову к нему на колени и прикрыла глаза. Видно, не хотела расставаться: на юг лететь далеко, но и здесь в суровую зиму ей не житьё...

Тогда Еко не выдержал и заплакал.

А Бела поднялась вверх, сделала два круга над чумом и полетела догонять стаю.

— Возвращайся, Бела! — кричал ей вслед Еко. — Я буду ждать!

И Бела ответила ему с неба далёким курлыканьем...

Может быть, летела она сейчас в этой стае, что скрывалась за сопкой?

Еко проводил птиц глазами и увидел на крыльце старого пса Паскоя. Паскою уже четырнадцать лет. Человек в этом возрасте ещё мальчик, а пёс — уже старик.

В тундре Паской всегда был рядом с отцом, далеко не ходил, только смотрел, как другие собаки, помоложе, гоняют оленей. А он сидел и лаял: мол, что попусту силы тратите? Подождите, неровен час, придёт беда — тогда посмотрим, какие вы смелые!

Быстро двигаться Паской не может: он избегал лапы, охраняя оленей. Теперь если по старой памяти и рванётся за каким-нибудь животным, то потом придёт к нартам, ляжет возле них и будет стонать. В последнее время это случается всё чаще и чаще.

Уши у Паскоя разные: одно совсем загнулось, упало, а другое с давних пор подрезано. Это отец слегка подрезал ножом, когда Паской был ещё молодым. Тогда он очень любил гоняться за маленькими оленятами.

Однажды отец послал его собирать оленей, а он бросился за оленёнком, загнал в кусты и искусал тому ноги.

Отец крепко рассердился на Паскоя и подрезал ему правое ухо, чтобы Паской навсегда запомнил, что не годится кусать малышей. Псу было очень больно, но с тех пор он знает, чего нельзя делать в тундре. Он вырос умной и терпеливой собакой, научился понимать любое движение хозяйской руки.

На спине Паскоя — рубец. Его оставил матёрый волк. Отец рассказывал, что однажды ночью, когда он объезжал стадо, пёс неожиданно залаял. Отец остановил упряжку и в темноте увидел трёх волков.

Пока отец доставал из саней винтовку, Паской сцепился с одним волком, но два других стали нападать на него с боков. Паской отчаянно дрался, но самый сильный из волков впился ему в спину и прижал к земле. Хорошо, что подоспел отец и выстрелил в этого волка — другие испугались и бросились наутёк.

Бедный Паской скулил и не мог подняться. Отец отнёс в нарты и перевязал его рубахой. Ещё долго после этого Паской бегал по тундре с заплатой на спине. Если бы не он, многих оленей задрали бы тогда волки, потому что они подкрались незаметно и никто, кроме собаки, не почувствовал этого.

А теперь Паской доживает свою жизнь. Он лежит на крыльце и ждёт, когда принесут ему еду.

А у Еко ещё всё впереди. Однако он уже многое знает о жизни в тундре. Ему хочется теперь рассказать об этом всем ребятам в посёлке.

Завтра Ёко в первый раз идёт в школу. Вот уж когда со всеми наговорится! И про Паскоя расскажет, и про Белу, и про то, как здорово быть оленеводом и растить оленей, и про копытку расскажет — да мало ли ещё про что!

ОЛЕНИЙ ДОКТОР

Окна школы смотрят на крутой берег Печоры.

Сегодня с утра тихо: никто не рыбачит, никто не бегает по брёвнам у кромки воды. На улице солнечно и пусто.

Вот и наступило утро первого сентября.

Не спится Ёко. Он вскочил спозаранку и взял приготовленный с вечера портфель. Не опоздать бы! Портфель большой и почти пустой. Кроме тетрадей и карандашей, ничего в нём нет. Мама сказала, что все учебники выдадут Ёко в школе.

Он очень гордится, что его родители знают грамоту. У отца в нартах всегда припасена какая-нибудь книга. Летними вечерами отец часто читал вслух и учил Ёко русскому языку. А мама знает много старых ненецких сказок, которые она услышала от своей мамы, бабушки Ёко. Бабушка была совсем неграмотная, зато петь хорошо умела.

Бывало, садилась бабушка у огня, доставала свою сумку из оленьей шкуры, где лежали разные лоскутки, иголки да нитки, начинала что-нибудь шить или чинить пимы, которые Ёко разносил в тундре, а сама запевала потихоньку старую пастушескую песню:

Мой олень передовой,
Большерогий а́вка мой,
Ты беги, беги,
По тропе беги.

Ты узду свою в ночи
По земле не волочи,
По земле, земле,
По сырой земле.

Я хорей в руках держу,
Я не дёргаю вожжу, —
Сам веди других,
Рогачей других.

В тундре мягкая трава,
Тундра матушка жива,

Если вьётся путь,
Бесконечный путь.

Наши тропки лягут тут,
Никогда не зарастут.
Ты беги, беги,
Авка мой, беги...

Ёко всегда любит вспоминать эту песню.

Отец не раз говорил:

— На всю жизнь, сынок, запомни бабушкины песни, они о нашей ненецкой земле, о том, что было много-много лет назад, когда ещё никто из нас не знал грамоты и не мог эти песни записать.

А сегодня отец взял у Ёко портфель, подержал его на весу, сказал:

— В этот портфель вмещаются одни пятёрки!

Большой портфель. Когда ещё он наполнится пятёрками! А что пока в него положить?

Ёко вышел в коридор, нашёл свой аркан и засунул его поглубже. Ещё прихватил старый олений рог, который он когда-то нашёл в тундре. «Будем в школе играть в оленей», — решил Ёко.

Мама позвала его завтракать.

Выпив чаю, отец сказал:

— С сегодняшнего дня, Ёко, ты — школьник! Береги свою школу — она волшебная. Благодаря ей, может, станешь ты учёным или Оленьим доктором.

— Знаешь, Ёко, — тихо сказала мама, — почему бы тебе и вправду не выучиться на Оленьего доктора?

Ёко опустил голову, а потом выпалил:

— Хорошо, мама, буду Оленьим доктором, вылечу нашего хореко. И он никогда не будет болеть!..

«Неужели я смогу стать Оленьим доктором? Наверное, — думает Ёко, — школа по настоящему волшебная, если меня там этому научат».

А отец продолжал:

— Дед твой был умный человек. Он в любую пургу мог найти дорогу. Он зимовал один с целым стадом оленей. У него был слух, как у песца, зрение, как у полярного орла. Все тропы на Севере были у него сосчитаны. Да вот беда: грамоты не знал. Ничего, кроме тундры, не знал. Поэтому, когда началась новая жизнь, трудно пришлось деду. Он говорил нам, молодым: выучитесь за нас, чтобы знали вы больше, чем все старики в тундре. Вот какие были дедовы слова.

Слушай, Ёко, учителей, учись хорошо. Вырастешь — все тебя будут спрашивать, как лечить оленей. Станешь уважаемый человек в тундре... А теперь иди. Пора тебе в школу. Смелей держись на ногах, а кто падает, тот теряет пятёрки!

Ёко побежал в коридор и принёс свою малицу.

— Что это ты, Ёко, надеваешь малицу? — спросила мама.

— Так я же в школу иду!

— Э, нет, — сказал отец, — вот твоя новая школьная форма, надевай! Теперь не ходят в школу в малицах, у всех школьников есть красивая форма. Ну, одевайся скорей!

Ёко надел новую форму, но едва дело дошло до ботинок, он сразу запутался в шнурках и никак не мог их завязать.

«Что за обувь, — думал Ёко, — вон как долго надеваются эти ботинки! А пимы только натянул — и пошёл на улицу. Тут нужно в каждую дырочку шнурком попасть. Время-то проходит! Так можно и в школу опоздать... И на пальто — вон сколько пуговиц! А малицу надел, и всё в порядке. Рукавицы прямо на малице, вместо шапки — капюшон, очень удобно надевать. Ладно, надо приноровиться надевать школьную форму. А в школе как будет, холодно или тепло?»

— Не бойся, — разгадал его мысли отец, — в школе тепло, там настоящее паровое отопление. Вот увидишь!

Мама поправила на Ёко форму и сказала:

— Ну вот, сынок, и началась у тебя новая жизнь. Иди, только не падай в грязь!

И Ёко, взяв свой портфель, зашагал по узеньким деревянным мосткам в школу. На крыльце стояли мама и отец и махали ему вслед...

У школы ребята окружили Ёко. Все здоровались с ним за руку.

Потом вышел директор школы и сказал:

— Наверно, Ёко, ты много книг и тетрадей в школу взял, раз у тебя такой большой портфель!

— Нет, это чтобы я побольше носил из школы пятёрок! — ответил Ёко. — Ведь я хочу выучиться на Оленьего доктора!

— Ну что же, это очень хорошо, — сказал директор. — А теперь иди, подай свой первый школьный звонок.

Ёко встал на цыпочки и нажал кнопку электрического звонка.

— Ура! — закричали ребята, когда весёлая трель разнеслась по школьному двору.

А директор взял Ёко за руку:

— Пойдём в класс, Олений доктор!

Василий Ледков

ЛАМДОКО

Имя дали мне такое —
Я к нему привык.
Познакомьтесь:
Ламдоко́ я, —
Значит «Не велик».

Ничего, что мал я ростом,
Плохо ль быть таким?
Сдуть меня ветрам непросто,
Не под силу им!

В землю я упрусь ногами,
Что там ветры мне!
Скачут белыми песцами
Ветры по земле...

Знать фамилию хотите?
Слушайте, друзья:
Лаптанде́р —
равнинный житель,
Житель тундры я.

Мне с фамилией такою
В тундре жить легко.
Познакомьтесь:
Ламдоко я,
Лам-до-ко!

* * *

С августом простилась тундра,
С кружевом оленьих тропок.
Тундру всю объехать трудно —
У оленя шаг короток.

Но меня олени мчали
В Нарьян-Мар без передышки
И на кочках укачали...
Я уснул, сжимая книжки.

— Ты не спи, приедем скоро, —
Брат меня тряхнул за плечи...
Приближался Красный город,
А над ним кружился вечер
И, как маленькие солнца,
Электрические лампы.

Я смеюсь, и брат смеётся:
— Эти солнца в чум бы нам бы!

* * *

Первый день в просторной школе
Луч играет на окне.
Вместо быстрых нарт легко ли
Усидеть за партой мне?
Я сижу, тетрадь листаю,
Сколько чистых в ней страниц!
Словно вижу птичью стаю —
Лебедей и лебедиц.

Словно вглядываюсь в небо,
Где ныряет так легко
Солнце золотою нерпой
Среди белых облаков.

Эх, скорей бы пролетела
Эта длинная зима,
Чтоб в проталинках запела
Не вода — весна сама!

* * *

— Ламдоко, закрой тетрадь.
Нужно слушать вместе с классом...
Почему же стали звать
Заполярный город Красным?

И учитель рассказал,
Как в семнадцатом с «Авроры»
Прозвучал победный залп —
Зимний пал.

И в коридоры,
В зал, где царский трон стоял,
Красный флаг внесли солдаты,
Чтоб над тундрой запылал
Тоже алый флаг крылатый!..

Нарьян-Мар для всей страны
Стал родным и милым сыном.
Всем огни его видны
Над земным простором синим.

Город внуков Октября,
Город внуков Ильичёвых.
И над городом заря
Вьётся флагом кумачовым...

Кем я стану? Космонавтом.
К дальним звёздам полечу,
А соскучусь я по нартам,
Так вернусь обратно в чум.

Выберу оленей крепких,
Запрягу их поскорей
И в пути из пальцев цепких
Вряд ли выпущу хорей.

Где там ветру! Не угнаться.
И мороз мне нипочём!
Пусть олени резво мчатся.
Здравствуй, тундра!
Здравствуй, дом!

Николай Курилов

МОИ РАССКАЗЫ И МАМИНЫ СКАЗКИ

Мы живём очень далеко. От всех далеко, даже от своего райцентра – посёлка Че́рского. Он, наш районный центр, находится в якутской тайге, а мы ещё дальше – в тундре. Из Черского добираться к нам надо на самолёте, лететь три часа. Лучше всего в это время спать – так быстрее получается.

Когда вы будете лететь на самолёте к нам, то сначала увидите только снег, кругом пусто. Но потерпите. Потом тундра покажется вам какой-то шершавой. Это она такая от множества оленьих следов на снегу. Значит, там паслось одно из наших стад, и вы летите правильно. Самолёт начинает снижаться, и на вас быстро-быстро побежит яранга. Она, конечно, стоит на месте, но так кажется потому, что самолёт летит уже низко. Вы разглядите, что яранга окружена оленями, запряжёнными и привязанными, и нартами, прислонёнными к яранге. А ещё вы увидите взрослых и детей. Это мы выбежали на шум самолёта. Вы в городе не обращаете внимания на самолёты в небе. Их там много. А мы всегда выбегаем, если услышим его звук, и с нетерпением ждём.

Самолёт садится где ему нравится. Такой самолёт, на лыжах, не нуждается в специальной площадке, взлётно-посадочной полосе. Садится поближе к яранге. При этом снег летит на ярангу, нарты, оленей и нас. Но это не беда. Мы весело отряхиваемся. Главное, вы прилетели. В тундре всегда очень радуются гостям. И это как праздник. Просторы у нас огромные. Людей очень и очень мало, встречаются редко.

Дверь самолёта открывается, и все прилетевшие спускаются по ступенькам, здороваются с нами, со взрослыми и детьми. И мы им очень-очень рады.

Если вы прилетите к нам, то мы покажем вам всё: и как живём, и как ловим оленей, и как они бегут по тундре. Увидите наше стадо. Там много-много оленей. Они разные по масти: чёрные, белые, коричневые, чёрные с белыми пятнами. И у них очень красивые рога. Когда стадо оленей бежит, их рога разрезают воздух – гул стоит, словами не передашь эту музыку. Это надо слышать.

Я вам вначале говорил, что с самолёта тундра вам покажется

однообразной, скучной. Белым-бело кругом, ничего цветного нет. С самолёта так. Но вот если вы с нами подыметесь на высокую сопку или пойдёте с нами на лыжах, то удивитесь красоте наших мест, особенно по берегам рек и озёр с их высоченными, причудливыми застругами[1].

А если бы вы прилетели к нам летом, то я бы вам показал такую сопку! Перед нею, на самом берегу озера, стоят глиняные столбы как волшебные гигантские великаны. Красотища! Мы частенько удираем туда играть. Нам за это здорово попадает от матерей — далеко всё-таки. Похнычем от их шлепков, а назавтра всё сначала.

Ещё красивей тундра весной. Зимой у нас темень, полярная ночь. А весной появляется солнце. Как мы его ждём! Как самого дорогого гостя. Приходит, наконец, солнце, и тундра как будто розовеет, а олени кажутся ещё красивее, крупнее. Но у нас весной беда: очень много комаров. Они мучают и оленей, и людей. Спасаемся как можем. А что поделаешь? Всё равно наша тундра очень хороша.

Да, надо нам познакомиться. Меня зовут Тóнти. И скоро, когда этот снег растает и выпадет потом новый, я пойду в школу. Буду учиться и стану ходить с сумкой. В моей сумке будет много книг и бумаг. Ещё там будут разные карандаши. Я научусь читать, писать и рисовать.

Папа мой — олений доктор. Я тоже, когда окончу школу, стану оленьим доктором, буду лечить оленей, как мой папа.

Но самый-пресамый главный человек в яранге — пастухи тоже так говорят — моя мама. Это она встаёт раньше всех нас и готовит завтрак, днём — обед, потом — полдник, потом — ужин. У неё всегда должен быть горячий чай и вкусная еда, потому что пастухи за день сильно устают, и им очень хочется пить мамин чай, горячий, душистый. Он сразу прибавляет силы. А ещё чаем у нас согреваются в стужу. Без него плохо, просто нельзя никак.

Мама всех нас одевает, то есть по утрам только меня одевает и обувает. А другим шьёт кукáшки, кухля́нки, пле́ки, рукавицы. Объясняю: кукашка — это меховая одежда, кухлянка — одежда из ткани, её надевают поверх кукашки, чтобы та не заиндевела, плеки — короткие меховые сапожки со щётками на подошве. Рукавицы — вы сами знаете, что такое. Маме много приходится шить. Скажем, плеки она шьёт каждому по две и три пары в год. Обувь у нас изнашивается быстро.

Иногда мама уезжает в соседнее стойбище, к тёте Люсе, своей сестре. Тогда в яранге становится скучно и холодно. Все мы очень ждём, когда она вернётся. Хорошо, что она быстро возвращается и всегда привозит от тёти Люси конфеты, печенье.

---

[1] Застру́г — подмытый водой уступ у берега.

Вы поняли уже, что мама у меня всё умеет: и шить, и огонь в очаге поддерживать, и стряпать. Ещё она умеет петь. Но больше всего я люблю, когда она рассказывает сказки. Все, кто бывает в это время в яранге, тоже слушают, а ещё приговаривают:

— О!

— Да.

Или:

— Так было.

И поэтому я верю, что так было. И если какая-нибудь сказка мне очень понравится, я ещё вижу её во сне.

КАК У ОЛЕНЯ ПОЯВИЛИСЬ РОГА, А У ЧЕЛОВЕКА — МАУТ

Мы с моим другом Мишей играли возле яранги. Набрасывали маут на оленьи рога, которых много валялось вокруг. Будто мы ловили оленей за рога. Да, вы, может, не знаете, что такое маут? Это такая длинная верёвка с петлей на конце. Ею пастухи ловят оленей. Играем мы, и Мише удалось «поймать» такие рога, ветвистые, густые, ну прямо как тальник летом. Поймал он и спрашивает:

— Почему у этих рогов так много отростков, а у тех совсем нету?

— У одного отростки люди спилили, а у другого не трогали — вот они и разрослись, — ответил я.

Но Миша не поверил мне. Он считает, что я такой же незнайка, как и он, поэтому побежал к знающему человеку — моему папе, который ремонтировал недалеко нарты. Папе, видно, некогда было. Он посоветовал Мише:

— Иди к маме Тонти. Она всё знает.

И мы пошли к моей маме, в ярангу. Миша вошёл с рогами и маутом и с порога спросил:

— Почему у оленя такие ветвистые рога?

Мама не сразу ответила, потому что курила трубку. А когда она курит, я знаю: помолчит-помолчит и что-нибудь хорошее расскажет. И сел поудобнее напротив неё, рядом с Мишей.

— Жил в тундре оленевод, — начала мама, потягивая трубку. — Давно это было. Все забыли его имя. И потому я придумаю ему имя сама. Его звали Илэнэ́й, то есть Олений. Жил он не один, а с семьёй. Был у него всего один олень. Безрогий. Надо сказать, тогда все олени были ещё безрогими. Очень трудно было пастуху ловить оленя, если тот убегал. Поэтому Илэнэй всегда держал своего оленя на привязи, как сейчас держат коней. Олени питались

травой, летом ели зелёную, а зимой выкапывали её из-под снега. И вот однажды Илэнэй откочевал с семьёй далеко на северные озёра. Думал, там легче прокормиться дичью и рыбой. Приехали, ярангу поставили, поели, чаю попили. Жена с детьми быстро уснули — устали с дороги. А Илэнэю не спалось: мешал стук копыт оленя, который вокруг яранги ходил. Вспомнил пастух, что не проверил, есть ли корм у оленя. Встал, вышел и тут же с перепугу шасть обратно. Потом осторожно высунулся и видит, кто-то страшный у входа стоит. Ещё сильней испугался Илэнэй. Ноги от страха свело, язык совсем холодным стал. Нащупал ножик в ножнах на боку и замер, прислушивается. Но, кроме стука копыт, ничего не слышит.

Когда страх у него немного прошёл, приблизился он к дымовому отверстию, подтянулся на жердях и видит: вокруг оленя ходит страшный старик. С оленем разговаривает. Интересно пастуху стало. Правое ухо, которое лучше слышало, выставил и уловил слова своего оленя: «Мне его самого не жалко. Мне детей его жалко». А старик что-то вынимает из нагрудного кармана и даёт оленю: «Если их жалко, то оставайся. Но не будь таким ручным. Иди», и развязывает оленя.

Тут Илэнэй забыл про свой страх — выскочил из яранги. А на улице — ни оленя, ни старика уже нет, след простыл. Заплакал Илэнэй, опустившись на снег. Вдруг заметил, к его ногам мышка подбежала. Остановилась, стала на глазах расти, расти и неожиданно превратилась в того старика. Илэнэй вскочил на ноги, схватил старика, стал трясти, говоря: «Ты почему моего оленя отпустил, как будто он твой? Как я его теперь найду, как поймаю?»

Разжал старик пальцы Илэнэя и сказал: «Я дух этой местности. Услышал ночью, что кто-то стучит. Явился сюда. Смотрю, это олень. Голодный. Он мой гость, поэтому я его накормил и отпустил. Ты здесь новый человек. Не знаешь, что в моей местности почти нет травы — низенькая она и сухая. Ты оленя на привязи не держи. Я его отпустил — пусть сам ищет себе корм». — «Да что он найдёт? Сам говоришь, травы нет», — рассердился Илэнэй. «Вот, — ответил старик и показал ему ветвистый сухой пучок. — Это ягель. Я им все свои владения засеял». — «Если будет сыт мой олень, тогда вовсе его не поймать», — опечалился Илэнэй, уткнув лицо в ладони. А когда опустил руки, старика уже не было.

Утром проснулся Илэнэй поздно, когда уже жена сварила рыбу. Поел он, ничего жене не рассказал про вчерашнее и отправился искать оленя. Нашёл след и побежал по нему. Поднялся на сопку и видит: внизу олень стоит, а на голове такое чудо — красивые ветвистые рога. Ну и дела! Видно, старик его не только ягелем

угостил, но ещё и рога подарил. Подумал так Илэнэй и побежал вниз ловить оленя. Да не тут-то было. Олень не давался, не хотел домой идти. Полдня гонялся за ним Илэнэй, потом рассердился и затопал в сердцах ногами. Топнул раз шесть, видит: мышка бежит и на ходу растёт — наконец превратилась в старика. «Дедушка, — начал Илэнэй, — ты, видать, добрый. Накормил моего оленя и рога ему подарил. А вот обо мне не подумал. Как я теперь оленя поймаю?» — «А ты чем рыб ловишь?» — спросил старик. «Сетью», — ответил Илэнэй. «Вот и оленя лови сетью, — сказал старик и добавил: — А какой сетью, сам сообрази». И исчез.

Сбегал Илэнэй домой за сетью и вернулся к оленю. Приблизился к нему, кинул сеть, а олень увернулся, убежал. Илэнэй за ним. До самого вечера бегал Илэнэй, пытаясь поймать оленя сетью. Порвал её всю, размоталась она, длинной стала, и всего одна ячейка уцелела. Илэнэй смотал верёвку с ячейкой на конце, взял её в правую руку, разбежался и бро́сил.

Верёвка полетела, догнала удиравшего оленя и крепко вцепилась в его рога. Так поймал Илэнэй оленя.

Вот с тех пор есть у оленя рога, а у человека маут, — закончила мама.

ПОЧЕМУ У КУРОПАТКИ НА ЛАПАХ ЩЁТКИ

Принёс папа куропатку. Я и до этого столько перевидал их и, конечно, ел их мясо, приготовленное мамой очень вкусно. Но у этой куропатки были такие же длинные щётки на лапах, как на моих плеках. Я спросил, зачем эти щётки птице? И, как всегда, у мамы была наготове сказка:

— Прилетела к нам, на Север, как-то куропатка. С гусями вместе прилетела. Понравилось ей здесь, да так понравилось, что осенью она отказалась лететь с гусями на юг. Гуси объяснили ей, что в тундре не круглый год лето, как на юге, что зима здесь страшная. Но куропатка и слушать ничего не хотела. Осталась. А вот когда выпал снег, пожалела. Лапы замёрзли. Они ведь у неё были голые, как у гусей. Однажды совсем она закоченела, закрыла глаза. «Вот и всё», — думает. Но вдруг чувствует, что кто-то её подымает. Открыла глаза — а это старая женщина взяла её на руки. Принесла старушка куропатку к себе, согрела. Ожила куропатка. От радости стала бегать вокруг очага да хвост свой испачкала о закопчённую кастрюлю, в которой хозяйка мясо варила. Женщина принялась было чистить куропаткин хвост, но ещё пуще испачкала, развела сажу. И отступилась, так и оставила. Вот почему у северной куро

патки на хвосте есть чёрные перья, — пояснила мама. — Так и жила куропатка у женщины, горя не зная. А когда ударили самые сильные морозы, куропатка и вовсе перестала отходить от очага. От этого веки у неё покраснели.

Однажды наскучило куропатке сидеть дома. Вышла она и заблудилась, потому что налетела сильная пурга. С трудом нашла куропатка дорогу домой, но лапы уже отморозила. Тут женщина сшила ей плеки с густыми и жёсткими щётками. «Обновлю-ка я плеки», — решила в тот же день куропатка и тайком выскользнула из яранги. День был без пурги, не очень холодный. А в плеках и совсем тепло. Весело стало куропатке. Бегала она, бегала и нисколько не замёрзла. На радостях забыла про женщину. Унеслась куда глаза глядят. И не вернулась.

Вот так появились щётки на лапах куропатки. И надо сказать, куропатке немного стыдно перед людьми. Увидит человека и бежит подальше с глаз долой. А вот по весне можно встретить куропатку у самой яранги. Это она благодарить приходит, что ещё одну страшную зиму перетерпела, выжила благодаря плекам. Но всё же стыдится куропатка. «Хаб-хаб», — говорит заикаясь.

ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ТАСКАЮТ КАМНИ

Однажды к нам в ярангу вошли путники. Были они круглоглазые, белолицые, бородатые. Когда они сели пить чай, я у папы тихонько спросил, что это за люди и куда они идут. Он ответил мне тоже шёпотом, пока гости разговаривали с мамой, что они русские, геологи: ищут в тундре разные камни и газ, который горит. Я очень удивился, что бывают люди, собирающие камни. Ну и занятие! Но почему тогда они взяли с собой такие маленькие мешки? Этих камней — не сосчитать! Как же их унести?

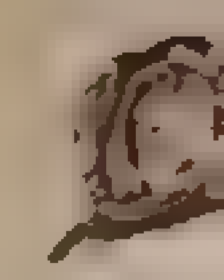
Когда все попили чай, геологи раскрыли карту и вместе с папой стали искать что-то по ней. Наверное, нашли, потому что вдруг очень обрадовались. Я тоже был доволен.

Один из геологов отремонтировал мамину швейную машину. Остальные советы давали, помогали. Мама дала геологам на дорогу сушёную рыбу — юколу и сушёное мясо.

Когда эти люди ушли, мама села шить пастухам новые рубашки. А я стал ходить вокруг яранги и искать камни. Долго искал — нашел всего один лишь, но и он оказался грузилом для сети. Мне надоело бесполезно искать камни, и я стал вспоминать, где я мог видеть в тундре горящий газ, что-то никак не мог припомнить... А мне так хотелось помочь взрослым.

Но тут пришёл Миша, и мы стали вдвоём играть в геологов. Положили в два мешка грузила моего и Мишиного папы, закинули мешки за плечи и стали так ходить.

Потом наши папы долго искали свои грузила, никак не могли понять, куда же они их подевали. Даже наведались на старое озеро, заросшее илом...

ПРАЗДНИК

В то утро мне хотелось встать раньше мамы. Но всё равно опоздал. Проснулся, а она уже развела огонь в очаге. Оделся я сам — в белую кукашку и белые плеки, потому что был праздничный день. Накануне к нам приехали люди из посёлка и ещё три семьи оленеводов со своими ярангами. Когда я вышел на улицу, то в тех ярангах тоже уже встали. И было очень весело от множества дымов над ярангами. После завтрака пастухи пригнали стадо и все мы стали ловить ездовых оленей. До самого обеда ловили, потому что в огромном стаде надо было найти своего оленя и поймать его маутом. Иногда одного оленя ловили пятеро взрослых чуть ли не целый час. Мы, ребята, тоже бегали и помогали взрослым. Когда оленей поймали, все пошли по ярангам обедать и наряжаться.

И вот начался праздник. Ох и интересно было! Всё интересно: и гонки на оленях, и гонки на лыжах, и прыжки через нарты, и борьба, и многое другое.

Больше всего участвовало в оленьих гонках. Почти все мужчины вышли на старт.

Одеты они были в просторные белые кухлянки поверх кукашек, некоторые в синие или красные, а на молодых парнях даже красовались кухлянки в цветочек. Оленей тоже принарядили: на рога им привязали разноцветные ленточки, по бокам на лямках пришили красивые орнаменты.

Все волновались: и участники — люди и олени, и зрители. Мой папа тоже участвовал в гонках на оленях. Я стоял рядом с ним. Папа начал снимать и надевать рукавицы безо всякой необходимости. Значит, волнуется. Чтобы его успокоить, я спел ему такую песенку, которую сам сочинил:

Папа едет по сопкам.
Я вижу его, и жду.
Он подарок мне везёт,
Потому громко поёт.

Папа весело улыбнулся. Но тут вдруг поднялась суматоха. Значит, пора! Зрители отошли в сторону. Все затихли. Участники приготовились... Человек из посёлка начал громко считать. «Раз! Два! Три! Пошёл!» И оленьи упряжки сорвались с места! Но сначала произошла заваруха неразбериха. Олени цеплялись рогами друг за друга, перепутались лямки разных упряжек, некоторые нарты опрокинулись. Все закричали, засвистели, запрыгали, ребята стали нападать друг на друга, потому что никто не хочет, чтобы над его отцом смеялись.

У моего папы сначала левый олень потянул нарты совсем не в ту сторону, но потом понял, куда надо двигать, и папины олени помчались за остальными. От оленьих копыт летел такой снег, как будто началась пурга. Потом, когда гонка удалилась, этот снежный хвост стал похож на белый дым за самолётом, когда он высоко высоко пролетает над нами.

Последняя упряжка скрылась из виду за сопкой. И все, кто остался, взрослые и дети, стали кидать маут. Эта игра называется «литэмӭч». Ещё накануне был врыт в глубокий снег длинный шест. К верхушке его привязали длинный канат, на другом конце каната колышек. Все выстраиваются вокруг шеста на определенном расстоянии. Один подкидывает привязанный колышек так, чтобы он вертелся вокруг шеста. А остальные по очереди набрасывают на колышек маут. Стараются поймать его, как будто это рога увёртливого оленя. На этот раз в литэмэч (вот здорово!) победила бабушка Лимхадо̆.

Я тоже пробовал состязаться в литэмэч. Но папин маут оказался для меня слишком тяжёлым. Я пошёл на другую площадку «ловить» оленьи рога. Здесь было много детей, но всех нас победил мой друг Миша. Я так радовался, что повалил его на снег, смеясь. Но тут вдруг раздалось:

– Едут! Едут!

Все бросились к призам. Призы были привязаны на длинных шестах, а внизу, на снегу, лежали обручи из тальника. Первый, кто подъезжал к шесту, должен был зацепить ногой обруч и пере-

хватить его в руки. Тогда приз его. Но если не рассчитает, промчится мимо, не зацепит обруча или выронит его, то не видать ему приза, хотя и был первым. Кто сумеет это, те и получат призы — первый, второй, третий.

Мне очень хотелось, чтобы победил мой папа. В волнении я никак не мог разглядеть его белую кухлянку с широкими красными каёмками. А Миша был уверен, что первый приз возьмёт его папа. Но мы оба ошиблись — победителем оказался молодой оленевод Ваня.

Целый день продолжался весёлый праздник.

Приезжайте — сами всё-всё увидите.

Октябрина Воронова

МЕТЕЛЬ

Сыплет снегом,
Воет жутко
Аддлуддэ-адделудка [1].
Ночь и мгла
Вторые сутки,
Адделуддэ-адделудка.
Отдохни
Хотя б минутку,
Адделуддэ-адделудка!
Видишь, как оленям тяжко —
Еле тянется упряжка.
Солнца лучик —
Мой хорей, —
Где ты?
Выгляни скорей!

ВАСТКИВАС

Ах, какое это чудо
На глазах у нас!
Знаешь ты, откуда
В небе вастквас [2]?
Красота такая,
Что не надивиться!
Это развлекается
Под луной девица.
Как она старается!
Как она кружит!
Всё переливается,
Сарафан шуршит.
— Что, ребята, нравится?
Не смотрите, хватит!
А не то красавица
Ненароком схватит.
Вдруг она захочет
Закружить вас в пляске. —
А они хохочут:
— Бабушкины сказки!

[1] Адделуддэ-аддедудка — сильная метель.
[2] Васткивас — полярное сияние.

Улуро Адо

Рассказы Юко

Тальники

Я от вас далеко-далеко нахожусь. Наше стадо уже прошло середину тундры. Когда мы дойдём до самого края, то повернём назад. А там, где кончается тундра, начинаются большие льды и море.

Здесь всё не такое, как у вас. Деревья здесь не вырастают большими. Они как будто боятся сильных зимних ветров, которые могут вырвать их из земли. Здесь деревья остаются маленькими. Их называют тальниками. Ещё бывают ёрники. Они все тоненькие и не стоят, как деревья, прямо. Они как бы согнувшись стоят. И не разгибаются.

Когда приходит зима, все они спят под снегом, потому что так теплей.

Вдоль рек растут тальники чуть длиннее. Из них детям делают стрелы и луки.

Милята

Когда снег только начал таять, у оленей появились маленькие оленята — милята. Эти милята, оказывается, сначала бывают совсем слабые, бессильные. И всё время дрожат. Особенно страшно смотреть, как у них ноги дрожат. Так и кажется, что вот сейчас они сломаются и милёнок упадёт на снег и умрёт. Ещё, оказывается, милята не должны долго лежать на снегу — могут простудиться, заболеть, а лечить их очень трудно, потому что они ведь не скажут, где болит.

Теперь милята уже большие, хорошо бегают, сами щиплют ягель, пьют воду из ручейка. Они часто играют друг с другом и бодаются своими коротышками-рожками. Это хорошо. Говорят, что если милята играют — значит, они здоровы.

СТЕРХИ

Стéрхи, как лебеди, большие и, как лебеди, белые. Только кончики крыльев и лапы у стерхов чёрные. И клювы длинные и острые.

Я издалека видел их гнёзда. К гнёздам подойти трудно, потому что там кругом болота.

Потом говорят, что стерхи, когда рассердятся, могут человеку ноги насквозь проткнуть клювом.

Стерхи очень хорошо поют и танцуют. Танцуют вокруг своего гнезда, взявшись за кончики крыльев. А поют они так: «Крлк, крлк, крлк, крлк...»

Моя бабушка говорит, что это они своим детям поют о том, чтобы те росли дружными, чтобы не обижали друг друга, не ругались, не дрались. Если дети стерхов будут драться-ругаться, то они вырастут, как вороны, маленькими чёрными и, как вороны, плохо будут петь. А если дети людей дерутся, то у них будто могут появиться железные зубы. И ещё: у драчунов вместо ногтей на ногах будто могут вырасти копыта, как у лошадей.

Вот так-то!

КАК Я ИСПУГАЛСЯ

А теперь расскажу о том, как один раз я испугался.

Это было ещё весной. Тогда милята совсем маленькие были. И вот однажды утром я проснулся чуть-чуть позже других. Смотрю – взрослые уже пьют утренний чай. Я быстро оделся, вышел из яранги и вдруг увидел совсем незнакомое мне животное!

Это четырёхногое животное было белое! Большущее! Намного больше наших оленьих быков! Оно было без рогов, но зато с длинным хвостом.

Длинные волосы падали до самых глаз. И на шее были тоже длинные волосы. А на ногах как будто пустые консервные банки надеты, там, где у оленей бывают копыта. О, я тогда та-ак испугался, что не мог поднять ноги от земли, чтобы убежать!

А потом! Потом это животное посмотрело на меня как человек и очень громко захохотало! Зубы большущие показались. Страшные зубы! Прямо как заряженные патроны! Оттого что животное не по-животному закричало, а по-человечески захохотало, я ещё

сильнее испугался — я подумал, что это, наверное, и есть баба-яга!

Всё-таки я оторвал ноги от земли и быстро-быстро убежал в дом. А из яранги в это время как раз дядя Кондье́ выходил. Я его головой так боднул, что он сел прямо около костра. Сначала из-за этого папа рассердился на меня.

Я и сам понял, что очень плохо сделал, но ведь я же убегал от бабы-яги!

Но когда я об этом рассказал, в доме такой смех раздался, что мама даже выронила хлеб из рук, а у бабушки просто слёзы из глаз полились от смеха. И дядя Кондье смеялся, и папа тоже смеялся. И ещё какой-то гость хохотал, широко раскрыв рот и вытаращив глаза. Только я не смеялся. Я ведь знал, что если это баба-яга, то она всех нас может съесть! Правда, наверное, папу бы не победила баба-яга. И дядя Кондье, наверное, не просто так сдался бы ей...

Только потом мне сказали, что это никакая не баба-яга. Это животное тоже вроде оленя. На них ездят якуты. Называется это животное конём.

Алексей Коткин

ИЗ ЖИЗНИ ЯШИ ЛАМБЕЯ

1

Родился Яша Ламбéй в посёлке на крутом берегу Печоры. И прожил здесь уже целых восемь лет. Сколько он себя помнил, всегда ходил в детский садик. Яше казалось, что он как родился, так и побежал в садик. Об этом он однажды сказал маме. Но мама покачала головой и ответила, что он, Яша, почти год вовсе не умел ходить. Сначала лежал в люльке, потом научился ползать по полу и только в десять месяцев сделал первые шаги. И то держась руками за стену или скамейку. Однако Яшина память, сколько он ни спрашивал её, ничего не говорила ему о той поре. А может, той поры и вовсе не было? Может, мама что-то перепутала? Подумал он так и с тем же вопросом обратился к папе. Папа выслушал Яшу и сказал, что всё очень верно. И ещё добавил, что все люди на земле, как Яша и даже как он, папа, в своё время лежали в люльках, а потом делали первые шаги, держась руками за стенку, за скамью или ещё за что-то. Но Яша папины слова понял по-своему. Ему на минутку представилось, как усатый папа лежит в люльке и сосёт пустышку, будто его сестрёнка Оля, и расхохотался.

— Ты не поверил? — удивился папа.

— Поверил. Очень даже поверил, — ответил Яша, но больше никогда не вспоминал об этом разговоре. Да и кому интересно помнить о себе то, что ты совсем-совсем беспомощный лежишь в люльке и сосёшь пустышку или ползаешь по полу, будто какой червяк?

А вот садик Яша помнил хорошо. И воспоминания о садике у него почти всегда были самые светлые, хотя с той поры, как он стал школьником, прошла осень, зима и весна! Прошёл целый учебный год, и наступили летние каникулы. А он всё равно помнил всё-всё!.. В садике Яша дружил со всеми мальчиками и девочками из своей группы. Играл с ними в разные игры, пел песни и строил из песка домики, лепил из глины да пластилина оленей, собак и песцов. Учила их всему этому весёлая и добрая воспитательница Зоя

Ивановна. А после, уже в последний год перед школой, пришла к ним в группу другая воспитательница, которую звали Валентиной Фёдоровной. Она начала их группу готовить к школе: учила рисовать, писать, даже немного считать. А теперь Яша — школьник, перешёл во второй класс, стал октябрёнком.

В школе интересно, он много узнаёт, как говорит мама, делает нужное дело. А вот чем заняться теперь, в такие длинные-предлинные каникулы? Конечно, можно все дни играть с ребятами. Но это разве интересно? Вон у Лёни Лаптандёра так самая настоящая работа. Он каждый день ходит со своей мамой на звероферму, кормит голубых песцов и серебристых лисиц, ухаживает за ними. И страшно хвастается этим. Он говорит, что звери очень привыкли к нему, как придёт на ферму, песцы и лисицы сразу начинают бегать по клеткам и радостно лаять. И не просто лают, а выговаривают: «Лап-тан-дер-р! Лап-тан-дер-р!» Но это-то, пожалуй, Лёнька придумывает. Песцы да лисицы-то разве могут говорить? Но на ферме, наверное, всё равно интересно: там настоящее дело! Он, Яша, конечно, помогал бы маме, если бы она работала на звериной ферме или на коровьей. Но Яшина мама — фельдшер. Она лечит людей. И не разрешает Яше посидеть в её кабинете просто так. Говорит, в больницу ходят только больные, их называют пациентами. А он, Яша, не больной, и ему в больнице делать нечего. Да и кому же интересно быть этим самым пациентом?

Вот в тундру бы съездить, где папа пастухом работает. В тундре-то, наверное, всего интересней. Там птиц разных, наверное, тьма. И волков, и медведей много, с которыми можно сразиться. Папа говорит, тундра большая-пребольшая, если олени по тундре разбредутся, то их загрызут волки или они просто так потеряются. Не отыщешь. Но какая большая тундра, Яша тоже пока не знает. Ему кажется, что тундра с небо, которое колпаком висит над головой. Ведь тундра-то не может же продолжаться бесконечно. Яша, конечно, знает, что на земле есть Украина, куда уехала в пионерский лагерь старшая сестра Марина. Есть другие страны и большие города, как Москва, Ленинград или Нарьян-Мар. Но над ними, конечно же, висит своё небо, совсем не похожее на наше. А то почему же ещё вчера по радио говорили, что в Нарьян-Маре солнечно и сухо, а в Яшином посёлке весь день лил дождь и солнце вовсе не показывалось? Но об этом Яша точно узнает, когда поедет с папой в тундру. Обещал же он Яшу взять, когда тот подрастёт. Яша уже не только подрос, а вырос. Об этом ему сказала мама, когда в первый день каникул давала ему рубаху:

— Надень-ка вот, Яша, эту. Из всех остальных ты уже вырос.

Думал так Яша, думал да и попросил маму, чтобы она дала ему

какую-нибудь настоящую работу, пока он не поехал в тундру.

— Прекрасно! — воскликнула мама. — Будешь каждый день ходить в магазин за продуктами. Согласен?

Яша, конечно же, с радостью согласился и в тот же день отправился с хозяйственной сумкой за покупками.

2

Возле магазина Яша встретил задиристую девчонку Тамару Зорину.

— Ты за продуктами? — удивилась девочка и округлила чёрные, как сажа, глаза.

— Я теперь каждый день буду ходить за продуктами! — гордо ответил Яша.

— Разве это мужское дело? — насмешливо спросила она.

— А разве есть дела мужские и женские? — в свою очередь Яше вдруг захотелось чем-то досадить Тамаре.

— Ты пол и посуду мыть умеешь? — Тамару так и распирало от скопившегося в груди смеха.

Яша покраснел. Он ни пол, ни посуду, конечно, мыть не умел. Он не умел и врать.

— Но я этому научусь. Сегодня же, — тихо сказал Яша.

— Но ты никогда не научишься мыть пол так, как мою его я. Ты и сумку носить не умеешь! Сумку носят в руке, а не за плечами. Сумка-то – не ранец! — Тамара расхохоталась и показала язык.

Яше, конечно, можно было сказать, что так носить сумку ему удобнее. Что если взять её в руку, то она волочится по земле. Но Тамару разве переговоришь? У неё слова изо рта сыплются, как песок из дырявого мешка. Да и хвастать Яша не умел, потому он шагнул в дверь.

В магазине людей оказалось много. Человек пятнадцать. И все женщины да девочки-старшеклассницы.

«Удобно ли мне стоять среди женщин? Я всё же мужчина», — неожиданно подумал Яша. Но сразу же прогнал из головы эту нелепую мысль. Назло Тамаре Зориной прогнал. И встал за какой-то тётенькой. Скоро подошла его очередь.

— Что тебе? — спросила продавщица.

Но Яша оглянулся назад. За ним стояли уже новые тётеньки. Пять или шесть.

— Берите, пожалуйста, — сказал он первой из них.

– Спасибо, – сказала тётенька и шагнула к прилавку.

Так Яша пропустил вперёд всех тётенек, которые были сзади. А к тому времени подошли новые. Яша и им всем уступил очередь.

— Тебя, наверное, мама ждёт с продуктами, а ты тут околачиваешься, — наконец сказала Яше продавщица.

— Я вовсе не околачиваюсь. Я смотрю, как вы торгуете, — обиделся маленько Яша.

— Может, на продавца хочешь выучиться?

— Может, — согласился он, отошёл к стенке и простоял там, пока продавщица не засобиралась на обед...

— Тебя посылать только за смертью, а не за продуктами, – упрёком встретила Яшу мама.

— А за смертью разве посылают? — удивился Яша, выкладывая продукты на стол.

— Это поговорка такая. Помирать ни одному человеку не хочется. Вот потому и говорят, что если послать за смертью такого тихоню, как ты, то ещё вдоволь пожить можно.

— Зачем же посылать за смертью, если помирать не хочется? не унимался Яша.

— Об этом поговорим после. Теперь скажи, где ты пропадал два с половиной часа?

Яша всё рассказал.

— Но у тебя была очередь. Почему ты её пропускал?

— Тётеньки и девочки старше меня. И они женщины. Как же им не уступить?

— Но это очередь за продуктами. И каждый ею имеет право воспользоваться. Старший и младший. Мужчина и женщина. Понял?

— Ага-а! — ответил Яша. Однако вёл себя по-прежнему, а на мамины упрёки отвечал одно и то же: «Старшим и женщинам положено уступать».

Не сумев переубедить Яшу, мама пошла на хитрость. Она стала посылать его в магазин за полчаса до его закрытия. Но в это время Яше каждый раз встречалась Тамара. Остановится она, поиграет сумкой и спрашивает:

– Научился мыть пол и посуду?

Пока ещё не научился, как ты. Но научусь мыть, как я.

А что ещё мог сказать Тамаре Яша? Не будешь же ей рассказывать о том, что мама пока ему делать ни того ни другого не доверяет. Тамара после такого признания засмеёт его окончательно. Яше сделалось грустно от этих встреч. И он стал нетерпеливо ждать из отпуска папу, чтоб уехать с ним в тундру, к настоящему делу.

3

Скоро настал день и час, когда Яша вместе с папой и с другими пастухами влез в пропахшее бензином брюхо вертолёта. Вертолёт железно зазвенел, подпрыгнул и взмыл в небо. Осталась позади Печора, большие и малые озёра. Внизу появлялись и исчезали новые озёра и речки, а вертолёт всё летел и летел. И небо не кончалось.

— Когда наступит другое небо? — спросил Яша.

— Небо одно для всей земли. И оно бескрайнее, — ответил папа.

— А тундра с краем?

— С краем. На один из краёв, где тундра с морем встречаются, мы и прилетим, — улыбнулся папа.

Улыбку папину Яша понял по-своему и расспрашивать его дальше ни о чём не стал. Он припал лицом к круглому окошку и начал смотреть на проплывающую внизу тундру. Но тундра с высоты показалась ему скучной.

«Чего же я делать стану в тундре?» — подумал он и спросил об этом папу, когда вертолёт улетел с уезжающими на отдых пастухами.

— Делать? — папа глянул на часы, о чём-то поговорил с бригадиром. — Вечером пойдём к оленям. Будем оберегать их от волков. А теперь поедем осматривать сети.

— К Ледовитому океану?!

— К Ледовитому. К одному из его заливов. К Печорскому.

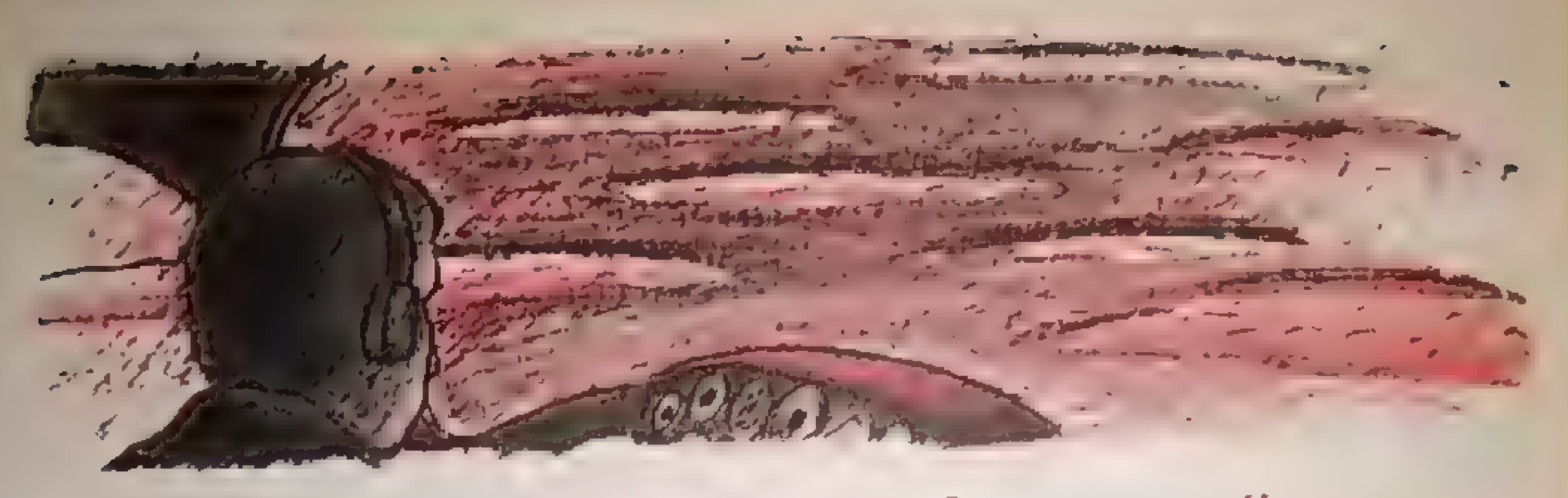
Яша сидел на нартах позади отца и во все глаза разглядывал озёра, мимо которых шла их упряжка из пяти оленей. Эти озёра с вертолёта казались мёртвыми. На самом же деле там бурлила жизнь. Они были усеяны утиными стаями, с криками носились чайки. А вдали, на самой середине, белыми комьями плавали лебеди. Много. Может, сто или больше. Яша смотрел на всю эту живую прелесть и укорял себя за то, что с вертолёта посчитал тундру мёртвой.

Когда упряжка остановилась, Яша удивлённо спросил:

— А где лодка? На чём же поплывём высматривать сети?

— Нам лодка не нужна. Шагай за мной, — сказал папа и пошёл по склону вниз, где тихо шипело и лениво ворочалось море.

— Держи мешок, — вдруг услышал голос отца Яша. Он вскинул голову и увидел: в натянутой меж кольями сети, которая висела над чуть влажным песком, поблёскивали серебром чешуи штук двадцать сигов и омулей.

— К-как же рыба на сушу заходит? — спросил Яша.

— Рыба попадает в сеть с водой. Во время прилива. Наступает отлив, вода уходит в море, а рыба остаётся в сети. Понял?

Яша, конечно, не всё понял, но мотнул головой. Он надеялся за две недели понять многое из пока непонятного и таинственного.

В тот же вечер перед выходом на дежурство Яша написал письмо Тамаре. Вот оно: «Небо, Тамара, без края. Тундра с краем. Рыба тут ловится на берегу. Всяких непонятных пока чудес полно. Надо сражаться с волками. Приеду всё расскажу. Пол и посуду мыть научусь. Яшка Ламбей».

Яша успел насытиться ухой, рыбой, чаем, а папа с пастухами всё ещё сидел за столом, разговаривал о делах всяких и пил чай. Выпьет кружку, вытрет лицо да шею полотенцем и скажет:

— Пожалуй, ещё кружечку убаюкаю.

Папа всякий раз «убаюкивает» по семь-восемь кружек чаю. Яша вышел из домика-балка, который стоит на громадных нартах. При переездах домик тащат шесть оленей. Захотелось осмотреться, а то ведь он уже пять или шесть часов жил на самом-самом краю тундры, а по-настоящему край-то этот и не разглядел. Правда, не по своей оплошности. Всё это время Яша был занят делом. Он съездил с папой за рыбой, натаскал в балок дров, разжёг железную печку и вскипятил на ней два чайника. Эх, видела бы всё это Тамара! Она бы, пожалуй, от зависти лопнула. И перестала бы, пожалуй, хвастаться.

Яша приласкал подбежавших собак и только тогда обнаружил, что на балке нет почтового ящика.

Куда же он опустит письмо, чтоб оно улетело к Тамаре Зориной? Или письма отсюда улетают не через почтовый ящик, как в посёлке?

«Об этом надо спросить папу. Он всё знает», — решил Яша. Затем он взобрался на самую вершину сопки, подле которой стоял балок. И в широкой лощине увидел какую-то странную сеть, висевшую на кольях большим кольцом.

— Эге-ге-гей! — крикнул Яша и во весь дух припустил с сопки в низину.

Ноги, обутые в лёгкие сапоги из оленьей шкуры, несли его как на крыльях. У Яши даже ветер засвистел в ушах. Он перепрыгивал через кусты багульника и карликовую берёзку, уже развесившую маленькие листики. Но вдруг споткнулся о какую-то кочку и упал. Только по счастливой случайности не повредил руки и лицо о берёзки. Яша только приподнялся на колено, и тут его взгляд упал на коричневую коряжку, которая торчала в самой середине куста.

«Как птичья голова!» — удивился Яша. Шагнул к этой коряжке и вдруг замер. Коряжка смотрела на Яшу круглым и чёрным, как маленькая пуговка, глазом. Так это же куропатка в летней одежде! Но почему она не улетает, почему не боится его? А может, она поранена или больная? И только Яша протянул к птице руки, как она юркнула под кривой стволик карликовой берёзки. А в следующий миг взлетела и уселась на ближайший бугорок.

«Кэб, кэб, кэб!» — обеспокоенно прокричала птица. А тут с другой стороны донеслось тревожное и грозное:

«Каб-бар-р! Каб-бар-р!» — и другая птица, будто свалившись с неба, села в каких-нибудь пяти шагах от Яши. У этой птицы оперение было посветлее, голова задиристо вздёрнута, а над глазами у неё огнём полыхали красные-красные брови.

Яша глянул в куст и разглядел птичье гнездо. В нём плотным кружочком лежали яйца. Штук десять. Так вот оно что! Яша согнал с гнезда куропатку-маму. А этот сердитый и краснобровый, выходит, папа. Яша заглянул в следующий куст, и там сидела, не шелохнувшись, коричневая птица. И в третьем сидела, и в четвёртом... Они боялись, и Яша осторожно стал уходить прочь. Вскоре он оказался возле странной сети. Сеть была сделана не из ниток, как рыбацкая, а из верёвок. Из крепких верёвок толщиною в Яшин указательный палец. И ячейки у сети громадные. Яша попробовал в одну из них протолкнуть голову. И его голова чуть-чуть не пролезла. Уши помешали. Но какую же рыбу ловят в такую сеть? Может, сёмгу или акулу? И неужто в эту низину тоже заходит море? Но море же отсюда далеко. Его с сопки от балка только чуть-чуть видно...

Яша думал, думал, но придумать так ничего и не успел. Из балка вышли пастухи.

Яшу позвал папа.

— Вот и на дежурство выезжать время приспело, — сказал он. Отвязал упряжку и... протянул вожжу Яше: — Попробуй поуправлять.

— А как управлять? — растерялся Яша.

— Смелей, смелей, Яков! Привыкай. В первый раз папа будет рядом, — вмешался бригадир.

— Конечно, — поддержал бригадира папа и показал, как следует пользоваться вожжами и хореем.

С радостно забившимся от восторга сердцем Яша принял из рук папы вожжи, хорей, но тут вспомнил о письме и спросил о почтовом ящике. Папа сказал, что здесь ящиков нет, но письмо, если в нём нет секретов, можно отправить говорящим. По рации «Олень». Яша, конечно, обрадовался такой возможности, но ответил не сразу. Вначале он подумал, есть ли в его письме секреты.

— А то не секрет, что у нас рыба ловится на берегу? — спросил вдруг.

— Конечно, не секрет.

— И... и то, что я еду с волками сражаться, не секрет?

— Конечно.

— Тогда пусть письмо летит говорящим, — согласился Яша и протянул письмо бригадиру. — И-и-иэх! — в ту же минуту вскрик-

нул Яша, стегнул вожжой по боку передового, ловко вскочил на нарты и уселся рядом с папой.

Две упряжки — дяди Гаврина впереди, а Яшина за ней — быстро пошли по бугристой тундре. Пошли туда, где сквозь лохматые тучи чуть проглядывало вечернее солнце. Туда, где ждало пастухов оленье стадо.

5

Яша до этого думал, что управлять упряжкой — дело очень хитрое. А тут? Яша стукнет вожжой передового оленя по боку, и он поворачивает направо. А только чуть поднатянет вожжу, упряжка начинает забирать влево. Яша прыгнет с нарт да бросит хорей на землю, и олени останавливаются будто вкопанные. А гикнет да вскочит на нарты, упряжка мигом догоняет дяди Гаврину упряжку. Яша посиживает на мягкой оленьей шкуре рядом с папой, взбадривает оленей свистом. А нарты прыгают с кочки на кочку, бесшумно скользят полозьями по ягельнику да белоголовому морошечнику. И кажется Яше, что едет он по застывшим волнам. Красотища!

— Так, так, Яков! Получается у тебя, получается! — подбадривает время от времени Яшу папа.

А у Яши от удовольствия да радости сердце колотится не только в груди, но звенит в ушах и прыгает где-то в горле. И снова думает Яша о Тамаре, о том, что уметь управлять упряжкой, пожалуй, поважнее, чем мыть посуду или пол. Подумал и тут же подосадовал на себя за такую мысль. Ведь если Яша делает какое-то полезное дело в тундре, то Тамара тоже что-то полезное делает дома!

— А кого ловят в ту сеть, что висит кольцом на кольях в лощине? — вдруг спросил он.

— Оленей.

— К-как? — удивился Яша.

— Сеть называется кора́лем. Её установили пастухи, которые улетели на базу. А мы завтра или послезавтра загоним всех оленей в кораль. И пересчитаем их. Проверим, не потеряли ли какого при кочёвках.

Яша ещё хотел спросить папу о куропатках. Почему их тут так много? И почему они, сидя на гнёздах, так близко подпускают человека? Но не успел. С высокой сопки, на которую они поднялись, взгляду открылось море с плавающими на нём льдинами. И широкая-широкая лощина, по ней букашками разбрелись олени. Много-

много! И Яша спросил о другом. Много ли в стаде оленей и почему летом их пасут у моря.

— В стаде три тысячи оленей, а у моря они потому, что тут меньше гнуса, овода. Олени лучше нагуливаются, телята растут быстрее, — ответил папа.

Потом папа о чём-то поговорил с дядей Гаврей. И упряжки разъехались.

— Вот на тот бугор езжай... А сейчас спускайся в лощину, — подсказывал папа. И Яша направлял оленей по подсказке.

Вскоре они спустились в самый низ лощины и неожиданно наткнулись на снежную пластину.

— Это зима лежит? — спросил он папу.

— Остатки зимы.

Яша глянул на плавающие по морю льдины и сразу всё понял. Это отсюда, с Ледовитого океана, каждую осень приходит зима. С морозами, злым ветром сиверком и с метелями. Здесь же зима, гонимая весной, в июне уползает обратно. И сидит там на льдинах.

— А зима не может снова вползти на землю? — спросил Яша.

— Всё может быть, Яков. Видишь, небо хмурится и ветер сильный. Как бы зима нас и сегодня не пугнула.

— А если пугнёт?

— Тогда уведём оленей за сопки... — папа вдруг насторожился, стал смотреть в бинокль.

— Волки? Д-да, в-волки?! — обрадовался Яша: в чехле лежит карабин. И папа, конечно же, дозволит Яше бабахнуть из него по волкам!

— Волки осенью да зимой лютуют. А светлых ночей они боятся. А там, видно, песцы шалят, — наконец сказал папа.

— Как это шалят?

— Гоняют телят. Случается, слабых и загрызают.

Вот уж о песцах-то Яша такого никогда не слыхал. Он всё думал, что песцы трусливы и безобидны. А тут!..

— Пап, я с ними сражусь! — Яша уже потянулся к висевшему сбоку нарт в чехле карабину.

— С песцами можно сразиться и без карабина.

— А как? — не понял Яша.

— Спусти собак, они дело сделают. Бери хорей, поехали.

— Куда?

— К самому морю. К песцам, — ответил папа.

И снова прыгают нарты по бугоркам да кочкам, снова Яша взбадривает упряжку свистом. А вот и кромка берега. Самый край тундры. Бьёт по нему разъярённо белогривая волна, и берег будто

подрагивает под ударами. И стонет. И вдруг Яшин взгляд натыкается на чёрную сплошную массу.

— Что это?

— Это турпаны. По-ненецки. А по-книжному «гаги-гребенýшки». Ценная птица. На неё охота запрещена, — объяснил папа.

— И сколько тут этой птицы? — не унимался любопытный Яша.

— Тысяч десять.

«Вот это да! Десять тысяч! Это, пожалуй, мильон или побольше!» — подумал Яша и вдруг увидел впереди какого-то серого зверька.

— Песец! Пускай собак! — скомандовал папа.

Яша быстро передал вожжу папе, спустил собак и побежал за ними следом. Надо же прогнать песца и оградить от него маленьких оленят! Наконец вот он, серый разбойник! Выскочил из-за куста багульника и метнулся быстрой тенью по кромке берега.

Вот-вот настигнут собаки зверька. Но не тут-то было! Песец в какой-то миг будто сквозь землю провалился. Когда Яша подбежал к собакам, те виновато завиляли хвостами. А перед ними и впрямь была дыра, в которой и скрылся зверёк.

— Что, улизнул? — улыбаясь, спросил подъехавший папа. — Это хитрая бестия! Она разбойничает неподалёку от норы, чтоб можно было скрыться от опасности. И тут этих нор много. Их зверьки устраивают летом, в них выводят потомство. Но песцы теперь

для нас не страшны. Телята уже поокрепли. Пусть песцы живут, размножаются и к зиме обзаводятся белой красивой шубкой.

— А почему песцы зимой белые, а летом серые? Они перекрашиваются, как наша тётя Августа? — спросил Яша.

— Почему же как тётя Августа? — удивился папа.

— У неё осенью были волосы чёрные, зимой стали белые, а весной — рыжие...

— Ах, ты вот о чём! Нет, песцы просто линяют. Меняют шерсть под цвет снега или летней тундры. Природа так распорядилась.

— А-а-а! — протянул Яша и подумал: «Природа, видно, большая волшебница, раз она может без красок, просто так перекрашивать песцов и куропаток?»

И в этот миг их упряжка встретилась с упряжкой дяди Гаври.

— Непогода приближается. Уводить оленей надо за угоры, — сказал дядя Гавря.

— Надо. Снег может полететь. А это для телят уже беда, — согласился папа. И тут же велел Яше ехать справа от стада и поджимать оленей в глубь лощины, к сопкам.

— А ты как же? — забеспокоился Яша.

— Я на своих двоих двину за стадом... Да ты за меня не бойся. Собаки дело сделают, я только командовать ими буду. Ла́но! Ба́но! Пыр-р-рь! Хы-э-ха! Хы-э-ха!

Собаки сразу же кинулись в обход стада. А олени, услыхав тревожно-призывный голос пастуха, начали медленный бег к невидимому за высокими сопками балку.

Яша слышал голоса пастухов. Близкий — папин. И далёкий, еле уловимый, — дяди Гаври.

— Хээ-хээ-хээ! — вторил он им пронзительно-визгливо.

А ветер всё сильнее толкал Яшу в спину. Белая ночь уже превратилась в сумрачную, серую. Однако табун, послушный воле пастухов и собак, уже миновал лощину, поднялся на сопки. И тут пошёл снег. Вначале редкий и крупный, будто с неба посыпались ромашки. Но тут же заплясал густо, беспросветно. Всё утонуло будто в молоке. В липком и холодном.

«Неужели зима сильнее весны? — думал Яша тоскливо. Но тут же отверг эту мысль: — Нет, весна всё равно сильнее! Весной зеленеют деревья, растёт трава и ягоды. А зима только и может делать снег да морозы».

Наконец ветер зашумел уже где-то в вышине, но снег всё падал густой, непроглядный.

— Яша, лезь в балок и топи печку. Мы теперь тут без тебя управимся, — вдруг донёсся до Яши голос бригадира.

— И чайники вскипяти, — добавил папа, забирая из Яшиных рук вожжи и хорей.

Голоса пастухов удалялись. И Яше вдруг стало страшно одному в этой кутерьме. И он побежал к балку. Только взялся рукой за дверную скобу, а тут откуда-то донеслось слабенькое «хорх! хорх!».

«Это же телёнок!» — мелькнула мысль. И Яша, преодолевая страх, быстро пошагал на всё учащающееся хорханье. Вскоре он наткнулся на дрожащего от холода обессилевшего оленёнка. Оленёнок доверчиво ткнулся мордочкой в Яшину руку.

— Куда же тебя, маленький, куда же? — Яша повёл оленёнка к балку, вытащил оленью шкуру, брезентовый плащ, укрыл ими оленёнка и прижался телом к его дрожащему боку.

«Чайники потом вскипячу. Как уползёт обратно в море зима, вскипячу обязательно», — подумал он.

Василий Ледков

ТУНДРА

Нет родней земли, чем тундра,
Тундре — края нет!
На оленьих тропах утро
Оставляет след.

Солнцем путь немалый пройден:
Тундре — края нет!
На оленьих тропах полдень
Оставляет след.

Бег оленя бесконечен:
Тундре — края нет!
На оленьих тропах вечер
Свой теряет след...

Тундры я не представляю
Без оленьих стад,
Без ветров, что, пролетая,
Снегом шелестят.

В эту пору
шага мыши
Здесь короче день.
Тихо так, что даже слышно,
Как крадётся тень!..

Тундра спит. На сопках дальних
Совы-сторожа.
В сонных их глазах овальных
Огоньки дрожат.

Всюду темень без просвета,
Но порой мелькнёт
Тонкая стрела рассвета.
Скор её полёт!

Тьмой приглушен лай собачий,
Дик песцовый крик.
Долго на земле озябшей
Ждать ещё зари.

Ниточку зари протянет
Рыжая лиса.
Ранним утром солнце встанет
И протрёт глаза.

На ветвях рогов оленьих
Выйдет в долгий путь,
Чтоб земле моей весенней
Снова жизнь вернуть!

А пока от чумов тени
Ускользают прочь.
А пока над тундрой темень
И немая ночь.

А пока лишь без опаски
К стойбищам летят
По оленьим тропам сказки,
Сказки для ребят.

ОЛЕШЕК ЗОЛОТЫЕ РОЖКИ

Саамская сказка

Сделал старик человека из глины. Сделал и поставил у себя под окошком. Потом пошёл к старухе и говорит:

— Посмотри, какого я человека сделал.

Старуха посмотрела в окно, а глиняный человек ожил.

Испугалась старуха и говорит:

— Что ты, старик, сделал? Ведь он теперь убьёт нас.

А уж за окном слышно: туп-туп-туп.

Глиняшка идёт.

Отворилась дверь, вошёл глиняшка в избу.

Посмотрел туда-сюда. В углу старик сидит, сети вяжет, а старуха поправляет.

Схватил глиняшка старика и старуху и съел, сразу обоих съел — с руками, с ногами и сеткой. Проглотил и пошёл на улицу.

А по улице девушки идут — одна с ушатом, другая с коромыслом. Ну, он их обеих и съел: одну с ушатом, другую с коромыслом. Идёт дальше.

Навстречу ему три старухи ягоды несут — он и старух съел вместе с ягодами. И опять пошёл.

Смотрит — трое рыбаков лодку чинят, он всех троих съел вместе с лодкой. И опять пошёл дальше.

Дальше идёт, а там трое дрова рубят. Он и тех троих съел с топорами вместе и опять пошёл.

Идёт, идёт. Видит — гора стоит, а на горе молодой олень пасётся.

Говорит оленю глиняшка:

— Я тебя съем.

Олешек с горы ему отвечает:

— Глиняшка, глиняшка, ты стань под горой, рот пошире открой, а я с горы прямо к тебе в рот прыгну.

А глиняшка и рад. «Гы, гы», — смеётся.

Вот стал он под горой, открыл пошире рот и смотрит, как олешек к нему в рот прыгать будет. А олешек как спрыгнет сверху да как рогами ему в живот — трах!

Глиняшка и рассыпался.

А все, кого он съел, вскочили на ноги и побежали по домам: старик со старухой сетку тащат, девки с коромыслом бегут, бабы с ягодами, дроворубы с топорами, рыбаки в лодке плывут, а олешек за ними бежит.

Тут девушки золота принесли, мужики оленю рога позолотили, и стал он с тех пор Олешек Золотые Рожки.

Платон Ламутский

ОЛЕНЁНОК

Оленёнок — хвост торчком,
Сам с коричневым бочком,
Вдоль весенних скользких троп
Топ-топ-топ —
Так бежит.

Шерсть под шеей — бахромой,
И мотает головой.
Выставляя рыжий лоб,
Топ-топ-топ —
Так спешит.

Он копытцами стучит,
Мокрым носиком фырчит,
И косится на сугроб,
Топ-топ-топ —
Так смешит.

Только, маму потеряв,
Горько плачет:
«А-а-а-ав!»
Как наш маленький сынок,
Оленёнок-сосунок
Так дрожит.

СОВА

Сова — голова,
Перья пёстрые,
Зелёные глаза,
Когти острые.

На сухом сидит суку,
Головою вертит,
И ни птице, ни зверьку
Не уйти от смерти.

Куропатка пробежит —
Куропатку потрошит.
Серый заяц промелькнёт —
Чёрной тенью вмиг махнёт.

Эх, схватила!
Закогтила!
Эх!

Андрей Кривошапкин

РОГА УЯМКАНА

1

Апóка проснулся рано. Отца рядом не было. Мальчик скинул одеяло, быстро вскочил, с удовольствием зевнул и пригладил ладошками растрёпанные после сна волосы. За тонкой стенкой чума слышалось тяжёлое сопение оленей. «Жара будет», — подумал мальчик, прислушиваясь к оленям.

Животные плотно сбились вокруг чумов и шумно пыхтели — верный признак знойного дня. Отец проверял стадо, поглаживая по холке то одного, то другого оленя. Он делает так каждое утро.

И что за привычка у оленей! В жару непременно топчутся возле жилища, и не отгонишь. В такие дни стойбище представляет собой густой лес оленьих рогов, в котором кое-где белеют чумы.

Но в чуме и в жару прохладно. А в осеннее ненастье, когда пылает в очаге огонь, здесь тепло и уютно. Апоке нравится жить в чуме. Он спрашивал, почему оленеводы больше любят палатки. Говорят, в чуме дымно, да и собирать его после каждой кочёвки хлопотно. Сколько времени уйдёт, пока поставишь каркас из длинных жердей и обтянешь его. Нужно возить с собой штук тридцать жердей, нельзя же каждый раз молодые деревца срубать. У оленевода летом жизнь кочевая. И конечно, удобнее иметь дело с палаткой. Раз, два — и уже поставлена.

Дым в чуме Апоку не смущает: ничуть не дымно! Наверху отверстие для вытяжки, и в нём, как маленькое озеро, синеет небо. Интересно!

Среди оленеводов, пожалуй, один Чиктикáн — отец Апоки остаётся верен чуму:

— Это жильё эвенов! В нём рождались, жили и умирали наши предки. Что ни говори, жилище удобное!

Но зимой, конечно, в нём не живут — ведь есть тёплый добротный дом.

...Бабушка не торопясь ходит между оленями, подманивает солью дойных важенок, не спеша привязывает их к специальному столбу. «Вечером кээбэл[1] поедим!» — радуется Апока, наблюдая за бабушкой.

Важенки целый день простоят на привязи, и вымя накопит молоко. Подросших оленят к ним не подпустят — пора кормиться травой. Перед заходом солнца бабушка подоит олених. Молока будет много, и она обязательно приготовит чудесный кээбэл и нальёт внуку полную тарелку. Когда тарелка полная, кээбэл вкуснее!

От таких мыслей у Апоки потекли слюни.

Мальчик побежал к ручью умываться. Ключевая вода обжигала лицо. Оно сразу посвежело, порозовело. Апока склонился над гладью: на него из ручья глядело круглое глазастое лицо с еле заметным тонким вздёрнутым носом. Отросшие за лето волосы торчали даже из-за ушей. Апока остался доволен собой.

— Попей чаю, сынок! — позвала бабушка.

Мальчик с удовольствием принялся есть.

Подошла соседка, маленькая старушка Огдо́.

— Моя самая молочная важенка пропала, — пожаловалась она бабушке, медленно присаживаясь на оленью шкуру. Огдо выдернула изо рта трубку с длинным чубуком, тщательно вытерла его и протянула бабушке.

— Это какая же? — участливо спросила бабушка, принимая трубку из корявых, натруженных рук подруги.

— Пёстрая, помнишь?

— С меткой на шее?

— Да, она.

— Ок-со! — удивлённо воскликнула бабушка, возвращая трубку после нескольких затяжек.

Апока знал пёструю важенку бабушки Огдо: большая такая. Отбилась, наверное.

Он хорошо понимал отчаяние старушки. Если важенку вовремя не доить, молоко у неё постепенно исчезнет. А как старым людям без молока? «Чай с оленьим молоком лучше любого лекарства», любила повторять бабушка...

Подошёл отец. Молча постоял, по привычке разминая сильными пальцами плетёный аркан-маут. Апока вопросительно уставился на отца.

— Нет, пока не пришли, — тихо сказал Чиктикан, поняв немой вопрос сына.

Позавчера ночью из стада ушло десятка два оленей. Пастухи

[1] Кээбэл — блюдо из оленьего молока, напоминающее сметану.

надеялись, что олени вернутся сами, в жару они обычно пасутся кучно, теряются редко и почти всегда прибегают, подгоняемые тучей оводов. Когда оленей мало, от оводов не жди покоя и пощады. А когда оленей тысяча, устаёт и овод. Поэтому, наверное, и пасутся олени в жару кучно. Апока видит, как встревожен отец, хоть и скрывает своё беспокойство.

— Искать надо, отец. Поедем? — спросил сын, уплетая жареное мясо.

— Сегодня подождём.

— Садись, Чикты, и ты, попей чаю, пока горячий, — бабушка налила Чиктикану густой чай.

— Сегодня мы дежурим?

— Да. Отдохни днём хорошенько, – ласково ответил Чиктикан, отхлёбывая чай.

— А ты? — поинтересовался Апока.

— Поеду за продуктами.

Насупившись, Апока отвернулся от отца. Тот улыбнулся, и мелкие морщины возле глаз стали похожи на весёлые лучи.

— Дождись меня, отдохни, — посоветовал отец.

Мальчик промолчал. Апока не хныкал, когда отец в чём-то отказывал ему. Значит, так нужно. Отец зря говорить не будет.

2

Апока поймал своего любимого верхового оленя по кличке Бугды́ и поехал в горы. Это лучший отдых перед ночным дежурством. Поднимешься повыше, сядешь на прогретые солнцем теплые камни и сколько хочешь любуешься в бинокль.

Ни с чем не сравнимая красота открывается! Синие горы, до которых на Бугды и за день не доедешь, оказываются близко-близко: протяни руку — и пальцы наткнутся на шершавый ягель, покрывающий склоны. Наверное, от ягеля горы и кажутся синими?

Бинокль у Апоки не простой, памятный – подарок совхоза за отличный пастушеский труд.

Мальчик далеко отъехал от стойбища. Бугды шёл по гребню высоченного хребта. И тут внимание Апоки привлекли какие-то бурые пятна на обледенелой скале. «Кажется, уямканы[1]», – поду-

[1] Уямка́н — снежный баран.

мал он, направляя бинокль на скалу. Издали скала казалась гранёной. Острый её пик будто подпирал небо, склоны покрывали ослепительные пласты ледникового снега. Даже жаркое солнце не могло растопить его. Серые пятна, которые Апока принял за снежных баранов, оказались оленями. Теми самыми...

«Вон куда забрались!» — обрадовался мальчик.

В жару олень ищет прохлады. Найдёт высоко в горах лоскуток ледника и, пока солнце не скатится за горы, пока не спадёт жара, не уйдёт олень со льда.

Мальчик направился к леднику.

Хорошо идёт добрый Бугды! Несколько раз попадались куропатки. Они не улетали, а серыми комочками откатывались с их пути, быстро-быстро перебирая лапками. «Смотри-ка, храбрецы какие!» — удивлялся Апока.

На одном склоне громоздились каменные глыбы. «Кто же это там уселся? Э-э, да это тарбаган[1]. «На высоком камне, подставив солнцу золотистую грудь, дремал беспечный зверёк... Его так разморило на солнце, что он даже и не заметил мальчика. «Спи себе, чудак», — Апока радовался любой живности в горах.

Вот, наконец, и ледник. Апока запыхался. Пот заливал глаза, скатывался по лицу за ворот. Рубашка прилипла к телу. До оленей оставалось метров сорок—пятьдесят. Апока свистнул так, что заложило уши. Олени подняли головы. Мальчик крикнул:

— Ча-ат! Сэй!

Олени зашевелились. Апока, не переставая кричать, подбежал к ним. Олени нехотя двинулись вниз, норовя повернуть назад, к снегу. Они хитрили, стоит им однажды обмануть пастуха, они почувствуют уверенность, тогда со стадом трудно справиться. Животные умеют смотреть на человека свысока!

Апока кричал, пугал, размахивал над головой курткой. Наконец олени побежали вниз. Впереди — важенка бабушки Огдо с меткой на шее. Добрый верховой Бугды не отставал, бежал легко, вывалив язык в клочьях пены.

Солнце клонилось к закату, стало прохладнее. Впереди в долине показалось основное стадо. После знойного дня олени наслаждались прохладой и разбрелись по всем ближним склонам. Возле них прохаживались оленеводы Мэник и Чино. Они дежурят сегодня днём. А ночью дежурство примут Апока с отцом.

Олени, пригнанные с ледника, во весь дух пустились к стаду. Апока отстал и в бинокль следил за беглецами, пока они не слились со стадом. Мальчик повернул обратно. Если ехать горами, отсюда до стойбища рукой подать.

---

[1] Тарбаган — сурок, живущий в расщелинах скал.

— Апока-а!
Апока вздрогнул.
— Э-э! Кто кричит? — он оглянулся.
— Ха-ха-ха! — из-за камней появился Петя.
— Здорово напугал, — признался Апока, улыбаясь.
— Я тебя издали заметил, — смеясь, сказал Петя. Худой, долговязый мальчик, он был на целую голову выше Апоки.

Этим летом Петя в первый раз приехал в стойбище, где жили его дед Кóоча и бабушка Огдо. Петя закончил пятый класс, Апока — третий. Отец Пети заведовал в районе торгом.

— Ты куда ездил? — спросил Петя.
— Просто отдыхал. Ночью у меня дежурство.
— Ничего себе отдых — вспотел весь. — Петя недоверчиво оглядел Апоку.
— В горах был. Смотрел...
— Любовался природой?
— Ты-то что здесь делаешь? — Апока не заметил насмешки.
— Вот, — Петя показал связку капканов.

«А я-то подумал, что он пропавшую важенку своей бабушки ищет».

— А капканы зачем?
— Для тарбаганов. Не попадались?
— Нет, не видел, — твёрдо сказал Апока, вспомнив тарбагана, лениво дремавшего на камне.
— Поймать бы четырёх отцу на шапку, — размечтался Петя.
— А ты знаешь, что важенка бабушки Огдо пропала? — спросил Апока и подумал: «Лучше бы олениху искал, чем с капканами таскаться, не маленький...»
— Говорила. Чуть не плакала...
— Вот и поискал бы. Твоей же бабушки важенка...
— Отку-уда?! — протянул Петя. — Важенка совхозная.
— Но принадлежит-то бабушке.
— Пастухи найдут. Это их дело.
— А ты в стадо зачем приехал?
— Как зачем? Отдыхать!
— А я приехал пасти оленей.
— Вот и паси! И не хвались. Знаем, что ты лихо скачешь! Все говорят... — Петя неожиданно осекся и резко присел, потянув Апоку за собой. — Смотри! — прошептал Петя.
— Ты чего?
— Тише... — Петя пригнулся ещё ниже.
— Что? — шёпотом спросил Апока, озираясь.
— Уямкан, — едва слышно прошептал Петя. Его круглое лицо даже покраснело.

— Где?

— Вот он, — Петя глазами указал немного вверх.

На фоне синего неба величаво стоял самец снежного барана. Мощные, будто полированные рога изогнулись кольцом. Баран медленно поворачивал голову, а рога ловили на себя и отражали солнечные блики. На рогах множество волнистых поперечных полос. Одни тонкие, едва различимые, другие глубокие. По этим отчётливым метам охотники-эвены безошибочно определяют возраст снежного барана. Перед мальчиками стоял старый, опытный зверь. Видно, издалека пришёл.

Барана что-то тревожило. То ли услышал голоса мальчиков, то ли заметил их... Ребята прижались к земле, затаив дыхание. Баран постоял, покрутил могучей головой и не спеша исчез за горизонтом. Ребят он не заметил.

— Не уйдёт! Не уйдёт! — торопливо шептал Петя, бросаясь следом.

Апока еле поспевал за ним. Наконец Петя замер, вытянул тонкую шею и осторожно выглянул из-за камня.

— Тут он, совсем рядом, — обрадовался Петя.

— Дай, я посмотрю, — Апока на четвереньках пробрался на место Пети, привстал и навалился на камень.

— Сильно не высовывайся, — шепнул Петя.

— Эә! Отстань!

— Да тихо ты... — Петя дёрнул Апоку за ногу. — Не спугни!

Неподалёку зеленела лужайка. Уямкан спокойно пощипывал траву. Ни разу ещё Апока не был так близко от снежного барана. Мальчик онемел от восторга: «Уямкан рядом! Даже взрослые мечтают встретиться с ним. Вот он — смотрите!»

Воображение мальчика не раз рисовало такую картину: едет он по горам на своём Бугды, и вдруг из-за выступа скалы или даже из тумана неожиданно появляется стройный рогач... Апока разволновался. Он лежал на животе, почти не дышал, а по всему телу будто разливалась какая-то тёплая волна.

— Рога-то какие! Что будем делать? — торопливо спросил Петя, когда Апока сполз вниз.

Апока молчал. Он забыл о Пете и переживал только что увиденное. Перед глазами стоял уямкан.

— Ты что, оглох? — тормошил Петя приятеля. — Что делать-то будем с уямканом?

— А что с ним нужно делать? — удивился Апока.

— Как думаешь, не уйдёт баран, пока сюда доберётся мой дед с ружьём? — не отвечая на вопрос, тараторил Петя.

— Ты что? — возмутился Апока. — Это же уямкан... Разве можно его убивать?!

Верховые олени мальчиков лежали в тени. Ребята подняли их и повели за собой.

— О-о, мясо-то знаешь какое вкусное, нагулял жиру! А рога! Отец давно такие ищет. Говорит, должен подарить важному начальнику в городе, — не умолкал Петя, пока они ходко спускались по склону. Петя торопился.

«Как можно убивать такого красавца?!» — Апока мысленно представил себе, как старик Кооча поднимается в горы, сидя на горбу оленя, потом осторожно слезает с него недалеко от той лужайки, где пасётся рогач. Гремит выстрел, эхо разносит его далеко-далеко, и вдруг всё стихает. Могучий уямкан вздрагивает всем телом, окидывает удивлённым взглядом родные горы... Капает на зелёную траву тёплая кровь, и меркнет свет в глазах снежного барана. Со стоном неуклюже падает он на ослабевшие колени, всё ещё не веря, что погибает... Апока закрыл глаза, голова кружилась. Мальчик остановился.

— Барана нельзя трогать! Ты понял? — вдруг почему-то охрипшим голосом крикнул Апока.

— Да брось ты ныть! — отмахнулся Петя.

— Он пришёл издалека. Понимаешь? Он устал...

— А рога? Когда ещё такие встретишь? Ведь отец мечтает. Тебе что, одного уямкана жалко?

— Жалко... Очень жалко...

— Да их полно кругом! Что случится, если одного убьют? Отец всегда так говорит и каждую осень много мяса привозит, — не унимался Петя.

— А мой отец так не говорит... — отозвался Апока. — «Уямкана надо беречь. Их не так много, как кажется». Вот как говорит мой отец. — Апока точно повторил слова Чиктикана.

Ребята спустились к реке.

— Что ещё говорит твой отец? — насмешливо спросил Петя.

— Земля красивая, когда на ней живёт уямкан...

— Твой отец ничего не понимает в таких делах. Он же необразованный, — грубо перебил Петя.

Апока чуть не задохнулся от обиды за отца и за уямкана. В одно мгновение он возненавидел Петю. Отца Апоки никто ни разу не смел упрекнуть в необразованности. Неужели заведовать магазинами важнее, чем пасти оленей?

— Ты хвастун! — крикнул Апока, с ненавистью глядя на Петю. Апоке захотелось схватить камень и запустить в Петю.

— Что ты сказал?! А ну повтори!

— Хвастун и жадина! — Апока нисколько не боялся, что Петя старше и сильнее.

— Щенок! Я тебе покажу! — Петя бросился на Апоку. Тот

ловко увернулся, но успел двинуть кулаком в лицо соперника. Апока попал в нос. Брызнула кровь.

— А-а! — заорал Петя и, сбив Апоку с ног, сам рухнул на него. Началась отчаянная возня. Неизвестно, чем бы она кончилась, если бы не олени. Увидев драку и услышав визг своих хозяев, ездовые испуганно рванулись и помчались прочь.

— Держи! Держи! — закричал Петя, отпуская Апоку.

Олени, гордо задрав головы, с сёдлами на спинах размашисто бежали по высокому берегу. Заслышав Петин крик, они прибавили ходу. Мальчики бросились вдогонку.

3

Стадные олени дремали на лугу, когда усталые ребята пришли в стойбище. Ездовых Апоки и Пети кто-то уже расседлал, и они спокойно паслись в прибрежном кустарнике.

Апока доволен: солнце спряталось за горы, скоро стемнеет. Значит, сегодня уямкана никто не тронет.

— Где был, сынок? — спросил Чиктикан.

— В горах...

— Ну-ну... А то нет тебя и нет. Чуть не поехал на поиски, — пошутил отец.

— Устал, мой телёночек. Как теперь в ночное поедешь? — ласково ворковала бабушка. Она уже поставила перед Апокой ужин.

— Я не устал, бабушка, — Апока любовался её руками, старческими, но такими проворными.

— Ему виднее, он же мужчина, — поддержал Чиктикан сына.

— Мэник и Чино нашли потерявшихся, пригнали, вот радость-то! — Бабушка, улыбаясь, расставляла чашки.

— А важенку бабушки Огдо? — спросил Апока, вспоминая, как спугивал днём беглецов с ледника.

— Нашлась, нашлась. Бедная Огдо от радости не знает куда себя деть.

Чиктикан молча поглядывал на сына. Молчал и Апока, отчётливо вспомнив весь сегодняшний день.

Подкрались сумерки. Горы стояли понурые и потухшие. Будто и не прорезал их днём алмазный блеск долинных речек.

С земли один за другим поднимались олени. Они с удовольствием разминали затёкшие тела. Пора на ночное пастбище. Чиктикан оседлал верховых. Бабушка собрала в рюкзаки провизию. Августовские ночи прохладные, без горячего чаю не обойтись.

Апока был уже в седле, когда заметил, что Петя и дед Кооча тоже седлают своих ездовых оленей. Апока понял, что это значит: они поднимутся с зарёй и при первых лучах солнца найдут и убьют уямкана. Петя, отчаянно жестикулируя, что-то азартно рассказывал деду.

...Августовская ночь. Небо до самого горизонта будто накрыто медвежьей шкурой. Олени кучно улеглись в ложбине и притихли. В темноте их совсем не видно. Лишь олени-альбиносы белеют маленькими островками. Ночью оленеводы определяют по ним, в порядке ли стадо. Белые олени на месте, значит, и стадо на месте.

Отец и сын сидели у костра. Они только что напились чаю. Оба молчали.

— Вздремни маленько, Апока, — посоветовал Чиктикан, заметив необычную вялость сына.

«Может, заболел парень? С самого утра молчит и молчит. Или просто устал за день? Ведь это он нашёл на леднике оленей и погнал их. Настоящий эвен! Другой на его месте расхвастался бы: вот, мол, какой я смелый и споровистый! А он молчит, даже не намекнул», — душу Чиктикана переполняла отцовская нежность. Чиктикан редко её показывал.

Апока не слышал отца. Он немигающими глазами смотрел на огонь. Апока не заболел и не устал. Нет, если по правде, немножко устал. Тяжело на душе у Апоки, он думает об уямкане: «За что люди должны убить барана? Почему он не может жить своей жизнью? Отец рассказывал, как трудно приходилось, когда он был маленьким. Голодно было. Шла большая война. Но люди берегли уямкана. И просто так не трогали. Они говорили: «Уямкан живёт для людей — кормит и согревает. Исчезнет уямкан — беда будет...»

Чиктикан подкладывал сухой хворост, и пламя костра начинало свою пляску с новой силой, извиваясь и гибко покачиваясь из стороны в сторону. Треск горящего хвороста и дыхание пламени как музыка.

«Что говорил Петя? — вспоминает Апока. — Рога? Не ему, а какому-то там начальнику. Зачем? Уямкан не виноват, что у него такие рога. Начальник прожил бы и без них. Что же сделать?..»

— Мы сегодня уямкана видели, — тихо сказал Апока.

— Кто «мы»? — оживился Чиктикан.

— Я и Петя.

— Где?

— Недалеко отсюда.

— А-а, теперь я понял, почему олени убежали от вас, — рассмеялся отец. — Разинули рты на уямкана...

Анока смутился и покраснел, но при свете костра этого не было заметно. «Не могу же я рассказывать, как Петя едва не намял мне бока. Получится, что я жалуюсь».

— Большой?

— Огромный! А рога!.. Анока попытался изобразить над головой два крутых полукруга.

— Близко подпустил?

— Близко.

— Молодцы, повезло вам. Не всякому это удаётся...

— Беда с ним будет! — еле слышно сказал мальчик.

— Ты о чём?

— Уямкана-то... Аноку охватил страх, и он замолчал.

— Пусть живёт, — твёрдо сказал отец.

— Да?! — В голосе мальчика смешались обида и отчаяние.

— Конечно! Надо всех наших предупредить, чтобы не вздумали случайно...

— Предупредить?! — перебил, задыхаясь от слёз, Анока. — Да его сегодня утром убьют!..

— Кто убьёт?

— Петя с дедом!..

Анока не выдержал и всё рассказал отцу. Только о драке промолчал.

Чиктикан вспомнил: действительно, дед Кооча седлал двух верховых и на вопрос: «Куда собрался?» — ответил: «Да вот, внуку тарбаганов показать».

— Выходит, старик меня обманул? — сам себя спросил Чиктикан. Он положил огромные руки на плечи сыну: — Мы защитим твоего уямкана.

4

Утром отец и сын пригнали оленей и сдали дежурство.

— Бабушка, дед Кооча и Петя уехали? — был его первый вопрос бабушке.

— Ещё до солнца. Почему ты не спишь?

Отец напился чаю и сразу уснул. А мальчик не лёг спать, как обычно.

Когда вдали появились Петя и дед Кооча, Апока схватил бинокль. По его смуглому лицу расползлась широкая улыбка. Охотники ехали пустые. Даже ни одного тарбагана не поймали. За ними, высунув красный язык, понуро плёлся пёс по кличке Волк.

— Ушёл уямкан, — буркнул Петя при встрече. — Ушли рога...

И он рассказал, как долго они с дедом искали барана. Собака не брала след, потому что именно в тех местах прошли чьи-то олени. Вот и вспугнули.

Апока не слушал Петю. Он думал о своём отце Чиктикане, перебирал в памяти события минувшей ночи и улыбался, вспомнив, как под самое утро они с отцом нашли тот горный луг, где пасся снежный баран. Рогач спокойно лежал. Если уямкана не тревожить, он обычно долго задерживается на одном месте. Ему бы, красавцу, почаще менять лёжки, но не любит! И по этой причине часто гибнет. Дед Кооча не промахнулся бы!

Чиктикан вышел из-за валуна и громко кашлянул. Баран оторопело повернул голову в его сторону, потом резко вскочил и помчался во всю прыть по склону. Отбежав метров двести, рогач остановился, обернулся и снова помчался. Но это был уже не испуганный, а гордый, красивый бег.

— Теперь далеко уйдёт! — довольно сказал отец Апоки.

Красавец уямкан, закинув немного назад тяжёлую голову, изящными затяжными прыжками отмахивал километры по просыпающимся розовым горным склонам. Солнце нового дня снова играло бликами на могучих боевых рогах снежного барана.

Андрей Кривошапкин

СПЕШУ!

Хэй! Бежит олень мой резвый,
Бьёт в лицо мне холод резкий,
Скрип полозьев, а над нами
Полночь — чёрный великан.

Гэй! Дорога круче, круче —
Перевал! До самой тучи
Мы взлетели! Словно пламя,
Вьюга хлещет по щекам.

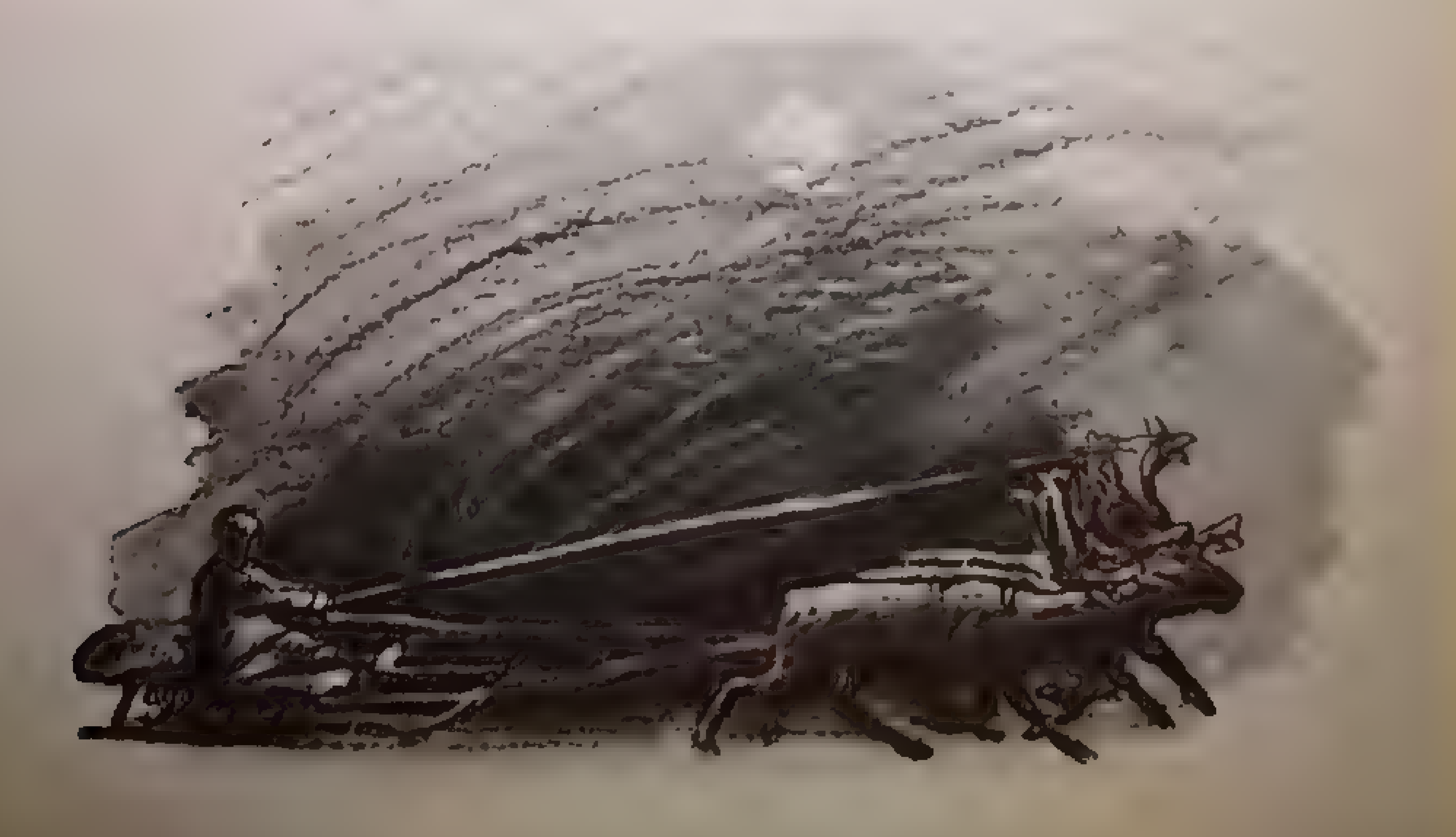
Хэй! И снова даль открыта.
Бьют по наледи копыта!
Лёд гудит — под ним кипенье
Запороженной реки!

Хэй! Плывёт туман навстречу,
Навалился мне на плечи, —
Лишь одни рога оленьи
Вижу я из-под руки.

Хэй! Речных торосов скрежет.
Скрип полозьев воздух режет,
Но олень мой тянет сильно,
Так что ветер отстаёт.

Хэй! Луну открыли тучи,
Чтобы мог я видеть лучше,
Как бежит ко мне долина,
Где меня родная ждёт.

Я доеду! Я упрямый!
Скоро, скоро крикну: — Мама! —
Обниму её с порога, —
Вот!

Прокопий Лонки

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Люди, слушайте нас!
Слушайте наш рассказ!
Мы запеваем песню о том,
Как хорошо мы живём.

Мы поём о великой тайге,
Мы поём о своём труде.
Мы о счастье своём
Песню поём

Зверем наши леса полны,
Рыбой наши реки полны
Мы в тайге проложили пути
Нашим детям по ним идти.

Мы поём о цветах весной,
Поём о солнце над нашей страной,
Мы о счастье своём Песню поём

СОДЕРЖАНИЕ

МОЙ ДОМ РОДНОЙ

ВЕСЕННЯЯ ПУРГА

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Рассказы, стихи, сказки

ИБ № 6559

Ответственный редактор
Т. М. Тумурова

Художественный редактор
О. К. Кондакова

Технический редактор
М. Г. Мохова

Корректоры
В. И. Иванова и Л. И. Дмитрюк

Сдано в набор 28.07.83. Подписано к печати 20.12.83. Формат $70\times100^{1}/_{16}$. Бум. офсетная № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 27,63. Уч.-изд. л. 9,79. Тираж 100 000 экз. Заказ № 554. Цена 65 коп. Ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Н 12 **На семи ветрах:** Рассказы, стихи, сказки писателей народов Крайнего Севера и Дальнего Востока/Сост. и предисл. И. Бурковой; Рис. В. Сальникова. — М.: Дет. лит., 1984. — 158 с., ил.

В пер.: 65 к.

В эту книгу вошли народные сказки, а также произведения писателей народов Крайнего Севера и Дальнего Востока: чукчей, ненцев, ханты, манси, эвенов, эвенков, юкагиров, ульчей, коряков, эскимосов, нивхов, нанайцев, удэгейцев, ительменов, долган.

Н $\frac{4803010200-060}{М101(03)84}$ 346—83

С(Сиб)